ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Изъ дневниковъ А. И. Волковой.

1884.

Сентябрь.

«*Рус. Вѣд.*». Изъ Уржума, Вятской губерніи. Сентября 21, 1884.

Характеристика бѣдственнаго положенія окончившихъ курсъ бѣдныхъ ученицъ различныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, жаждущихъ занять мѣсто сельскихъ учительницъ. «Окончившія семиклассный курсъ вятской женской гимназіи, не говоря о воспитанницахъ епархіальнаго духовнаго училища и уѣздныхъ прогимназій, нерѣдко ищутъ мѣста только помощницы сельской учительницы, не мечтая уже безъ особой протекціи попасть прямо въ наставницы, и такихъ счастливицъ, надо сказать, немного, которыя получаютъ и эти скудно вознаграждаемыя мѣста».

Женскій трудъ—тяжелый трудъ! Сколько женщинъ мечтаютъ найти удовлетвореніе въ заработанномъ ими самими кускѣ хлѣба, и какія муки и горькое разочарованіе ждетъ ихъ на пути по этой тернистой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сочувствія, ни искренняго отношенія къ положенію бѣдныхъ несчастныхъ труженицъ въ отдаленныхъ селахъ и деревушкахъ.

Какъ смѣшно и странно сужденіе нашихъ охранителей, нашихъ мужей, отцовъ, которые видятъ въ женщинѣ только мать, забывая, что большинство женщинъ не выходятъ замужъ, что онѣ должны существовать, имѣть заработокъ, кормить мать, отца и нерѣдко поддерживать всю семью своими трудами!

Честныя стремленія женщинъ жить своимъ трудомъ слѣдуетъ поддерживать, а не уничтожать и не преграждать имъ путь различными баррикадами, воздвигаемыми самимъ обществомъ.

Ноябрь и декабрь.

Афоризмы Тургенева (письмо къ Полонскому въ 1882 г.):

«а) Никогда ничего неожиданнаго не случается—ибо даже глупости имѣютъ свою логику.

в) Предчувствія *никогда* не сбываются.

c) Сообщенныя за вѣрнѣйшія извѣстія *всегда* ложны.

d) слѣдуетъ:

размышлять о прошедшемъ;
удовлетворять требованіямъ настоящаго,
и *никогда* не думать о будущемъ.

И наконецъ, самый важный афоризмъ:

Человѣкъ, желающій жить спокойно, ничего не предпринимай, ничего не предполагай, ничему не довѣряйся и ничего не опасайся».

— «Кто не боится смерти, тотъ боится жизни».

— Стихотвореніе Плещеева:

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь!
Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный;
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной;
Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры, и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.
Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.
И если въ старости, въ раздумья часъ печальный
Ты скажешь: «въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный»...
Ты будешь счастливъ, другъ: иного счастья нѣтъ!*)

— Слова г. Плевако въ рѣчи въ дѣлѣ Рыкова **) (Плевако состоялъ въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца): «Печальна та страна, разлагается тотъ надоръ, гдѣ люди не могутъ не красть, если около каждаго имущества не посаженъ песъ на цѣпи. Истинно развитое общество живетъ не приказаніями... Не на стѣнахъ должны быть начертаны скрижали, а въ сердцахъ людей» *(Рус. Вѣд.,* 4 дек. 1884).

1885.

Январь.

Заказъ торговой фирмы въ Иркутскѣ г. Хлѣбникову: «Въ концѣ декабря на московской фабрикѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей г. Хлѣбникова, по заказу одной извѣстной торговой фирмы въ Иркутскѣ, сдѣланъ полный серебряный столовый сервизъ на 10 персонъ, вѣсомъ въ 53

*) Настоящее стихотвореніе А. Н. Плещеева, печатаемое въ собраніи сочиненій подъ заглавіемъ „С . . . . . у". т. е. М. Е. Салтыкову, появилось въ печати въ 1855 г. въ „Рус. Вѣстникѣ", гдѣ имѣло подзаголовокъ: „При вступленіи на поприще".

**) Дѣло о расхищеніи скопинскаго банка, въ свое время прогремѣвшее на всю Россію.

пуда, который заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи предметовъ: этажерокъ, канделябровъ, фруктовницъ, тарелокъ и т. п. Сервизъ весь гладко чеканный, частью вызолоченный, стоитъ болѣе 100,000 рублей» *(«Рус. Вѣд.»)*.

Почему этой извѣстной торговой фирмѣ въ Иркутскѣ не явилась мысль построить на эти 100,000 рублей домъ для бѣдныхъ или для воспитанія дѣтей? Цѣлесообразность употребленія денегъ была бы очевидна, при основаніи полезныхъ учрежденій. Зачѣмъ нуженъ этотъ сервизъ въ 53 пуда извѣстной фирмѣ? На вопросъ возможенъ и отвѣтъ: сервизъ нуженъ для того, чтобы пускать пыль въ глаза обыкновеннымъ смертнымъ, не обладающимъ такими капиталами.

— «Вѣстникъ Европы», январь. «Бабье лѣто». Повѣсть О. Шапиръ.

Въ этой повѣсти изображена 38-ми лѣтняя женщина, которая полюбила человѣка моложе своихъ лѣтъ и довѣрилась этой любви, забыла дѣтей своихъ и обожглась. Молодой человѣкъ, которому она довѣрилась «на склонѣ лѣтъ своихъ», едва ли полюбилъ ее искренно. Молодость и красота ея племянницы произвели на него болѣе чарующее впечатлѣніе, и первая любовь оказалась ошибкою...

Что за глупости эти «любви» въ 38 лѣтъ! Привязывайся къ людямъ, люби ихъ, прощай, страдай, а о личной любви забудь; она возможна только въ 16—20 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ нѣтъ ни сомнѣнія, ни заглядыванія впередъ; все такъ гладко, красиво въ жизни, а тамъ жизнь начнетъ показывать себя и пойдетъ уже безконечная борьба, и всѣ иллюзіи молодости исчезаютъ навсегда.

И зачѣмъ позволять дурачить себя? Зачѣмъ радоваться и благодарить за любовную подачку мужчину, который въ женщинѣ всегда видѣлъ и видитъ только красоту и молодость? Толкуютъ о душѣ, объ образованіи, объ умѣ женщины; все это вздоръ, ничего имъ не нужно! Вотъ когда женщины будутъ образованы въ большинствѣ, тогда и мужчины будутъ смотрѣть на нихъ иначе, да и сами будутъ лучше: животные инстинкты дадутъ преимущество духовной жизни и въ мужчинѣ будетъ проглядывать больше человѣкъ, чѣмъ самецъ.

— Корреспонденція изъ Казани. Бракъ по неволѣ.

«Необыкновенныя похороны происходили у насъ 23 января. Около 12 часовъ дня, по направленію къ кладбищу, тянулся длинный обозъ съ народомъ, ѣхавшимъ на легковыхъ и такъ называемыхъ здѣсь «барабасахъ» (грузовыхъ извозчикахъ). Вслѣдъ за обозомъ везли на катафалкѣ гробъ, а за нимъ на полверсты тянулась густая черная масса народа всѣхъ классовъ и состояній. По улицамъ, гдѣ проходила процессія также стояли большія толпы народа.... Хоронили не выдающееся какое-либо лицо въ городѣ или губерніи, не заслуженнаго какого нибудь общественнаго дѣятеля,—хоронили молодую девятнадцати-лѣтнюю дочь

одного изъ крупныхъ казанскихъ купцовъ, Латышеву. Въ прошломъ году она окончила курсъ въ казанской маріинской гимназіи. 21-го января текущаго года вѣнчалась съ лицомъ изъ купеческаго сословія, 21-го же и скончалась. Покойная Латышева умерла въ брачной спальнѣ. Въ 5 часовъ утра, по окончаніи брачнаго пира, молодые вошли въ спальню. Полураздѣвшись, г-жа Латышева попросила своего мужа на минутку оставить ее одну. Въ это время она написала три краткихъ записочки и, вынувъ изъ кармана вѣнчальнаго платья небольшой револьверъ, выстрѣлила себѣ въ правый високъ. Смерть была мгновенная. Найденныя записочки были предназначены отцу, мужу, и сестрѣ. Отца проситъ она простить ее и не поминать худомъ; мужу объясняла, что онъ ей не любъ и она не можетъ съ нимъ жить; а сестру просила передать послѣднее прости тому, кого она любитъ. Отецъ покойной, какъ говорятъ, на всѣ заявленія ея о нежеланіи итти замужъ за «нелюбимаго ею человѣка», постоянно указывалъ на законность и непоколебимость своей отцовской воли: «Любишь—не любишь, да я такъ хочу», говорилъ онъ. Мачиха поскорѣе старалась выжить ее изъ семейства... Смерть Латышевой взволновала всю Казань. Въ полдень, 21 января, когда тѣло покойной везли въ анатомическій театръ университета, кортежъ сопровождали большія толпы народа. Масса любопытныхъ толпилась около университета и 22 января, ожидая выноса покойницы. Медицинское вскрытіе заставило умолкнуть стоустую молву, успѣвшую уже запятнать покойную нелѣпыми слухами о потери невинности и беременности,—Латышева умерла дѣвственницей. Похороны были совершены торжественно. Гробъ несли студенты университета; ихъ же хоръ пѣлъ панихиду и сопровождалъ гробъ... Всѣ жалѣютъ несчастную Латышеву («Новости», январь).

Титъ Титычъ существуетъ и царствуетъ и понынѣ въ Россіи.

Обязательныя жертвы этимъ самодурамъ бываютъ преимущественно жены, дочери, матери и сестры. Самоубійство Латышевой заставило встрепенуться многихъ самодуровъ. По крайней мѣрѣ, другіе будутъ осторожнѣе и не позволятъ себѣ насиловать своихъ дочерей вступать въ бракъ съ нелюбимымъ человѣкомъ!

1885.

27 февраля.

Какъ хорошо эти стихи подходятъ къ состоянію души моей:

«Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
Увы, не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина!
Весь день душа болѣла тайно
И за себя и за другихъ...
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной

Покой пора бы ей узнать!
Да гдѣ онъ? Гдѣ его искать?
Едва на землю утро взглянетъ,
Едва пройдетъ ночная тѣнь,—
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ,—
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши
Измученный и оскорбленный!*)

Несчастный авторъ, сколько онъ страдалъ и мучился!

Какая дерзость съ моей стороны помышлять даже о своихъ печаляхъ! Взгляни кругомъ, вездѣ темно, горько, тяжело, а ты ноешь еще тутъ. Гадко даже дѣлается на себя.

Вотъ еще стихотвореніе Никитина:

Похороны.

Парчой покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ огонь и дымъ,
Святыхъ молитвъ напѣвъ печальный,—
Вотъ все, чѣмъ жизнь заключена!
И эта жизнь покрыта тайной:
Завѣса смертью спущена...
Теперь скажи мнѣ, сынъ свободы,
Зачѣмъ страдалъ, зачѣмъ ты жилъ?
Отведена царю природы
Сажень земли между могилъ.
Молчатъ въ тебѣ любовь и злоба,
Надежды гордыя молчатъ...
Зачѣмъ ты жилъ, усопшій братъ?
Стучитъ земля по крышкѣ гроба,
И чуждый горя и заботъ
Глядитъ безсмысленно народъ.

Да, смерть прекращаетъ всѣ мученія жизни. Въ ней, только въ ней желанный, радостный исходъ земныхъ страданій, сомнѣній; исходъ мучительной борьбы со зломъ и съ совѣстью своей. Да, смерть это чудный, вѣчный покой! Сгніетъ лишняя, никому ненужная, песчинка, и черезъ мѣсяцъ эта песчинка уже затеряется въ общемъ жизненномъ круговоротѣ. Зачѣмъ—жила ты? Кому пользу принесла? Зачѣмъ суетилась вѣчно, боролась, волновалась? «Одинъ въ полѣ не воинъ». И тебя не стало, а кругомъ все то же, то же и то же...

Опять расхныкалась я! Нехорошо, довольно! Надо вызвать разумъ

*) Стихотвореніе Никитина.

скорѣе на сцену; пусть онъ заставитъ умолкнуть эти печальные звуки, раздающіеся въ душѣ моей. Пусть онъ потушитъ это вѣчное пламя, которое нѣтъ, нѣтъ, да и вспыхнетъ снова.

1886.

Осень.

Газеты наполнены корреспонденціями изъ средней Россіи, которыя повѣствуютъ почти одно и то же: бездорожье, вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, невозможность подвоза продуктовъ въ города; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сообщеніе между городами и селеніями прекратилось окончательно. Вообще времена плохія: вездѣ жалуются на полнѣйшій застой въ торговлѣ и промышленности, фабрики закрываются совсѣмъ, или сокращаютъ производство и, слѣдовательно, распускаютъ рабочихъ, которые за недостаткомъ заработка рискуютъ умереть съ голода.

— Какъ нравится мнѣ это восклицаніе изъ Лермонтовскаго «Демона»: «Опять, опять, опять одинъ!»*) Только слово «опять», пожалуй, и лишнее для меня, я всегда была одна въ духовномъ смыслѣ, хотя, видимо, гораздо счастливѣе многихъ другихъ: окружена дѣтьми и даже внучатами (положимъ только пока еще одинъ), и какъ все это далеко отъ меня!.. Стоимъ мы всѣ на противоположныхъ берегахъ рѣки, именуемой жизнью; стоимъ и удивляемся другъ на друга. Чудеса!

А рѣка разливается все шире и шире: сближеніе уже невозможно. Дѣти объ этомъ не тоскуютъ: имъ этого сближенія и пониманія другъ друга, пожалуй, и не нужно, а я, мама, страдаю и «въ минуту жизни трудную» надеждою себя утѣшаю, что, быть можетъ, настанетъ то блаженное время, когда мои «бренные остатки превратятся уже въ прахъ», произойдетъ сближеніе, основанное только на памяти прошлаго. Какое печальное утѣшеніе, а все—утѣшеніе!

— Недавно два коммерческихъ человѣка, вполнѣ достойные и уважаемые, только въ коммерческомъ мірѣ, разбирали степень и количество моего ума. И что же? Какіе результаты? Очень печальные, друзья мои! Я оказалась не умна...

Вопросъ разрѣшенъ окончательно, чему я, конечно, очень рада.

— Говорятъ, говорятъ о женскомъ вопросѣ, а все толку мало! Куда ни взглянешь и въ низшіе и въ высшіе слои общества, вездѣ—одно и то же: вездѣ женщины—существа подчиненныя, и только. Конечно, въ интеллигентныхъ кружкахъ общества эта подчиненность болѣе за-

*) Неточная цитата. У Лермонтова:

И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной,
Безъ упованья и любви!...

маскирована, нежели въ другихъ сословіяхъ, но и тутъ все равно: снисходительность и снисходительность и ничего болѣе. Всякій поступокъ женщины объясняется всегда различными мотивами не въ пользу ея, а иногда даже и совсѣмъ грязными. Вездѣ ищутъ недомысліе, неумѣлость, неловкость: случается, что даже очень хорошіе, благородные поступки женщины втаптываются въ грязь и опошливаются въ глазахъ общества. Да, много нужно еще времени, чтобы женщину признали человѣкомъ.

Недавно мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ господиномъ, довольно образованнымъ и неглупымъ, который, услышавъ отъ кого-то, что я издавала журналъ, былъ такъ удивленъ, что не разъ переспросилъ меня: «Васъ это занимало, вы интересовались этимъ дѣломъ и занимались имъ съ любовью?» Не знаю, по моему мнѣнію, слѣдовало гораздо болѣе удивляться тому, что я «не въ свои сани сѣла» по своему непослѣдовательному сбразованію, а уже никакъ не тому, что я могла интересоваться журнальнымъ дѣломъ.

Женщина должна интересоваться нарядами, пирогами, соленьями, вареньями и пр.; пожалуй, вышиваньями, и только; если же, презрѣнная, задумаетъ поинтересоваться чѣмъ-нибудь другимъ, то конецъ—погибла; обидныя насмѣшки, улыбочки, приправленныя сарказмомъ, вотъ—рука помощи отъ общества. И далеко не одни только мужчины топчутъ въ женщинахъ всякое проявленіе мысли, нѣтъ, женщины, сами женщины безпощаднѣе мужчинъ въ этомъ случаѣ. Отупѣвъ въ своей женственности, женственныя женщины, какъ принято называть женщинъ, занимающихся нарядами и кухнею, озлобляются противъ тѣхъ мученицъ, которыя несутъ, спотыкаясь, тяжелое знамя женскаго вопроса.

20 ноября.

У каждаго человѣка должны быть свѣтлыя минуты въ его жизни. Есть ли и были ли у меня когда эти минуты? Нѣтъ, нѣтъ, сто разъ нѣтъ, если только не называть свѣтлыми минутами тотъ промежутокъ времени, когда острыя печали не чередуются одна за другими, замѣняя собою одна другую. Именно, нѣтъ острыхъ только, а тупыя печали грызутъ постоянно. И вѣчный этотъ безотчетный страхъ, это ожиданіе чего нибудь еще новаго такъ тяготятъ меня и мучатъ, что, право, жить не стоитъ. Развѣ это не счастье для человѣка въ жизни, если онъ воленъ лишить себя жизни, и тѣмъ самымъ, избавиться отъ всѣхъ мукъ и разрѣшить всѣ вопросы? Да, смерть разрѣшаетъ все.

Есть въ жизни еще утѣшеніе, присущее всѣмъ горемыкамъ, это—утѣшеніе въ томъ, что масса людей живутъ хуже меня. Быть можетъ, это и можетъ доставить утѣшеніе или скорѣе успокоеніе, но какое жалкое...

— Опять тоска, опять мученія! Когда же наступитъ всему конецъ? Когда вздохну я отъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя такъ сплелись, что и исхода нѣтъ? То самолюбіе оскорбляютъ, то глупости возмущаютъ, то еще какія нибудь гадости открываются.

И такъ всю жизнь: изъ одной ямы—въ другую!

6 декабря.

Странное состояніе ощущается мною сегодня. Не то пустота, не то апатія, и сама не пойму. Съ утра чувствовала себя сносно, и даже увлеклась, прочитавъ объясненіе девятой симфоніи Бетховена, а кстати и біографію его. Какъ страдалъ онъ въ жизни, и все изъ за идеи. Жаль, что мнѣ не удалось слышать эту симфонію: навѣрное я бы успокоилась духомъ, услышавъ заключительные звуки симфоніи, выражающіе радость жизни: «точно изъ милліона грудей вырывается единодушный крикъ:

Обнимитесь, милліоны,
Поцѣлуй сей, міръ, тебѣ!»

Воображаю, какіе это были бы звуки! Какъ хороша была бы жизнь, если бы люди, эти гадкіе люди, могли искренно любить другихъ людей, безъ различія націй, сословій, званій и состояній. Нѣтъ, это невозможно, кумиръ златой есть идолъ всѣхъ людей: ему поклоняются, его обожаютъ, для него забываютъ все на свѣтѣ, а любовь къ ближнему это пока еще въ большинствѣ случаевъ только фраза, которой прикрываются для гадкихъ цѣлей.

6 декабря, вечеръ.

Работать что-то не хочется, читать тоже, ѣхать также никуда бы не поѣхала. Тянетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, смотрѣть въ одну точку, ни о чемъ не думать, не говорить, такъ въ родѣ истукана быть. Хорошо и покойно!

7 декабря.

Звали на поминки: не поѣхала, не могу. Противно! Кого только тамъ не будетъ: «праздно-ликующіе» пріѣдутъ съ радостными физіономіями отъ вѣчной праздности; умные подлецы важно войдутъ въ гостиную, снисходительно улыбаясь направо и налѣво; альфонсы придутъ рука объ руку съ патронессами въ преклонномъ возрастѣ, а тамъ потянутся и «всяческіе» старики и старушки: кто покушать сладко придетъ, кто посплетничать, кто выпить... Иногда, при извѣстномъ состояніи духа, такая смѣсь можетъ доставить богатый матеріалъ для наблюденія, но именно только при извѣстномъ состояніи духа, а не во всякое время. Сегодня, напримѣръ, я не была бы въ состояніи наблюдать: мнѣ кажет-

ся, что я стала бы злиться, а эта безсильная и молчаливая злоба совсѣмъ бы измучила меня. Сейчасъ же я одна во всемъ домѣ: какъ тихо, спокойно...

16 декабря.

Вчера видѣла въ театрѣ новую пьесу подъ названіемъ «Звѣзда Севильи» Лопе-де-Вега (переводъ Юрьева). Содержаніе этой трагедіи слѣдующее: король Севильи влюбляется въ одну изъ своихъ подданныхъ и, желая обладать ею, осыпаетъ своими милостями брата дѣвушки, который, подозрѣвая что-то недоброе, гордо и сдержанно отвергаетъ ихъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ высоко чтитъ короля и его власть, и почему-то не смѣетъ отказаться отъ этихъ милостей прямо. Одинъ изъ приближенныхъ короля раздуваетъ страсть его къ дѣвушкѣ и всѣми силами способствуетъ ихъ соединенію, пускаясь даже на подкупъ служанки, невольницы-дѣвушки, которая, увлеченная обѣщаніемъ получить свободу отъ короля, впускаетъ его ночью въ комнаты своихъ господъ, гдѣ король совершенно неожиданно встрѣчается съ братомъ дѣвушки. Король сконфуженъ, братъ требуетъ поединка, защищая честь своей сестры, не подозрѣвая сначала, что онъ имѣетъ дѣло съ королемъ, который закрываетъ свое лицо плащемъ; когда-же братъ догадывается, что передъ нимъ король, и тотъ объявляетъ ему объ этомъ, братъ обзываетъ его клеветникомъ и смѣло заявляетъ, что король не можетъ быть такимъ низкимъ и грубымъ эгоистомъ, чтобы воспользоваться такимъ способомъ обмануть его сестру. Возвеличивая личность короля, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ свои подозрѣнія противъ него и порицаетъ его поступокъ. Король возмущенъ и снова повторяетъ, что онъ король. Братъ продолжаетъ свое порицаніе, показывая видъ, что онъ не вѣритъ ему. Король бросается на него, но въ это время появляются слуги и король бѣжитъ изъ дома, боясь быть узнаннымъ...*)

Пѣсня маніака.

Пѣсня старинная, пѣсня не новая,
Пѣсня унылая, пѣсня суровая,
Пѣсня холодная, пѣсня голодная.
Бѣдность ты горькая, тьма непроходная...
Тощія нивы, селенья убогія,
Нищіе-дѣти и старцы безногіе;
Всѣ вы, судьбой обойденные,
Всѣ оскорбленные, всѣ униженные!
Время пройдетъ запустѣнія,

*) Замѣтка на этомъ обрывается. Въ то время пьеса имѣла большой успѣхъ.

Нивы распустятся вновь...
Боже! Пошли имъ терпѣнія,
Боже! Пошли имъ любовь!..

Отрини эгоизмъ и самодовольство сытыхъ и довольныхъ.

Стихотвореніе И. С. Аксакова:

Ликуй же ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй!
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте-жъ, силы, вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра! *)

Черствѣйте всѣ, борцы, тупѣйте безъ конца. Царство лжи и подлости царитъ надъ всѣмъ прекраснымъ и святымъ. Златой телецъ—онъ Богъ, онъ одинъ всесиленъ въ нашъ XIX вѣкъ!

1887.

Февраль.

Поэтъ Надсонъ, безвременно умершій отъ чахотки **), утѣшаетъ скорбящихъ и падающихъ подъ гнетомъ лжи: онъ вѣщаетъ міръ любви, счастья:

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ!
Кто бъ ты ни былъ, не падай душой!

. . . . . .
. . . . . .

Стихи Надсона.

Терпи!.. Пусть взоръ горитъ слезой,
Пусть въ сердцѣ жгучія сомнѣнья...
Не жди людского сожалѣнья
И, затаивъ въ груди мученья,
Борись одинъ съ своей судьбой...
Пусть устаешь ты съ каждымъ днемъ,
Пусть съ каждымъ днемъ все меньше силы...
Что-жъ, радуйся: такимъ путемъ
Дойдешь скорѣй, чѣмъ мы дойдемъ,
До цѣли жизни—до могилы.

28 февраля.

Какъ много прожито—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя и юность, и любовь...

---

*) Окончаніе стихотворенія „Пусть сгибнетъ все"...
**) Надсонъ скончался 20 янв. 1887 г.

И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено—и не воскреснетъ вновь! *).

Да, оплакано, осмѣяно, но не забыто. Забыть мученія души, забыть горькое пережитое невозможно—слѣдъ остается и очень глубокъ. И не воскреснетъ вновь, это—вѣрно. Не воскреснутъ юность, любовь и надежды свѣтлыя. Осадокъ горечи остается отъ прошлыхъ радужныхъ мечтаній, и ничего больше.

— На сдѣланный изъ Тифлиса недавно графу Л. Н. Толстому запросъ нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ—какое онъ бы могъ рекомендовать имъ дѣло, знаменитый писатель отвѣчалъ письмомъ, напечатаннымъ въ *«Новомъ Обозрѣніи»:*

«Вы спрашиваете дѣла. Кромѣ общаго всѣмъ намъ дѣла—стараться уменьшать тѣ труды, которые употребляются другими на поддержаніе нашей жизни, сокращая свои потребности и дѣлая своими руками, что можешь сдѣлать для себя и для другихъ,—у пріобрѣтающихъ знанія есть еще дѣло: подѣлиться этими знаніями, вернуть ихъ назадъ тому народу, который воспиталъ насъ. И вотъ такое дѣло есть у меня. Существуютъ въ Москвѣ издатели народныхъ книгъ: азбукъ, ариѳметикъ, исторій, календарей, картинъ, разсказовъ. Все это продается въ огромныхъ количествахъ, независимо отъ достоинства содержанія, а только потому, что пріучены покупатели и есть искусные продавцы... Дѣло-же, предлагаемое мною Вамъ, слѣдующее: взять одну или нѣсколько изъ этихъ книгъ — азбуку-ли, календарь, романъ-ли (особенно нужна работа надъ повѣстями: онѣ дурны и ихъ много расходится), прочесть и исправить, или вовсе передѣлать».

Л. Н. Толстой предлагаетъ дѣло молодымъ дѣвушкамъ и дѣло хорошее. Почему бы и другимъ не заняться такимъ полезнымъ и осмысленнымъ дѣломъ? Какъ бы и мнѣ хотѣлось попробовать мои силы, но страхъ за мою неумѣлость, неспособность, останавливаетъ меня написать Толстому и предложить свои услуги. Впрочемъ, меня останавливаетъ не одинъ страхъ только за неумѣлость и неспособность. Нѣтъ, мнѣ страшно, что онъ назоветъ меня выскочкой и не отвѣтитъ на письмо. Кого бы спросить объ этомъ, съ кѣмъ посовѣтоваться? Не знаю, дома нѣтъ лицъ, которыя дали бы умный совѣтъ.

А если я и въ самомъ дѣлѣ не сумѣю? Что тогда? «Не суйся, гдѣ тебя не спрашиваютъ». Буду осмѣяна и только, съ примѣсью, конечно, моего купеческаго званія. Посыпятся чудные эпитеты по моему адресу. Сегодня рѣшу этотъ вопросъ.

21 мая.

Сижу въ Пятигорскѣ и сегодня особенно что-то тоскую. О чемъ грусть эта, и сама не знаю. По всей вѣроятности, дурная погода распо-

*) Изъ стихотв. Надсона „Завѣса сброшена".

лагаетъ къ мрачному настроенію. Дождикъ льетъ безъ конца, а музыка исполняетъ въ цвѣтникѣ свои обычные вальсы и проч.

А хорошо здѣсь! Кругомъ горы, покрытыя зеленью; акація бѣлая въ полномъ цвѣту. Благоуханіе въ воздухѣ. Природа ликуетъ и торжествуетъ, а вмѣстѣ съ нею, по временамъ, и мой духъ какъ будто свѣтлѣетъ. Не такъ мрачно и тяжело, какъ всегда.

Вчера прочла Шиллера «Донъ Карлосъ» и увлеклась маркизомъ де-Поза. Какое безкорыстіе, какая любовь къ Донъ-Карлосу. Сколько благородства! Пріятно и отрадно читать такія произведенія въ настоящее время, когда царствуетъ только ложь и поклоненіе Ваалу.

22 мая.

Сейчасъ прочла въ «Новостяхъ» о Батюшковѣ, по поводу изданія его сочиненій. Статья написана Морозовымъ, подъ заглавіемъ: «Забытый поэтъ». Между прочимъ, разсказывается и біографія поэта, въ которой описано тяжелое настроеніе его въ послѣдніе годы жизни. «Безъ любви, безъ упованія, безъ дружбы, безъ идеаловъ и жить нельзя», говоритъ Батюшковъ. Часто думаетъ онъ о смерти, но его спасаетъ религіозное чувство. Читаемъ мы, простые люди, эти строки, жалѣемъ, скорбимъ о поэтѣ; а сколько на свѣтѣ людей, которые также живутъ безъ дружбы, безъ любви, безъ упованія, съ скрываемыми идеалами, которые не подходятъ къ окружающимъ людямъ; ихъ надо глубже прятать, эти идеалы, иначе ихъ осмѣютъ, надругаются надъ тѣмъ, что дорого человѣку, что вымучено имъ въ теченіе жизни, выношено въ груди.

19 іюня.

Пріѣхала въ Пятигорскъ съ намѣреніемъ заниматься на досугѣ, а сама ничего не дѣлаю. По утрамъ читаю газеты, то скорблю, то радуюсь, впрочемъ, въ настоящее время послѣднее очень рѣдко, т. к. общественный строй не представляетъ ничего радостнаго. Застой во всемъ, уныніе общее; ликуютъ только денежные тузы.

20 іюня.

Сегодня прочла разсказъ Гюи-де-Мопассана: «Одиночество».

«Изъ всѣхъ неразъяснимыхъ тайнъ человѣческой жизни», говоритъ Гюи-де-Мопассанъ, «я разгадалъ одну; я понялъ, въ чемъ заключается самое великое страданіе въ нашемъ существованіи; оно заключается въ нашемъ вѣчномъ одиночествѣ, несмотря на то, что всѣ стремленія наши, всѣ наши дѣйствія направлены къ тому, чтобы избѣжать этого одиночества».

«Что бы мы ни предпринимали, что бы мы ни дѣлали, каковы бы

ни были порывы нашего сердца, призывы лобзаній и горячихъ объятій,— усилія напрасны: мы всегда одни».

Какъ это все вѣрно! Прочла и тотчасъ же списала отрывки. Это такъ подходитъ ко мнѣ. Не разъ я думала объ этомъ и жестоко страдала и, по обыкновенію всѣхъ людей на свѣтѣ, живущихъ въ своемъ «я», воображала, что на мою долю и долю очень немногихъ выпало такое одиночество, но это одиночество присуще большинству мыслящихъ людей и пожилыхъ, когда всѣ мечты на сочувствіе другихъ исчезаютъ, какъ паръ. «Никто другъ друга не понимаетъ!» Быть можетъ, во время моихъ повѣствованій, повѣствованій искреннихъ, надо мной глумились, обзывали мысленно разными эпитетами, смѣялись и, наконецъ, просто скучали.

29 іюня.

Гуляла сегодня цѣлый день, ходила даже на музыку: хотѣлось видѣть людей и слышать голоса людскіе, а то что то соскучилась; хотѣлось смѣяться. Достигла цѣли, смѣялась очень много. Типы замѣчательные здѣсь; костюмы оригинальные по своему безвкусію и безобразію. Вечеромъ ходила гулять съ нашей хозяйкой, ея дочерью и тремя драгунами, знакомыми съ NN. На обратномъ пути одному изъ нихъ пришлось предложить мнѣ руку. Молодой человѣкъ, мой кавалеръ долго молчалъ, потомъ разсказалъ, какъ они живутъ въ полку здѣсь, въ Пятигорскѣ. Библіотека плохая, газетъ, кромѣ «Инвалида», не имѣютъ. Чтеніемъ почти никто не интересуется, а только винтятъ и винтятъ всѣ съ утра до вечера. Никто не собираетъ въ Пятигорскѣ кружковъ, цѣль которыхъ была бы поговорить, поспорить, обмѣняться мыслями. Сплетня растетъ, растетъ, подымается и покрываетъ собою все живущее въ Пятигорскѣ; все оплевано, покрыто грязью, плѣсенью. Въ каждомъ домѣ здѣсь знаютъ все то, чего и самъ человѣкъ не знаетъ про себя.

5 іюля.

«Миръ вамъ, хорошіе честные труженики и хорошія умныя книжки,—мысль не умираетъ, мысль вѣчна»... (слова, сказанныя Маминымъ, корреспондентомъ «Новостей», іюнь 1887 г.). Да мысль вѣчна, она не можетъ умереть; она переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; она измѣняется, дополняется, но суть остается въ ней одна.

Читала сегодня, перечитывала, первый томъ Тургенева, гдѣ онъ, говоря о Бѣлинскомъ, восклицаетъ: «Кому не вынулся хорошій нумеръ— щеголяй съ пустымъ, да не сказывай никому».

Послѣднее самое главное, но рѣдко кто изъ насъ отрѣшается или скорѣе можетъ отречься отъ эгоистическаго удовольствія поносить-

ся съ своимъ горемъ, поныть, и является будто даже и облегченіе отъ этого нытья. Въ сущности же зачѣмъ это?..

15 іюля.

Вчера какъ будто лучъ свѣта промелькнулъ въ душу мою, освѣтилъ ее печальную. Да и какъ не освѣтить: вечеромъ было такъ хорошо за пять верстъ отъ города. Мѣсто открытое въ саду Больдта, съ одной стороны возвышается Бештау, освѣщенный луною, съ другой Машукъ глядитъ въ тѣни на насъ. Народу было съ нами много: все молодежь; изъ старыхъ и зрѣлыхъ были я, хозяйка и N, тоже любитель природы. Росъ онъ одинокимъ, ласки матери не зналъ, вотъ природа и замѣнила ему все и отца, и мать, и, кажется, даже и семью... Природа не посмѣется, не обманетъ, не оскорбитъ, не будетъ топтать въ грязь самолюбіе.

19 іюля.

Опять сердце болитъ: стрѣляетъ, ноетъ, а я не лечусь, да и не зачѣмъ; все равно одинъ конецъ. Опять стонъ, опять печаль и лучъ забытъ. Борьба и борьба вѣчная, мелкая, грязная, глухая: кругомъ дрязги, гадости; такъ все пусто! Тогда только и блеснетъ лучъ, когда природа тихо ласкаетъ мою душу своей красотою, тихо шепчутъ листья, все живетъ, все дышетъ. Вчера N говорилъ, что и листья говорятъ съ тѣми, кто умѣетъ вникнуть въ красоту природы. Да, это вѣрно! А просторъ, этотъ воздухъ, насыщенный кислородомъ—все это вмѣстѣ взятое придаетъ бодрости и энергіи: хочется жить, бороться. Надо чаще обновлять себя этими чудными картинами, иначе, нельзя жить безъ сочувствія, а кто же такъ глубоко можетъ молчаливо сочувствовать, какъ природа?

20 іюля.

Къ людямъ надо быть снисходительнѣе! Да, это вѣрно. Не даромъ Гюго сказалъ: «все понять, все простить». Но достигнуть этой всеобщей снисходительности, никогда не возмущаясь всѣми жизненными явленіями, невозможно. Нерѣдко самый темпераментъ человѣка не допуститъ до этого. Разумъ объясняетъ всѣ эти явленія, а чувство противорѣчитъ, возмущается. Скверно и гадко дѣлается, когда видишь, что не ладишь съ собою. Разумъ долженъ побѣждать все.

28 іюля.

Опять скорбь, опять унынie! Нѣтъ, входить въ этотъ душевный міръ и самой даже не слѣдуетъ, не только что другимъ. Не слѣдуетъ оставаться одной и безъ дѣла; какъ только одна, такъ тотчасъ же начнется разборъ пережитыхъ впечатлѣній, критическое отношеніе къ нимъ, и

опять скорбь, и опять тщета жизни. Зачѣмъ, зачѣмъ все это? Зачѣмъ жить? Нѣтъ, нѣтъ, не буду думать, не буду углубляться въ себя. Работать надо больше, тогда получается удовлетвореніе. Положимъ, что и сознаешь, что эта работа, этотъ трудъ ничтожны; но все таки полезныя крохи какъ будто и есть. Трудиться и трудиться, какъ чѣмъ кто можетъ—вотъ—девизъ!

29 іюля.

Вчера долго лежала я, утомленная отъ жары. Голова работала сильно. Все пережитое проходило, какъ во снѣ, и вдругъ передъ мною разстилается море, это—жизнь. Я плыву въ волнахъ этого моря, утомленная, обезсиленная отъ борьбы съ волнами; гляжу направо, налѣво; ищу, не только прочнаго корабля, который могъ бы укрыть меня отъ разбушевавшагося моря, но хотя бы маленькаго челна или даже доски, которая могла бы дать возможность отдохнуть отъ борьбы. Нѣтъ, лодки нѣтъ, нигдѣ; нѣтъ и доски, а волны бушуютъ, бушуютъ безъ конца: то вдругъ чувствую я, что я выплываю на поверхность; волна поднимаетъ меня; является надежда, хотя и невѣрная, на спасеніе; спѣшишь дышать и вдругъ волна опять потопила, залила, и меня нѣтъ, и такъ безъ конца, безъ конца, пока не зальетъ на вѣки и не опустишься въ пучину морскую...

Окаменѣвъ измученной душой,
Я жажду одного—безстрастнаго забвенья,
Я смерть къ себѣ зову, — зову ея покой...*).

Какъ много мыслей у Надсона сродственныхъ мнѣ! Вездѣ въ его стихотвореніяхъ проглядываетъ грустная нотка, а порой даже и отчаяніе.

Въ минуты унынья, борьбы и ненастья,
За дружбу и свѣтъ ободряющихъ словъ
Всю душу, не знавшую съ дѣтства участья,
Отдать, какъ ребенокъ, я страстно готовъ.
Подъ ласку ихъ сердца смолкаетъ тревога
И снова въ немъ вѣра сіяетъ тепло,
И терніи трудной, тяжелой дороги,
Какъ свѣжія розы ласкаютъ чело **).

Въ какомъ то отчаяніи иногда и въ тоскѣ я жажду «дружбы и свѣта ободряющихъ словъ», а ихъ все нѣтъ и нѣтъ и снова уйдешь въ себя, прикрываясь насмѣшкой, сарказмомъ.

«Ночь медленно плыветъ... Пора-бъ и отдохнуть
Отъ дня тревогъ и думъ, печали и волненій;

*) Изъ посмертныхъ стихотвореній Надсона. „Рус. Мысль" 1887 г. Май.
**) Тоже.

Пора-бъ, какъ скучный сонъ, съ больной души стряхнуть
Весь этотъ хмѣль и чадъ недавнихъ впечатлѣній...
Какъ было-бъ хорошо услышать надъ собой
Изъ братскихъ устъ слова участья и привѣта,—
Но я за дневникомъ одинъ съ моей тоской,
И нѣтъ на откликъ мой желаннаго отвѣта...*).

Да, «и нѣтъ на окликъ мой желаннаго отвѣта»: всегда одна и одна!

Да, «чужіе стоны, скорбь чужая еще мнѣ близки, какъ свои», потому и надо жить, а кто же сниметъ съ меня жизненныя колодки, жизненныя вериги, оковы? Смерть, никто другой.

30 іюля.

Въ «Русской Мысли» за 1887 г. въ майской книжкѣ появилась статья подъ названіемъ «Значеніе Суворова для его и нашего времени», соч. Дубровина. Статья эта написана Петрушевскимъ.

«Суворовъ обладалъ умомъ живымъ и впечатлительнымъ; критика и затѣмъ сарказмъ были его органическими свойствами, жажда знанія неизмѣннымъ спутникомъ всей его жизни. Умъ его отличался также многими признаками оригинальности». Кромѣ того, Суворовъ былъ почти самоучкой, стало быть образовывалъ свой умъ безъ метода и системы; «не на общемъ образованіи выросло его спеціальное, а наоборотъ—общее на спеціальномъ». Вообще Суворовъ былъ геніальный человѣкъ, а такъ какъ обстановка и среда, въ которой сложилось это лицо, представила ему путь по военному поприщу, то и геній его вылился въ военномъ дѣлѣ; если бы Суворову пришлось жить въ другой жизни, при другихъ условіяхъ, то и геній его проявился бы въ другихъ формахъ. Такая жажда знанія, которая была у него въ тѣ времена, могла бы образовать замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, если бы онъ жилъ въ текущемъ вѣкѣ...

Прочитавши эту статью и сдѣлавъ выписку, я какъ будто почувствовала крылья для новой борьбы съ обстоятельствами, меня окружающими.

На самомъ дѣлѣ, всмотрѣвшись глубже, развѣ нельзя увидѣть, что я мѣняюсь на мелкую монету, погружаясь въ эти жизненныя дрязги. Да, «il faut savoir vouloir», а главное не падать духомъ подъ бременемъ дрязгъ! Энергія еще не побѣждена, почему надо забыть все, и за работу, которую, положимъ, я и не оставляла за время зимы, но временами руки опускались отъ тяжести ноши. Во всякомъ случаѣ я мало

*) Изъ посмертныхъ стихотвореній Надсона. „Рус. Мысль" 1887 г. Май.

работаю; необходимо безъ устали... Заглушить всѣ скорби за себя и за другихъ можно только трудомъ, трудомъ и ничѣмъ болѣе.

31 іюля.

Какъ вѣрно Кавелинъ говоритъ: «Нравственность и безнравственность мотивовъ ставятся ни во что: нравственная гадливость (щепетильность), отвращеніе, сдержанность, скромность, нерѣшительность, вызываемыя нравственными мотивами—считаются тупостью; успѣхъ и удача, достигнутые какими бы то ни было средствами и путями возводятся въ добродѣтель, и крикъ горе побѣжденнымъ—обратился въ правило мудрости».

Въ «*Русской Мысли*» за іюнь и іюль м-цы 1887 г. помѣщена повѣсть Вербицкой подъ заглавіемъ «Разладъ». Содержаніе повѣсти можно выразить въ двухъ словахъ: женщина ради идеи жить не на чужой счетъ, а собственнымъ трудомъ, жертвуетъ любовью, голодаетъ и мучится, содержитъ литературнымъ трудомъ троихъ дѣтей своихъ отъ умершаго мужа, но на содержаніе къ любимому, женатому человѣку не идетъ, увѣренная, что онъ потеряетъ къ ней всякое уваженіе, если она это сдѣлаетъ. Борьба въ трудѣ была слишкомъ не по силамъ ея, и она умираетъ отъ скоротечной чахотки, но не побѣжденная, а побѣдителемъ. Вотъ это сила! Такъ и должно быть. Женщина должна показать, наконецъ, что не для одной любви создана она, не игрушка она для мужчины, а должна и можетъ трудиться, забывая всѣ невзгоды, въ особенности, если она имѣетъ средства и обезпечена. Какъ жалки мои печали...

Славное было время женскихъ курсовъ *), когда женщинѣ и бѣдной, и богатой было доступно учиться; для бѣдной открывались пути жить своимъ трудомъ; для богатой возможность съ пользой употребить досужее время и, кромѣ того, воспитать разумно дѣтей своихъ. Теперь же, конечно, и мечты многихъ хорошихъ честныхъ дѣвушекъ учиться, хотя бы терпя лишенія, чтобы зарабатывать честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба, остались только мечтами.

2 августа.

Сейчасъ прочла въ библіографическомъ отдѣлѣ «*Русской Мысли*» критическую статью по поводу книги Скабичевскаго «Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель». Прочитала и порадовалась, что нашла критика, согласнаго съ моимъ мнѣніемъ. Я глубоко уважаю Скабичевскаго и постоянно провѣряю свои мнѣнія и взгляды въ его крити-

*) Рядъ высшихъ женскихъ курсовъ, врачебныхъ и др., былъ въ это время закрытъ.

кѣ, но въ полномъ отрицаніи идеализаціи въ искусствѣ я (съ нимъ) не могу согласиться такъ же, какъ и тотъ критикъ, который написалъ статью по поводу вышесказанной книги. Скабичевскій возстаетъ противъ «искусственнаго воплощенія различныхъ идеальныхъ качествъ въ изображаемомъ лицѣ, про которое можно бы было сказать: «хорошо было бы встрѣтить въ жизни такого господина или такую госпожу». Но, говоритъ критикъ, если бы хорошо было встрѣтить такого господина или госпожу въ жизни, отчего же не хорошо встрѣтить ихъ въ искусствѣ. «Маркизъ Поза (изъ Донъ Карлоса Шиллера), продолжаетъ критикъ, не уйдетъ изъ области искусства, несмотря на строгій запретъ г. Скабичевскаго».

Искусство облагораживаетъ людей, почему и необходимо въ беллетристикѣ и идеализировать нѣкоторыхъ, не отступая вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ дѣйствительности. Нельзя же вообразить въ самомъ дѣлѣ, что въ дѣйствительности нѣтъ людей, которыхъ нельзя было бы выставить и съ хорошей стороны, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ недостатки, настолько, насколько они вліяютъ на общій складъ души человѣка. Вообще мое мнѣніе, что реальная школа, въ смыслѣ Зола, не можетъ облагораживать читающую публику; такая литература не возбуждаетъ людей стремиться достигнуть идеаловъ, а спускаетъ ихъ внизъ къ покатости (и къ шаткой покатости) низменныхъ страстей.

Москва, 8 августа.

Прочла въ газетахъ, что съ 1887—88 уч. года рѣшено набавить плату за ученіе въ женскихъ гимназіяхъ до 100 руб. въ годъ. Значитъ еще меньше будетъ доступа для ученія бѣднымъ дѣвушкамъ. По новымъ взглядамъ высшихъ міра сего, ученье—роскошь, которая только доступна богатымъ... Дѣтей въ гимназію тоже нельзя отдавать безъ того, чтобы директоръ не освѣдомился о состояніи, званіи отца будущаго ученика. Отецъ долженъ все разсказывать директору, чѣмъ онъ живетъ, гдѣ учился и проч., проч. Если его состояніе и званіе не подходятъ подъ уровень требованій правительства, то ему укажутъ другія мѣста образовательныя, куда онъ можетъ съ пользой для ребенка помѣстить его. А какія это мѣста, я не знаю. Реальныя гимназіи на перечетъ во всей Россіи, техническихъ очень мало высшихъ, а низшихъ еще меньше, ремесленныхъ также. Воображаю, сколько эти новыя распоряженія создали недовольныхъ отцовъ, матерей и воспитателей! Сколько скорби, слезъ по Россіи въ настоящее время! Многіе родители отказывали себѣ во всемъ, а дѣтей воспитывали, а теперь нельзя. Многіе ученые и общественные дѣятели вышли изъ бѣднаго сословія. Что вырабатываетъ силу воли и энергію, какъ не вѣчная борьба съ препятствіями?

Были люди, а теперь будутъ титулы.

Интересно, какъ отнеслись газеты къ смерти Каткова *). *«Русскія Вѣдомости»* только напечатали въ отдѣлѣ «Московскія вѣсти», что Катковъ умеръ, и больше ничего. *«Новости»* напечатали въ хронологическомъ порядкѣ сухой перечень дѣятельности Каткова: «родился тогда то, кончилъ тамъ то, былъ профессоромъ, издавалъ газету, журналъ», и больше ничего. *«Новое Время»* разразилось гимномъ. *«Одесскій Вѣстникъ»* посвятилъ Каткову цѣлый фельетонъ, въ которомъ подъ похвалою скользитъ между строкъ упрекъ Каткову во многихъ его дѣйствіяхъ. *«Московскій Листокъ»*, какъ грязная газета съ кабатчикомъ во главѣ, расхваливая Каткова, не могъ не бросить массы грязи въ другія изданія, упрекая ихъ въ томъ, что онѣ пользовались у Каткова политическими извѣстіями. Что же тутъ дурного и за что упрекать? Катковъ имѣлъ связи въ высшихъ сферахъ и все зналъ скорѣе другого смертнаго, потому у него и заимствовали. Жаль, что мнѣ не удалось видѣть другихъ газетъ. Интересно было бы знать ихъ взгляды послѣ смерти Каткова на него, какъ на человѣка. Французскія газеты, по отзывамъ русскихъ, отнеслись къ смерти Каткова съ большимъ сочувствіемъ. Генералъ Буланже прислалъ даже телеграмму женѣ Каткова.

9 августа.

Изъ Фламмаріона, описаніе солнечнаго затменія:

«Быстро гаснетъ послѣдній лучъ дня. Мракъ воцаряется круто и властно. Все кажется тѣмъ болѣе темнымъ, что исчезновеніе лучей наступаетъ мгновенно. Безмолвіе и страхъ какъ бы нисходятъ на землю. Человѣческія лица дѣлаются мертвенно блѣдными и все живое цѣпенѣетъ» **).

Эта картина астронома подходитъ къ настоящему времени, когда свѣточи добра и мысли гаснутъ, и царствуютъ только жажда наслажденій, порокъ и духъ наживы.

9 августа.

Борьба началась снова и молчаливое страданіе вслѣдъ за нимъ. Все кругомъ меня и думаетъ, и чувствуетъ совсѣмъ не такъ, какъ я. Отчего, почему такъ не знаю, но мнѣ очень тяжело: хочется плакать, и я не могу плакать. Одна мысль только наполняетъ мою голову, это не поддаваться этимъ впечатлѣніямъ, отрѣшиться отъ всего, закрыть

*) М. Н. Катковъ скончался 20 іюня 1887 года. Это было время начала франко-русскихъ политическихъ симпатій и соглашеній.

**) 7 августа происходило полное солнечное затменіе.

на все глаза и жить своимъ собственнымъ міромъ душевнымъ и молчать, молчать и молчать.

Сижу во всемъ домѣ одна: всѣ уѣхали къ С. Я не поѣхала, потому что не совсѣмъ здорова. Хотѣла заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ и не могла. Взяла первую попавшуюся книжку и начала просматривать. Заглавіе книжки очень оригинальное: «Самцы и самки». Написанъ подъ этимъ заглавіемъ романъ г. Анисимовымъ. Кто такой А. и что онъ такое изъ себя изображаетъ въ смыслѣ литературномъ, не знаю, но романъ его есть ни что иное, какъ масса фразъ въ безпорядкѣ. Интересенъ очень эпиграфъ въ началѣ книги: «Невозможное—невозможно». И что же оказывается это невозможное? Невозможно въ кругу общества настоящаго времени найти женщину, не погрязшую въ порокахъ. Странно, почему же женщину найти именно нельзя, а не мужчину? Кажется, и самъ авторъ на этотъ вопросъ не отвѣтитъ.

10 августа.

Въ «*Московскихъ Вѣдомостяхъ*» отъ 10 августа помѣщена библіографическая замѣтка о недавно вышедшей книгѣ, подъ заглавіемъ: «Отношеніе Ислама къ наукѣ и иновѣрцамъ» с.-петербургскаго мухамеданскаго ахуна имана Мударриса Атаула Баязитова. Въ этой книгѣ, между другими вопросами, затронутъ и женскій вопросъ. Главное назначеніе женщины, по мнѣнію Баязитова,—«бракъ, въ которомъ на нее возлагаются святыя обязанности матери, хозяйки, подруги мужа, воспитательницы своихъ дѣтей». А развѣ эти святыя обязанности мало требуютъ образованія? Развѣ необразованная женщина можетъ однимъ только сердцемъ своимъ исполнить эти святыя обязанности, наконецъ, развѣ всѣ дѣвушки выходятъ замужъ? Конечно, толкованіе Ислама относится только къ восточнымъ женщинамъ, но помѣщеніе этой замѣтки въ «*Московскихъ Вѣдомостяхъ*» сдѣлано преднамѣренно, чтобы доказать больше справедливость и своихъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Что же касается правъ женщинъ на Востокѣ, то, по изслѣдованію Баязитова, онѣ пользуются ими несравненно больше во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ у насъ, какъ напримѣръ: въ разводѣ, который легко допускается и проч. У насъ этого нѣтъ. Нашъ бракъ нерѣдко вынуждаетъ женщину входить въ вѣчную кабалу, отъ которой освобождаетъ только смерть.

Сегодня въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» помѣщенъ разсказъ очевидца о подвигѣ профессора петербургскаго университета, г. Менделѣева, который въ день затменія солнца 7 августа отважился въ Клину сѣсть на воздушный шаръ одинъ. Не зная способовъ управленія шаромъ, онъ рѣшился на этотъ подвигъ ради науки или научныхъ изслѣдованій, ко-

торыя и удались ему, но не вполнѣ, такъ какъ небо было облачно. Вернулся онъ изъ своего воздушнаго путешествія только черезъ два часа послѣ подъема, спустившись на землю около г. Калязина.

11 августа.

Въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» отъ 11 августа 1887 г. появилась статья Глѣба Успенскаго, подъ заглавіемъ «Мы». Эта статья представляетъ мѣткую характеристику русской идеи въ болгарскомъ вопросѣ. Сущность этой идеи, по мнѣнію автора, это—освобожденіе отъ крѣпостной, отъ панской, отъ баронской, отъ иновѣрной и иноплеменной зависимости.

«Идея эта сильна, и практически осуществима, встрѣчаясь со зломъ порабощенія и стремясь искоренить его въ ущербъ поработителю. Честь и слава! Но тамъ, гдѣ зла на-лицо (какъ въ освобожденной Болгаріи), не оказывается,—тамъ русской идеѣ дѣлать нечего, размѣры ея не такъ велики, чтобы искорененное зло продолжалось распространеніемъ добра; благосостояніе болгарскаго быдла оказывается переступившимъ предѣлы, въ которыхъ требуется «искорененіе» чего бы то ни было, и представитель русской идеи оказывается въ неловкомъ положеніи.

«Представителямъ этой идеи много дѣла у себя дома. Въ русской жизни никогда не было недостатка въ людяхъ, открыто и смѣло вступавшихъ въ борьбу со зломъ; но передъ нами, кромѣ зла и неправды, есть еще почти нетронутая область добра... Не убавимъ ли мы зло, направивъ всѣ наши силы на подъемъ въ русской жизни всего, что стремится къ добру, къ свѣту и правдѣ? Поднимемъ благосостояніе народа, исправивъ многочисленныя ошибки въ земельныхъ порядкахъ; устроимъ народный кредитъ, распространимъ грамотность, дадимъ доступъ къ наукѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, чтобы у насъ всѣ, прикасающіяся съ народомъ, учрежденія были со временемъ полны людей высшаго образованія, усмиримъ заблуждающуюся молодежь, возложивъ на нее множество обязанностей предъ ходящимъ во тьмѣ народомъ; высвободимъ его изъ рукъ кулаковъ и хищниковъ, расточителей его достоянія... Облагородимъ и возвысимъ наше культурное общество, воскресивъ изъ праха забытыя имъ общественныя обязанности, воскресивъ святость этихъ обязанностей въ думахъ, въ земствахъ, въ судахъ... Словомъ, станемъ призывать общество къ добру, станемъ ободрять его добрыя стремленія, станемъ всячески поддерживать ихъ,—и быть можетъ, въ немъ само собой угаснетъ то стремленіе ко злу, которое стало казаться почти неистребимымъ и въ борьбѣ съ которымъ преждевременно гибнутъ крупныя силы и геніальныя дарованія.

«Слишкомъ продолжительное сосредоточеніе русской общественной мысли на борьбѣ со зломъ, только со зломъ, слишкомъ тщательный анализъ только зла, слишкомъ упорное напряженіе мысли на искорененіи все того-же зла и зла,—значительно сузило размѣры духовной жизни русскаго человѣка, омрачило его мысль, обезпощадило его сердце,—а вѣдь изъ такихъ элементовъ мудрено родиться способности привлекать

сердца, пробуждать пламенную любовь и покорять людей силой нравственнаго вліянія.

Не пора ли дать русскому омраченному сердцу возможность жить и другими его сторонами, не пора-ли ему отдохнуть въ ощущеніяхъ добра и добраго дѣла? Вѣдь, еще не пробовали узнать, какъ велико стремленіе русскаго человѣка къ добру! Пора попробовать» *).

11 августа.

Въ «*Новостяхъ*» отъ 9-го августа напечатана статья, въ которой переименованы всѣ тѣ земства, дѣятельность которыхъ направлена для блага народа. Авторъ этой статьи, подъ названіемъ «Отрадные итоги», начиная съ описанія дѣятельности московскаго губернскаго земства, указываетъ на земства курской губерніи, пермской, вятской, псковской, херсонской, екатеринославской, казанской и другихъ губерній; они заботятся, которое о развитіи сельскаго и ремесленнаго образованія, которое объ удобреніи земли, о разведеніи скота, пріобрѣтеніи земледѣльческихъ машинъ крестьянами и проч., и проч. Многія изъ этихъ земствъ ассигнуютъ порядочную сумму на покупку сѣмянъ и проч.

Эта статья производитъ, на самомъ дѣлѣ, отрадное впечатлѣніе. Жаль только, что средства земства недостаточно велики, чтобы оказывать помощь мѣстному населенію въ большихъ размѣрахъ.

12 августа.

Газета «*Новости*», отъ 10-го августа, снова доказываетъ необходимость земскихъ учрежденій, представляя при этомъ вѣскіе факты заслугъ земствъ. По всей вѣроятности, земскія учрежденія слишкомъ близки къ уничтоженію или ломкѣ **). Не ломать, а подкрѣплять надо земства; уничтожить тѣ промахи и ошибки, которыя закрались въ эти учрежденія. Вотъ въ чемъ сила!

Невѣжество лѣзетъ изъ всѣхъ норъ. Въ «*Нижегородскомъ Листкѣ*», въ № 160, за 1887 г. напечатана передовая статья, которая объявляетъ войну всей русской «книжной письменности», вообще, и обрекаетъ ее на совершенное упраздненіе. Г. Жуковъ ***) ведетъ свою рѣчь какъ бы по нотаріальной довѣренности отъ лица всего русскаго народа. Между прочимъ, онъ говоритъ: «Добродушный русскій народъ вѣритъ въ сказаніе, что «ученье свѣтъ, а неученье тьма», но онъ подъ этимъ словомъ разумѣетъ ученье духовное, а не гражданское, книжную же грамот-

*) Эта статья Г. Успенскаго, въ свое время вызвавшая много толковъ въ печати и обществѣ, не вошла въ собраніе сочиненій Успенскаго.

**) Подготовлялось преобразованіе земствъ, осуществленное въ земскомъ положеніи 1890 г.

***) И. А Жуковъ—редакторъ-издатель „Нижегородскаго Биржевого Листка“, переименованнаго позднѣе въ „Волгарь“.

ность инстинктивно ненавидитъ и противится ей по простому случаю, именно, что всякій грамотный книжникъ забывается въ средѣ малограмотной или совершенно безграмотной семьи своей настолько, что теряетъ уваженіе къ родителямъ своимъ, братьямъ и сестрамъ, отказывается отъ тяжелой работы въ крестьянскомъ хозяйствѣ, даже уходитъ отъ семьи своей на заработку, которую рѣдко доставляетъ родителямъ, но всего чаще проѣдаетъ и пропиваетъ ее въ средѣ подобныхъ себѣ праздношатающихся бродягъ».

— Катковъ умеръ, а ополченіе на новые суды продолжается, а также и движеніе вспять. Кто послѣдователь Каткова, хорошо не знаю. Интересно, кто принялъ на себя эту роль проповѣдника и не убѣжденнаго человѣка? Что Катковъ никогда не былъ убѣжденнымъ, это—несомнѣнно. Жаль, если эта роль принята Петровскимъ *); въ сущности, онъ человѣкъ не дурной, но твердить и вдалбливать въ чужія головы то, чему самъ не вѣришь или что шатко въ головѣ укладывается, должно быть ужасно. И все это дѣлается только изъ честолюбія и духа наживы! Въ концѣ-концовъ человѣкъ портится и начинаетъ не уважать себя и самъ. Я хорошо помню статьи Каткова о пользѣ новыхъ судовъ и о злоупотребленіяхъ въ старыхъ. Да, это все говорилось тогда, когда началось обновленіе Россіи, когда Императоръ Александръ II насаждалъ на русскую почву одну реформу за другой. Былъ ли убѣжденъ Катковъ и тогда? Не думаю! Вопросъ не въ консерватизмѣ или въ либерализмѣ, а въ справедливости и честности убѣжденій и взглядовъ, высказываемыхъ публично. Зачѣмъ сохранять консерватизмъ въ учрежденіяхъ и сохранять его фанатически тамъ, гдѣ опытъ доказалъ его вредъ въ томъ или другомъ случаѣ? Зачѣмъ? А затѣмъ, чтобы приспособиться къ данной эпохѣ и царствовать.

Въ томъ же № «*Московскихъ Вѣдомостей*», отъ 12 августа, помѣщенъ разборъ новой книги Перфильева, подъ названіемъ «Очерки фабрично-заводскаго дѣла въ Россіи». Въ началѣ авторъ находитъ этотъ трудъ очень интереснымъ, такъ какъ онъ представляетъ характеристику быта несчастныхъ рабочихъ, но потомъ, когда дѣло коснулось дѣяній фабрикантовъ, ихъ отношенія къ рабочимъ, то авторъ, именующій себя «Г.», проповѣдуетъ слѣдующее: «Въ трудѣ г. Перфильева проглядываетъ явное пристрастіе къ дурнымъ сторонамъ фабричной жизни, и книга оставляетъ впечатлѣніе тенденціозности»...

13 августа.

Новый циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, клонящійся

*) Замѣститель Каткова по редакціи „*Московскихъ Вѣдомостей*“, Петровскій былъ въ родствѣ съ А. И. Волковой.

къ ограниченію образованія продолжаетъ волновать печать и общество...

Всѣ эти протесты едва-ли произведутъ надлежащее дѣйствіе. Хорошо, если бы эти протесты вызвали больше энергіи въ самомъ обществѣ, которое частной иниціативою и дружной помощью хотя основало бы нѣсколько профессіональныхъ школъ, куда могли бы помѣститься дѣти, признанные негодными для полученія образованія въ гимназіяхъ.

— Сегодня, 13-го августа, въ «*Московскихъ Вѣдомостяхъ*» обнародованъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, который ограничиваетъ число учащихся евреевъ во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Для столицы полагается 3% изъ всѣхъ учащихся, а для городовъ, въ которыхъ живутъ преимущественно евреи—10%. Ну что же остается дѣлать теперь евреямъ, для того, чтобы имѣть возможность въ Россіи учиться? Креститься или выселяться, если не хочешь переходить въ православіе. Я думаю, что они, по мѣрѣ возможности, начнутъ выселяться...

— «Учрежденіе крестьянскаго банка — великое дѣло», говоритъ А. Н. Энгельгардтъ въ статьѣ «Изъ деревни», помѣщенной въ майской книжкѣ «*Вѣстника Европы*». Авторъ статьи не иначе называетъ крестьянскій банкъ, какъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ, благодѣтельнымъ для кр-нъ и для землевладѣльцевъ. Первымъ онъ далъ возможность прикупить къ своимъ надѣламъ недостающее количество земли, иногда же и съ «лишечками»; вторые получили возможность, при посредствѣ банка, продать «пустоши и ляды», не приносившія почти никакого дохода, неудобныя для хозяйственной обработки. При заключеніи покупныхъ сдѣлокъ выигрываютъ объ стороны, а, стало-быть, выигрываетъ государство тѣмъ, что подымается экономическое довольство, нерѣдко голодавшихъ массъ населенія, тѣмъ, что некультивированныя помѣщичьи земли превращаются въ культурныя и производительныя». «Съ покупкою земель улучшается и обработка ихъ, преимущественно же обработка купленныхъ участковъ». «Заботятся крестьяне о своевременной уплатѣ въ банкъ очень, боясь опоздать съ уплатой; зорко смотрятъ въ этомъ отношеніи другъ за другомъ и имѣютъ огромное вліяніе одинъ на другого, побуждая заработывать деньги и не упускать случая, когда представляется какая-нибудь работа» *).

13 августа, ночь.

Пріѣхала я изъ Пятигорска 7-го августа и эти 7 дней прожила от-

*) Какъ извѣстно, первоначальная дѣятельность Крестьянскаго Банка была весьма оптимистически встрѣчена и идеализировалась въ печати, въ томъ числѣ даже Г. И. Успенскимъ.

носительно спокойно. И то хорошо. За всѣ 7 дней писала, читала, увлекалась и мыслила, не думая ни о чемъ. Сегодня снова потревожили мой покой душевный...

14 августа.

Въ «*Новостяхъ*», отъ 12-го августа, помѣщена переводная статья съ французскаго, въ которой ученики Эмиля Зола отрекаются отъ него по поводу его послѣдняго романа «Власть Земли». Цинизмъ и натурализмъ въ этомъ романѣ достигли у Зола крайнихъ размѣровъ, что и заставило учениковъ его притти къ такому убѣжденію, что Зола не можетъ быть ихъ учителемъ, какъ представитель натуралистической школы, и что онъ не пойдетъ дальше.

15 августа.

Въ «*Новостяхъ*», отъ 13-го августа, помѣщена очень интересная статья Стасова. Коснувшись художества за нѣсколько десятилѣтій, онъ, Стасовъ, указываетъ, какое вліяніе должны оказать новыя только что опубликованныя правила для пріема дѣтей въ гимназіи на составъ воспитанниковъ академіи художествъ, и констатируетъ интересный фактъ, это—происхожденіе громаднаго большинства лучшихъ русскихъ художниковъ изъ низшихъ сословій нашего народа.

Аксіома, доказываемая «въ милліонный разъ, что люди всѣ могутъ быть равны, какъ и гдѣ ни родись, и высокія качества—всѣмъ доступны», не всѣмъ извѣстна, иначе не было бы такого стѣсненія въ образованіи.

16 августа.

Въ Парижѣ появилась недавно новая интересная книга Лезана, подъ названіемъ «Буржуазная анархія». Цѣль книги—подвести итогъ 17-тилѣтнему существованію республики и вообще всему, что сдѣлано до сихъ поръ буржуазіей, какъ правящимъ сословіемъ французскаго общества.

Рядомъ съ Барду и другими буржуазными писателями Лезанъ лишній разъ констатируетъ тотъ фактъ безотрадный, что французская буржуазія была прогрессивнымъ факторомъ общественной жизни только до тѣхъ поръ, пока она сама страдала отъ несправедливостей стараго режима и стремилась занять въ обществѣ мѣсто первыхъ двухъ сословій. Но, выплывши на поверхность, она сейчасъ же успокоилась на лаврахъ и употребила всѣ усилія, чтобы удержать выгоды новаго строя жизни только для себя одной (*«Русскія Вѣдомости»*).

Отдѣльные индивидуумы иногда также только тогда и стремятся къ прогрессу, къ умственному развитію, когда имъ приходится стра-

дать и выносить массу обидъ и несправедливостей отъ людей и общества. Достигнувъ цѣли такъ или иначе, они, въ большинствѣ случаевъ, успокаиваются.

16 августа.

Послѣ отреченія пяти учениковъ Зола, одинъ изъ сотрудниковъ «Gil Blas» ѣздилъ къ Зола узнать о его взглядѣ на этотъ предметъ. Зола заявилъ, что онъ этихъ господъ за своихъ учениковъ не признаетъ, и что все то, что онъ написалъ въ романѣ «La terre»—«Власть земли», не есть его выдумка, а чистая реальная правда. Положимъ, что все это такъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было описывать въ романѣ животныя отправленія человѣка.

— Наши симпатіи политическія къ французамъ вызываютъ и ихъ симпатіи. Эти симпатіи выражаются и въ литературѣ. Такъ въ скоромъ времени новое общество любителей литературы, состоящее изъ знаменитыхъ писателей и ученыхъ, намѣрено издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ: «Revue de Paris et-de Petersbourg».

17 августа.

Въ «*Русской Мысли*» за іюль 1887 г. помѣщена интересная статья С. В. Максимова, подъ названіемъ: «Левъ Александровичъ Мей (Изъ личныхъ воспоминаній).

Вотъ отрывокъ изъ одного его экспромта, сказаннаго Курочкину, брату извѣстнаго переводчика Беранже:

Я люблю въ васъ смѣлость думъ,
Руку дружественно-твердую,
И пытливо-гордый умъ,
И борьбу съ невзгодой гордую...

Какъ была бы я счастлива, если я могла бы кому-нибудь въ продолженіе всей моей жизни, хоть одному человѣку, повторить этотъ экспромтъ. Встрѣчались на моемъ пути и «смѣлость думъ» и «пытливо-гордый умъ» и «борьба съ невзгодой» гордая, но «руки дружественной, твердой», я не знала никогда.

Писать записки совсѣмъ лишнее. Зачѣмъ? Кому онѣ нужны? Но такого рода записки являются облегченіемъ для людей, которые силой обстоятельствъ должны молчать въ своей семьѣ и быть у себя дома въ гостяхъ. Записывая свои впечатлѣнія ежедневно, я тѣмъ самымъ облегчаю себя, выливая все на бумагу. По крайней мѣрѣ, это молчаніе не произведетъ болѣзненнаго состоянія въ моемъ организмѣ...

19 августа.

Говорятъ, что «*Русская Мысль*» запрещена въ библіотекахъ. Это ужасно. И такъ въ распоряженіи русскаго общества осталось мало жур-

наловъ и издается такъ мало книгъ, касающихся животрепещущихъ вопросовъ...

Въ августовской книжкѣ «*Русской Мысли*» за 1887 г. помѣщены слѣдующіе прекрасные стихи Фруга:

Какъ унылы наши пѣсни,
Какъ безсиленъ крикъ: «воскресни!»—
Въ душномъ склепѣ, средь могилъ!
Наши скорби, наше горе
Не родятъ огня во взорѣ,
Свѣтлыхъ думъ и свѣтлыхъ силъ...

— Вчера я слышала отъ классной дамы IV женской гимназіи, что предписано отъ высшаго начальства не принимать новыхъ ученицъ въ гимназію свыше того общаго числа всѣхъ ученицъ, которое было въ прошломъ учебномъ году. Вотъ конецъ и женскому вопросу, который прежде всего долженъ быть построенъ на образованіи... Какой тамъ женскій вопросъ въ нынѣшнія времена, когда мужской вопросъ затормазился. Только и читаешь въ газетахъ, что тамъ число учениковъ ограничено, въ другомъ мѣстѣ тоже, вслѣдствіе чего масса учениковъ остаются чуть не на улицѣ. Куда ихъ дѣвать и чему учить? Вотъ вопросы дня, которые мучатъ общество въ данный моментъ.

— Одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ французскихъ литераторовъ, Поль Бурже издалъ книгу подъ названіемъ: «Essais de psychologie contemporaine» (Очерки современной психологіи). Содержаніе этой книги изложено въ «*Русской Мысли*». Въ іюльской книжкѣ 1887 г. идетъ характеристика Тэна. Въ этой статьѣ, между прочимъ, есть много интересныхъ мыслей, какъ напримѣръ: «при постоянномъ ослабленіи традиціонныхъ и мѣстныхъ вліяній, говоритъ Бурже, въ наши дни книга становится великимъ иниціаторомъ. Нѣтъ ни одного человѣка между нами, который, заглянувъ въ глубину своей собственной души, не вынужденъ бы былъ сознаться, что онъ былъ бы нѣсколько инымъ человѣкомъ, если бы не прочелъ ту или другую книгу».

Совершенно вѣрно и неоспоримо! Вотъ на этомъ-то простомъ основаніи и необходимы идеалы; необходимы для молодыхъ людей, даже и для пожилыхъ маркизы де-Поза. Откуда же и черпать идеальные примѣры, какъ не изъ книги? Если все въ жизни со стороны реальной такъ грязно, пошло, то гдѣ же свѣтъ? Если въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божія, хотя въ самомъ маленькомъ количествѣ, то покажите вмѣстѣ съ реальной стороной и эту искру, которая не есть вымыселъ: она—тоже дѣйствительность. Что-же вдохновляетъ молодое поколѣніе, какъ не прекрасное въ искусствѣ? Что даетъ отдыхъ и успокоеніе зрѣлымъ? Опять тоже прекрасное въ искусствѣ и природѣ. Какой вызывается подъ-

емъ духа, когда видишь хорошихъ и честныхъ людей! Если ихъ нѣтъ или мало въ природѣ, то дайте хотя эту малость, со всѣми недостатками, но не мучьте общество и не показывайте только одни недостатки и низменную сторону человѣческаго организма.

— На-дняхъ вычитала интересныя слова Гете: «Старайся понять самого себя и окружающее. Какъ, однако, плохо дается это пониманіе, если только оно возможно!

«Понять самого себя!» Воображаю, какъ многіе «поймутъ самихъ себя» и непремѣнно понимаютъ, если вы ихъ объ этомъ спросите, понимаютъ, что они люди прекрасные! Рѣдко, рѣдко у кого въ душѣ шевелится сознаніе дурныхъ поступковъ, совокупность ихъ и вредъ отъ нихъ для другихъ.

20 августа.

Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія въ провинціи производитъ панику: «Дѣтей некуда дѣвать!» Въ Москвѣ родители изъ недостаточныхъ классовъ бросились въ городскія училища. И что-же? Число желающихъ поступить въ городскія училища Москвы оказалось столь великимъ, что во многихъ изъ нихъ пришлось отказывать просителямъ за недостаткомъ мѣстъ не только въ утренніе, но даже и въ вечерніе классы. Другой циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о закрытіи приготовительныхъ классовъ отсроченъ для нѣкоторыхъ гимназій. Почему бы не отсрочить и первый циркуляръ до тѣхъ поръ, пока организуютъ другія училища, которыя замѣнятъ для желающихъ классическія гимназіи?

21 августа.

Въ «*Русск. Вѣдом.*», отъ 21-го августа помѣщена замѣтка Гольцева о новыхъ правахъ, данныхъ обществу попеченія о неимущихъ дѣтяхъ. Замѣтка написана по поводу разрѣшенія этому московскому обществу расширить область своей дѣятельности и стать также и обществомъ попеченія о дѣтяхъ, нуждающихся въ защитѣ, т.-е., въ защитѣ отъ эксплоатаціи и жестокости какъ нанимателей, такъ и родителей. Къ этой замѣткѣ слѣдуетъ присоединить и статью въ августовской книжкѣ «Русской Мысли», подъ названіемъ «Безпризорныя дѣти», Крандіевскаго. Пора, давно пора обратить вниманіе на несчастныхъ дѣтей, эксплоатируемыхъ всѣми: и родителями, и лавочниками, и сидѣльцами въ городѣ, и ремесленниками и проч., людьми безсердечными, которые смотрятъ на чужихъ дѣтей, какъ на рабочую силу.

21 августа.

Въ послѣднюю четверть XIX столѣтія и вдругъ розги! Вотъ атавизмъ-то настоящій!

Энергичный приказъ нижегородскаго губернатора, генерала Баранова, которымъ доведено до всеобщаго свѣдѣнія о «сильномъ наказаніи» розгами виновниковъ случившагося безпорядка *), вызвалъ на страницахъ «Современныхъ Извѣстій», обсужденіе вопроса о цѣлесообразности розогъ вообще (*«Новости»*, отъ 19 августа) **).

— Сегодня прочла письма Шиллера о «Донъ Карлосѣ». Въ этихъ письмахъ онъ разъясняетъ личность маркиза де-Поза и его дружбу къ донъ-Карлосу, которая была не личнымъ чувствомъ только къ принцу, а олицетвореніемъ его любви къ человѣчеству. Поза имѣлъ цѣлью освобожденіе Фландріи и эту цѣль онъ хотѣлъ осуществить черезъ царскаго сына, будущаго короля. Да, эта идея велика и прекрасна! Несомнѣнно, что идея самопожертвованія ради личной дружбы достойна похвалы, но когда дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, то великая душа маркиза де-Поза еще болѣе возвышается въ глазахъ нашихъ. Да, это сила!

22 августа.

Вопросъ о переутомленіи учащихся въ современныхъ школахъ занимаетъ въ настоящее время всю Европу. Масса докторовъ и педагоговъ констатируютъ статистическими свѣдѣніями факты возникновенія многихъ болѣзней у школьниковъ, какъ физическихъ, такъ и мозговыхъ, дѣйствующихъ непосредственно на умственную дѣятельность человѣка (*«Русскія Вѣдомости»*, 22-го августа, вырѣзка изъ корреспонденціи Д-ча изъ Парижа).

22 августа.

Въ Петербургѣ городское управленіе оказало большую услугу открытіемъ безплатныхъ воскресныхъ школъ для многихъ дѣтей. У насъ въ Россіи все крайности: съ одной стороны царитъ безграмотность, съ другой—переутомленіе учащихся въ гимназіяхъ, которое соединено съ безцѣльнымъ забиваніемъ мозга классическими языками, введенными не для ознакомленія съ жизнью, литературой и искусствомъ древняго народа, а просто для изученія грамматическихъ правилъ мертвыхъ языковъ.

Давно, давно я не чувствовала такъ сильно свое одиночество въ большой семьѣ, какъ за это время послѣ возвращенія съ Кавказа въ Москву. Занимаюсь, пишу, читаю, и это еще больше отдаляетъ меня отъ окружающихъ. Никто не интересуется моими интересами. Все прочитанное остается во мнѣ: подѣлиться не съ кѣмъ. Потребность же дѣлиться мыслями беретъ свое иногда, и вотъ, если приходится встрѣчаться

*) Погромъ евреевъ лѣтомъ 1887 г. въ г. Нижнемъ-Новгородѣ.

**) Вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ неоднократно обсуждался тогда въ печати и обществѣ.

съ людьми одномыслящими, то словоизверженію моему и предѣловъ не бываетъ.

23 августа.

Погода чудная наступила. Встанешь рано утромъ и пойдешь ходить по саду, одна со своими думами и всѣмъ запасомъ впечатлѣній вчерашняго дня. Думаешь и передумываешь все безъ конца, а природа такъ свѣтла, такъ радостна, такъ привѣтлива, и думы мои точно посвѣтлѣютъ. Ходишь, ходишь по своему тѣнистому маленькому садику или ящику, какъ я его называю, и засмѣешься надъ глупостью людской, надъ хитростью. А въ природѣ такъ все просто, безыскусственно. Вотъ стоятъ сосны въ рядъ, стоятъ, какъ будто стражи вѣковые, стоятъ и наблюдаютъ за людьми. Внизу кустики раскинулись, покрытые росою, которая блеститъ на солнцѣ, переливаясь радужными огоньками. Трава свѣжая красивая, какъ бархатъ, покрыта также росою, а небо чистое, чудное, голубое. Вдали, на Ходынскомъ полѣ играетъ солдатъ на трубѣ, но не отбой играетъ онъ, а что-то грустное, заунывное: слезы такъ и подступаютъ; хочется плакать, плакать и этими слезами вылить все накопившееся въ душѣ моей.

— «*Русскія Вѣдомости*», отъ 23-го августа, въ фельетонѣ обсуждаютъ педагогическій вопросъ нынѣшняго учебнаго злополучнаго года. А рядомъ съ этими обсужденіями газеты оповѣщаютъ о слѣдующемъ печальномъ явленіи: въ германскія учебныя заведенія уже поступило не мало просьбъ отъ русскихъ подданныхъ, кончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.

24 августа.

Частныя училища торжествуютъ, благодаря новому циркуляру министерства народнаго просвѣщенія. Нѣмецкія училища тоже въ выигрышѣ. «Новости» сообщаютъ, что въ нынѣшнемъ году наплывъ учениковъ въ наши петербургскія нѣмецкія училища, петропавловское, реформатское, анненское и екатерининское, до такой степени значителенъ, что превышаетъ въ два-три раза число вакансій. И то, слава Богу, что эти училища извѣстны съ хорошей стороны, а то положеніе родителей средняго класса, слишкомъ тяжело въ данный моментъ. Ужасно себѣ даже представить у какой массы изъ средняго и низшаго класса людей этотъ циркуляръ отнялъ надежду (чуть не жизнь) оставить дѣтямъ положеніе, основанное на образованіи! Всѣ эти люди живутъ личнымъ, чуть не дневнымъ трудомъ; кормятъ на эти деньги себя и семью; многіе во всемъ отказываютъ себѣ и семьѣ, для того только, чтобы въ будущемъ дѣти встали на ноги и проявили свои способности.

Вѣнской газетѣ «Neues Tageblatt» сообщаютъ изъ Берлина, что

тамъ предполагается вскорѣ открыть женскую медицинскую академію. Супруга германскаго принца, принцесса Викторія, недавно заявила, что положительно не понимаетъ замѣчающагося въ нѣкоторыхъ государствахъ враждебнаго отношенія къ медицинскому женскому образованію, такъ какъ образованіе это дало уже столь благодѣтельные результаты, въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи (*«Новости»*, 22 авг.).

Давно ли наши русскія женщины, рука-объ-руку съ Америкой, стояли въ смыслѣ стремленія къ образованію выше другихъ странъ, а теперь мы, въ силу движенія вспять, отойдемъ на задній планъ. Удѣлъ русскихъ женщинъ по Каткову и Толстому, выходить замужъ, родить дѣтей, воспитывать этихъ дѣтей только сердцемъ, но не развитымъ умомъ, который въ жизни женщины считается излишествомъ. Быть содержанкой, игрушкой мужчины, торговать своимъ тѣломъ дозволяется, но развивать образованіемъ разумъ, извлекать пользу другимъ людямъ изъ этого образованія возбраняется. Воротимся же мы, русскія женщины, въ наши терема и будемъ услаждать нашихъ властелиновъ, во власти которыхъ и будемъ находиться. Какъ будутъ счастливы наши самобытники, народолюбцы!

24 августа.

Изъ стихотвореній Я. П. Полонскаго.

Слѣдующіе стихи напомнили мнѣ мать мою и чувство скорби, которое я испытываю по ней съ тѣхъ поръ, какъ поняла, что значитъ быть сиротою, а это было съ наступленіемъ юношескаго возраста (14 лѣтъ)..

«Когда твой гробъ исчезъ, забросанный землею,
Увы! мой все еще насмѣшливо сіялъ—
И озирался я, покинутый тобою,
Душа души моей, и смутно сознавалъ,
Какъ не легко въ моемъ громадно-пышномъ гробѣ.
. . . . . .
И порывался я очнуться, встрепенуться,
Подняться,—вѣчную мою гробницу изломать—
Какъ саванъ, сбросить это небо,
На солнце наступить и звѣзды разметать,—
И ринуться по этому кладбищу,
Покрытому обломками свѣтилъ,
Туда, гдѣ ты, гдѣ нѣтъ воспоминаній,
Прикованныхъ къ ничтожеству могилъ.

— А эти стихи хорошо изображаютъ нашу учащуюся молодежь до настоящаго года, когда циркуляромъ запрещено бѣднякамъ учиться.

Судя по блѣдности, по выраженью глазъ,
И по его ланитамъ впалымъ,

Онъ много бѣдствовалъ и голодалъ не разъ,,
Ожесточился, но... остался честнымъ малымъ.
Порой у насъ такихъ ребятъ
И понимать-то не хотятъ... (Поэма «Мими»).

Не только понимать; ихъ бранятъ, поносятъ всякими прозвищами.

«Посреди чужихъ — ненужный,
Посреди своихъ — забытый.»

Это я, ненужная никому чужимъ и забытая среди своихъ, стою одиноко, поодаль, и созерцаю все окружающее, унылая и печальная!

— Взглядъ Полонскаго на женщину-труженицу:

«Я помню блескъ и сухость глазъ,
И блѣдность твоего чела,
Когда съ дворовыми простясь
Къ отцу проститься ты вошла...
Когда съ крыльца въ послѣдній разъ
Сошла ты, словно торопясь.
. . . . . .
Если бъ даже въ этотъ мигъ
Предсталъ тебѣ самъ Донъ-Жуанъ,
Чтобъ за улыбку устъ твоихъ
Отдать и сердце, и карманъ,
Ты бъ на него, какъ на шута,
Взглянула, — такъ была свята,
Такъ дѣтски наслаждалась ты
Зарей свободы; такъ была
Полна возвышенной мечты
И цѣломудренно-смѣла,
Такъ вѣрила, что жизнь и трудъ
Для всѣхъ рай Божій создадутъ».

— Изъ статьи Гольцева о Вундтѣ («Рус. Мысль», 1887, авг.), мысли Вундта:

«Источникомъ свѣта и силы въ нравственномъ мірѣ является личная радость при совершеніи нравственныхъ поступковъ».

«Лучшая государственная форма есть та, которая наиболѣе содѣйствуетъ личному развитію и достиженію нравственныхъ цѣлей въ разнообразныхъ ассоціаціяхъ, общинахъ и т. п.».

«Безъ знанія, безъ науки, которая все болѣе и болѣе проникаетъ въ основу общежитія, невозможна высокая и полная нравственная жизнь. Наука освобождаетъ насъ отъ предразсудковъ, отъ ложныхъ страховъ, усиливаетъ любовь и уваженіе къ истинѣ. Наука есть произведеніе нравственнаго развитія и сама является его могучимъ дѣятелемъ. Безъ науки, безъ философской мысли было бы невозможно образованіе нравственнаго идеала, а безъ послѣдняго нѣтъ нравственной жизни»..

26 августа.

Газеты только послѣдствіями циркуляра министерства народнаго просвѣщенія и полны...

«*Новости*» сообщаютъ, что у русскаго общества появилось стремленіе воспитывать дѣтей за-границею.

(Изъ статьи: «Женщины-врачи за-границей», въ которой данъ обзоръ женскаго медицинскаго образованія): «Въ настоящее время всюду слышатся жалобы на ослабленіе и ухудшеніе человѣческой расы. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ пособить горю было-бы—снабдить женщину всѣми знаніями, которыя научили бы ее жить сообразно основнымъ требованіямъ гигіены, охранять собственное здоровье и воспитывать здоровыхъ, крѣпкихъ дѣтей. Если-бы каждая женщина была хотя отчасти женщиной-врачемъ, громадная смертность между дѣтьми навѣрное бы значительно уменьшилась, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабѣлъ бы и ропотъ на физическое измельчаніе человѣческаго рода! Стоитъ только открыть женщинамъ путь къ образованію, и онѣ создадутъ изъ себя силу несравненно болѣе полезную для національнаго благосостоянія, чѣмъ тѣ узкія рамки, которыми теперь стѣсняютъ дѣятельность женщинъ» («*Новости*», 24-го августа, 1887 г.).

Всѣ эти доказательства лишь проповѣдь въ пустынѣ!

27 августа.

Въ «*Новостяхъ*», отъ 25-го августа, напечатана интересная статья Португалова относительно той среды, изъ которой выходили великіе люди всѣхъ странъ. «Большинство великихъ людей не принадлежитъ къ привиллегированнымъ сословіямъ, а, наоборотъ, происходитъ прямо изъ народа; 2) природа не любитъ наслѣдственныхъ привиллегій, и 3) никакими привиллегіями и искусственными перегородками не создать генія; убить же его этимъ путемъ вполнѣ возможно».

28 августа.

Сегодня въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» помѣщенъ циркуляръ попечителя Московскаго учебнаго округа, обращенный къ директорамъ гимназій, которымъ рекомендуется не злоупотреблять даннымъ имъ правомъ относительно пріема и исключенія учениковъ. При этомъ добавляется, что циркуляръ министерства вовсе не имѣетъ намѣренія лишать дѣтей менѣе состоятельныхъ лицъ классическаго образованія или образованія вообще. Директорамъ же вмѣняется въ обязанность помѣщать дѣтей, негодящихся для гимназіи, въ заведенія, соотвѣтствующія ихъ званію и состоянію. Да гдѣ-же, наконецъ, взять такихъ соотвѣтствующихъ заведеній, если ихъ нѣтъ налицо? (Циркуляръ гр. П. А. Капниста, отъ 19 августа).

Начальники гимназій и прогимназій «съ разумною осторожностью, полной добросовѣстностью и безпристрастіемъ будутъ, между прочимъ, пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ для того, чтобы удалять изъ ввѣреннаго имъ учебнаго заведенія такихъ учениковъ, относительно которыхъ они *несомнѣнно* удостовѣрились, что ихъ домашняя обстановка оказываетъ вредное вліяніе на ихъ товарищей». Интересно очень это «несомнѣнно», написанное курсивомъ! По этому курсиву слѣдуетъ предполагать, что бывали случаи, когда учениковъ не принимали, потому что были сомнѣнія и неувѣренность въ ихъ негодности. Бѣдные дѣти, бѣдные родители!

— Въ своей книгѣ о Толстомъ Скабичевскій представляетъ объясненіе пессимизма индивидуальнаго лица и общества. «Человѣкъ до тѣхъ поръ только и вѣритъ въ цѣлесообразность вселенной, пока въ своей личной жизни онъ видитъ разумное и цѣлесообразное содержаніе. Но лишь только въ душу человѣка закрадывается сомнѣніе въ разумности содержанія его личной жизни, онъ тотчасъ же переноситъ свои сомнѣнія и на всю вселенную: ему начинаетъ казаться, что и все существующее не имѣетъ ни смысла, ни цѣли». И вотъ человѣкъ дѣлается пессимистомъ; въ общественной жизни появляются такія идеи и ученія, какъ въ поэмахъ Байрона, въ сочиненіяхъ Шопенгауера и Гартмана.

Всегда, когда мнѣ приходится читать Скабичевскаго, я чувствую бодрость духа, которая вызывается той полнотой жизни, ея цѣлесообразностью, которыя просвѣчиваютъ у него въ каждой строкѣ. Этотъ человѣкъ вѣритъ въ разумное; онъ вѣритъ въ то, что онъ творитъ своимъ перомъ, и этимъ живетъ какъ нравственно, такъ и матеріально, и жизнь его разумна.

— Въ своемъ сочиненіи «Изъ воспоминаній о переписи 1882 г.», Толстой говоритъ, что «большинство нашихъ дамъ такъ же, какъ и проститутки живутъ не только безъ рожденія дѣтей и безъ работы, служа только удовлетворенію чувственности, но и сознательно воспитываютъ своихъ дѣвочекъ для этой самой жизни: одна мать ведетъ дочь въ трактиръ, другая на балъ. Но у той и другой матери міросозерцаніе одно и то же, а именно: что женщина должна удовлетворять похоть мужчины и за то ее должны кормить, одѣвать и жалѣть».

А такихъ вѣдь женщинъ, самъ авторъ говоритъ, что большинство, слѣдовательно какъ же можно при этихъ условіяхъ отрицать образованіе женщинъ!? Умная, образованная и развитая женщина волей-неволей должна будетъ отрѣшиться отъ такой позорной мысли, что назначеніе женщины—служить мужчинѣ удовлетвореніемъ его похоти.

— «Усиленный трудъ такъ нравственно дисциплинируетъ, подтягиваетъ человѣка, что у него является неудержимая потребность и во всѣ

мелочи своего обихода вносить ту гармонію, ту порядочность, которыя онъ ощущаетъ въ своемъ нравственномъ мірѣ. И наоборотъ,—праздность, разслабляя нервы, приводитъ людей къ особаго рода душевному недугу, называемому распущенностью, а разъ этотъ недугъ завязался у человѣка, онъ проявляется, опять таки, во всѣхъ мелочахъ его жизни: подобно тому, какъ лѣнь приняться за дѣло, также точно лѣнь ему и убрать за собою» (Скабичевскій).

Это замѣчаніе очень вѣрно. Мнѣ кажется даже, что если является общая слабость у человѣка не вслѣдствіе распущенности, а вслѣдствіе нравственной усталости отъ житейскихъ передрягъ, подтачивающихъ какъ физическія, такъ и нравственныя силы, то и тогда необходимо не падать духомъ, а подтягивать себя, а главное не проникаться страшнымъ словомъ: «мнѣ все равно».

— Изъ стихотворенія Н. Познякова, *«Русская Мысль»,* августъ, 1887 г.:

«Каменьями людей при жизни побивая,
По смерти ихъ вѣнками мы даримъ».

Да еще какъ каменьями то бьютъ: едва люди живы остаются!

29 августа.

Я помню, когда я прочитала драму Толстого «Власть Тьмы», то нашла, что весь этотъ рядъ преступленій, содѣянныхъ героями драмы, зависитъ только отъ невѣжества, отъ той вѣчной тьмы, которая ихъ окружаетъ. То же самое говоритъ и Скабичевскій. Толстой, конечно, не въ этомъ духѣ хотѣлъ написать эту драму, такъ какъ онъ отрицаетъ просвѣщеніе. Смыслъ его драмы долженъ былъ быть мистическимъ, но поняли его такъ, какъ Скабичевскій, по всей вѣроятности, очень многіе.

31 августа.

За послѣднее время появились въ иностранныхъ газетахъ (нѣмецкихъ и французскихъ) сообщенія о томъ, что необходимо, по мнѣнію правительства, прекратить доступъ молодымъ людямъ къ либеральнымъ профессіямъ, такъ какъ предложенія гораздо больше, чѣмъ спроса. Ограниченіе доступа будетъ выражаться въ сокращеніи государственныхъ стипендій чуть не болѣе половины той суммы, которая ассигновалась до сего времени. Эту же сумму предлагается употребить на стипендіи въ ремесленныхъ и техническихъ училищахъ. Это предлагается во Франціи; то же самое и въ Германіи. Наши газеты подхватили эту новость и примѣнили ее тотчасъ къ Россіи: масса образованныхъ людей остается безъ дѣла, почему и надо сократить образованіе...

«Въ теоріи», говорятъ по этому поводу «*Новости*», «всякій образованный человѣкъ является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для общества, на практикѣ онъ можетъ умереть съ голода. И чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ невѣжественнѣе страна, тѣмъ рѣзче выступаетъ это противорѣчіе». Въ Америкѣ никакихъ ограниченій въ образованіи не только не существуетъ, а напротивъ всѣ стремятся къ расширенію образованія. Въ статьѣ Макъ Гаханъ «Дѣловые люди» (*«Вѣст. Европы»*, іюнь 1887 г.) выведено множество богачей, которые благодаря честному труду и энергіи превратились изъ бѣдняковъ въ богачей. И всѣ эти богачи жертвуютъ громадныя суммы прежде всего на распространеніе образованія; нѣкоторые изъ нихъ учреждаютъ на собственныя средства даже университеты. И такихъ примѣровъ въ Америкѣ очень много. Вообще благотворительность въ Соединенныхъ Штатахъ не призрѣваетъ только нуждающихся въ призрѣніи, а предупреждаетъ въ будущемъ, чтобы не было субъектовъ, которыхъ нужно было бы призрѣвать; причемъ свобода образованія допущена въ полномъ смыслѣ; всякій развиваетъ свои силы и направляетъ свою энергію и трудъ, согласно своимъ способностямъ и влеченію. Вотъ отчего и страна богата, и никто не жалуется, что много образованныхъ!

31 августа.

Опредѣленіе Брандеса: «современная критика не судитъ, а объясняетъ».

Англійскій мыслитель Карлейль говоритъ: «Человѣкъ, не имѣющій цѣли въ жизни—то же, что корабль безъ руля: это не человѣкъ, а затерянная вещь, полнѣйшая ничтожность. Имѣйте цѣль въ жизни, а намѣтивъ эту цѣль, прикладывайте къ дѣлу всю силу ума и мышцъ, которыми надѣлилъ Васъ Господь».

Все истины и истины! Прочитала, выписала и невольно подумала о себѣ. Какая же у меня цѣль жизни въ данный моментъ? О прошломъ я не говорю. Въ данный моментъ цѣль есть, но она широка и неопредѣлена: жажда знанія. Будетъ ли она примѣняема когда-либо къ чему нибудь или нѣтъ, я не знаю, но я хочу знать больше, больше, такъ какъ мнѣ вѣчно, кажется, что я, говоря словами Сократа: «я знаю только одно, что я ничего не знаю».

Есть и другія цѣли въ моей жизни, но всѣ эти цѣли есть ни что иное, какъ цѣли долга, которыя не лично и не непосредственно отъ меня зависятъ, а только косвенно.

1 сентября.

Изъ стихотворенія автора, подписавшагося Ѳ. Ч—скій (*«Вѣстникъ Европы»*, іюнь).

«Куда ни бросишь взглядъ—все лживо и ничтожно
Въ міркѣ презрѣнныхъ дрязгъ, разврата и цѣпей,
И сердце все болитъ, и рвется въ даль тревожно,
И проситъ воздуха и солнечныхъ лучей...
Природа вѣчная! Раскрой свои объятья,
Дай силъ мнѣ на борьбу и влей мнѣ въ сердце вновь
Не безполезныя проклятья,
А животворную любовь!
Теплотою живого участья
Согрѣвай изстрадавшійся людъ,
Гдѣ, не зная спокойнаго счастья,
Непомѣрное иго несутъ».

3-го сентября.

Новый циркуляръ: студенты, отвѣчая лекціи, должны стоять. Вездѣ подчиненіе почему то необходимо, дисциплина. Чудеса, да и только. А образованіе все сокращаютъ и сокращаютъ. Въ «*Новостяхъ*» отъ 1-го сентября была статья Модестова, который, трактуя о новой книгѣ Карѣева, говоритъ, между прочимъ, о томъ, что людей, получившихъ высшее образованіе въ Россіи, по общему числу жителей, насчитывается очень немного. Студентовъ у насъ считается всего 12.000 человѣкъ, тогда какъ въ Германіи на значительно меньшее количество жителей 25.000.

4 сентября.

Говоря о своей цѣли въ жизни, я указала на жажду знанія. Нѣтъ, это уже что-то вышло фразисто: надо выразиться иначе и проще. Вдумываясь въ этотъ вопросъ, я пришла къ тому, что, собственно говоря, у меня нѣтъ никакой опредѣленной цѣли въ жизни. Подъ цѣлью слѣдуетъ подразумѣвать стремленіе къ чему то намѣченному, хотя бы идеальному, а у меня вотъ этого именно нѣтъ. Настоящее все заслонено моими занятіями, которыя даютъ мнѣ покой отъ душевныхъ мукъ и удовлетворяютъ мой душевный міръ. Я не имѣю цѣли и не думаю впередъ, что изъ этого выйдетъ; я увлекаюсь той или другой книгою, тѣмъ или другимъ вопросомъ и относительно спокойна отъ жизненныхъ дрязгъ. Такъ что сказать, чтобы жажда знанія была бы цѣлью въ моей жизни, нельзя. Я нашла эту цѣль, если она можетъ назваться только цѣлью, это—жажда умственнаго и нравственнаго покоя, въ которомъ могла бы проявиться и моя воля, и мои стремленія, и желанія. Вотъ тогда, быть можетъ, я нашла бы настоящую цѣль моей жизни, которую я бы намѣтила и шла бы къ ней твердо и неуклонно.

5-го сентября.

Въ «Новостяхъ» отъ 3 сентября 1887 г. помѣщена статья Скабичевскаго о покойномъ молодомъ поэтѣ Надсонѣ. Въ статьѣ, написанной по

поводу вышедшаго изданія его стихотвореній, Скабичевскій причину необыкновенной популярности Надсона находитъ въ его душевной красотѣ. Его чудныя стихотворенія выходятъ въ настоящее время въ свѣтъ уже шестымъ изданіемъ. Первое изданіе вышло въ 1885 г., слѣдовательно въ два года разошлось уже пять изданій. Надсонъ «лично всѣмъ своимъ существомъ, своею теплою, нѣжною душою, своею прозрачною искренностью, неподдѣльнымъ, горячимъ молодымъ пыломъ въ стремленіи къ правдѣ, свѣту и благу, всѣми фактами своей жизни и, наконецъ, чарующею музыкою своихъ стиховъ непроизвольно воплотилъ въ себѣ самомъ идеалъ красоты и показалъ намъ дѣйствительно, какую страшную, всепокоряющую силу и имѣетъ красота душевная».

Я помню, когда я читала о смерти Надсона въ началѣ текущаго года, какъ я горько плакала. Когда же узнала о клеветѣ, возводимой на него «*Новымъ Временемъ*», то моей печали не было предѣловъ. И грусть, и безсильная злоба, и воспоминаніе стихотвореній Надсона, которыя успокаивали, поддерживали меня въ трудныя минуты,—все вмѣстѣ взятое какъ-бы наполнило меня. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ я слышала откликъ душѣ моей. Я не знала этого человѣка лично, но я чувствовала, что его душа сродни моей, что я понимаю его, а онъ бы понялъ меня. Этотъ откликъ пробуждалъ во мнѣ надежду и вѣру въ людей. Я видѣла, что существуетъ же въ жизни хорошее, доброе, и стремленіе къ нему не безплодно. А сколько стихотвореній, въ которыхъ я прочла мои глубокія думы, мои страданія. Вотъ отчего я плачу каждый разъ, когда читаю его стихотворенія. И, навѣрное, этотъ откликъ получили многіе, многіе, живущіе одиноко, т. е. въ нравственномъ одиночествѣ, и также страдающіе, какъ страдалъ молодой несчастный поэтъ.

11-го сентября.

Стихотвореніе Д. Мережковскаго (*«Вѣстникъ Европы»*, іюль 1887 года).

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
Тоску и желанья,
Уснуть — и не видѣть, не думать, не жить,
Уйти отъ сознанья!..
Но тихо ползутъ безпокойной чредой
Пустыя мгновенья,
И маятникъ мѣрно стучитъ надо мной...
Ни сна, ни забвенья!..

Стихотворенія грустныя такъ всегда сильно вліяютъ на меня, что я не въ силахъ бываю, чтобы не занести ихъ въ мою книгу, которую я частенько открывая и читаю, и перечитываю все, что мнѣ нравится.

*) Въ одномъ фельетонѣ Буренина больной чахоткою поэтъ былъ обвиняемъ въ корыстномъ выманиваніи помощи у Литературнаго фонда.

Сегодня читала «Литературные Очерки» за 1883—1886 г.г. С. Я. Надсона. И критическія статьи его, помѣщенныя въ газетѣ *«Заря»*, *«Отечественныхъ Запискахъ»* и *«Еженедѣльномъ Обозрѣніи»*, такъ же теплы, душевны, какъ и его стихотворенія. Кой-гдѣ проскальзываетъ тонъ молодости, желаніе блеснуть своимъ талантомъ, какъ, напримѣръ, въ разборѣ стихотвореній Алексиса Жасминова, который написалъ балладу «Олафъ и Эстрильда». Цитируя эту балладу Надсонъ переклады-ваетъ ее самъ и, несомнѣнно, баллада въ его художественномъ изложеніи выигрываетъ, и настолько, что можно увлечься, читая ее. Конечно, это желаніе блеснуть можно назвать недостаткомъ, который, между прочимъ, такъ извинителенъ въ такомъ молодомъ поэтѣ, что его можно забыть.

12 сентября.

Смотришь, смотришь на молодежь и невольно скажешь стихами Лермонтова:

«Печально я гляжу на наше поколѣнье,
Его грядущее иль пусто, иль темно».

Образованія развивающаго не даютъ молодому поколѣнію, а забиваютъ голову латинскими грамматиками, это—въ среднемъ заведеніи, а въ высшихъ и еще хуже: составили патріотическій кодексъ правилъ для обученія и подводятъ всѣхъ подъ эту мѣрку.

— Вчера прочла двѣ біографіи: Жоржъ Зандъ и Генриха Гейне, проф. Кирпичникова. Какъ много прекрасныхъ мыслей у Жоржъ Зандъ! «Жоржъ Зандъ вмѣстѣ съ В. Гюго и Диккенсомъ, вмѣстѣ съ великими русскими писателями, Достоевскимъ и Львомъ Толстымъ, является апостоломъ величайшей нравственной идеи нашего столѣтія—безграничной гуманности, милости къ падшимъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ, не снисходительной, брезгливой милости дамы-патронессы, а беззавѣтной евангельской любви сестры милосердія».—«Миссія искусства,—говоритъ Жоржъ Зандъ,—есть миссія любви. Цѣль поэта вселить любовь къ тому, что ему кажется хорошимъ. Искусство не изученіе дѣйствительности, а стремленіе къ идеалу».

13 сентября.

«Новое Время», въ лицѣ Буренина, принялось травить въ настоящее время Антокольскаго, знаменитаго скульптора, и за то, что онъ осмѣлился на страницахъ *«Вѣстника Европы»* написать свою автобіографію, и очень симпатичную. Травитъ Антокольскаго Буренинъ за то, что онъ еврей, такъ же, какъ травилъ Надсона за его еврейское происхожденіе. Автобіографія Антокольскаго (сентябрь, *«Вѣстн. Е.»*) написана очень хорошо и возбуждаетъ такое хорошее чувство. Когда я прочла

эту автобіографію, во мнѣ, какъ будто, просвѣтлѣло (если бы это выраженіе прочелъ бы Буренинъ, какъ бы мнѣ досталось), почувствовала простое и искреннее въ словахъ его. И всѣ подтасовки Буренина для глумленія вовсе не остроумны и не убѣдительны: Антокольскій художникъ, всегда останется художникомъ, и г-нъ Буренинъ, написавъ свой пасквиль на него, заставитъ многихъ прочесть въ подлинникѣ эту автобіографію и всѣ получатъ впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, которое желалъ вызвать Буренинъ.

28 сентября.

Давно ничего не писала, да и читала мало: все было недосугъ. Предварительно переѣздъ съ дачи мѣшалъ, а потомъ... Положимъ, я удалялась отъ всего этого безобразія, но все же меня все тревожитъ и мутитъ мой душевный покой. Никогда не проходитъ дня, чтобы я могла быть гарантирована отъ неожиданнаго скандала: разговоры, заявленія, протесты...

30 сентября.

По временамъ въ газетахъ появляются протесты противъ послѣдняго циркуляра министра народнаго просвѣщенія. Эти протесты бываютъ въ разныхъ формахъ: то подбираютъ имена великихъ людей, объясняя ихъ происхожденіе, то, по отчету министра народнаго просвѣщенія, констатируютъ фактъ бѣдности образованія въ Россіи. Такъ въ «*Современныхъ Извѣстіяхъ*» появился недавно перечень именъ великихъ людей, родившихся отъ простыхъ людей. Колумбъ былъ сынъ ткача; Коперникъ—сынъ простого мѣщанина; Кеплеръ—бѣднаго трактирщика; Шекспиръ—перчаточника; Ньютонъ—сынъ очень бѣдныхъ родителей; Галилей—музыканта; д-Аламберъ—подкидышъ; Гершель—сынъ музыканта; Гей Рене Жюстъ—сынъ бѣднаго ткача; Веніаминъ Франклинъ—сынъ мыловара; Жанъ Жакъ Руссо—часового мастера; Кювье—сынъ бѣднаго офицера; Сократъ—сынъ ваятеля; Спиноза—простого еврея, шлифовальщика стеколъ; Кантъ—сѣдельнаго мастера; Беранже—портного; Берне—простого еврея; папа Григорій VII Гильдебрандъ—кузнеца; Іоаннъ Гусъ—бѣднаго поселянина; Лютеръ—рудокопа; Джіовано Бруно—солдата; Стефенсонъ—угольщика; Фультонъ, изобрѣтатель парохода,—сынъ простолюдина; Жаккаръ, изобрѣтатель ткацкаго станка,—фабричнаго рабочаго; Мурильо—чернорабочаго; Доминикино (живописецъ)—башмачника; Дюреръ, живописецъ,—ремесленника; Дарвинъ—внукъ гончара и т. п.

А «*Недѣля*», резюмируя отчетъ министра народнаго просвѣщенія, приходитъ къ заключенію, что не излишкомъ образованія—спеціальнаго или общаго—страдаемъ мы, а совершенно противными результатами:

бѣдностью образованія и бѣдностью образовательныхъ средствъ, рельефно выступающими изъ этого отчета.

Всѣ эти протесты пока остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Общество прекрасно сознаетъ, что образованіе въ Россіи слишкомъ незначительно сравнительно съ другими европейскими государствами, но оно безсильно протестовать противъ этого болѣе энергично. Люди съ достаточными средствами, но не привиллегированные, богачи, будутъ отдавать своихъ дѣтей за-границу, гдѣ уже, какъ напримѣръ, въ Бреславлѣ и въ Яссахъ, открыты гимназіи съ курсомъ русскихъ классическихъ гимназій и съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Вотъ замѣчательное явленіе совершилось въ Россіи въ XIX вѣкѣ: дѣти русскихъ должны получать образованіе за-границей. Вотъ такъ національность! Зато наши охранители только и толкуютъ о національности, патріотизмѣ и проч., проч. Масса фразъ и мало дѣла!

1 октября.

Давно собиралась записать въ мою книгу шутку, написанную однимъ знакомымъ, Н. Полушинымъ. Въ печати эта шутка не появится *).

Боборыкинъ врагъ. (Урокъ изъ новой географіи).

«Въ области «Словесности»
Есть село «Печать»,
Но объ этой мѣстности
Лучше помолчать...
Дознано, указано,
Въ тайнѣ лишь хранятъ,
(Будь не къ ночи сказано)—
Въ томъ селѣ «шалятъ»!..
Есть тамъ, къ сожалѣнію,
Всѣмъ внушая страхъ,
На пути къ селенію,
«Боборыкинъ врагъ».
Изъ него со стонами,
Чья-то злая тѣнь
Мечетъ «фельетонами»,
Чуть не каждый день!..
Ночью, въ темень самую,
Не ходи ужъ тутъ:
Изъ оврага «драмою»
Голову сшибутъ!..
Въ силу сей извѣстности,
Ощущая страхъ,

*) Шутка—по адресу П. Д. Боборыкина. А. Н. относилась къ его писательской дѣятельности съ большимъ предубѣжденіемъ, считая его изображенія торговой и промышленной Москвы слишкомъ односторонними.

Будешь знать въ словесности
«Боборыкинъ врагъ».

Н. Полушинъ. 4 сентября 1887 г.
Москва.

2 ноября.

Какъ давно я ничего не писала; а почему я не писала, и сама не знаю. Иногда казалось, что всѣ мои писанія такъ глупы и безцѣльны, да и кому все это нужно. Иной разъ думаешь: если для себя, то тоже, пожалуй, лишнее, а потомкамъ моимъ вся моя дребедень и словоизверженіе покажутся даже смѣшными. Между тѣмъ все пишешь и пишешь, утѣшая себя тѣмъ, что передъ смертью завѣщаю уничтожить мои письма въ пламени горящемъ, какъ сдѣлалъ это Тургеневъ, завѣщая сжечь свой дневникъ г-жѣ Віардо. Навѣрное, въ дневникѣ Тургенева было много интереснаго. Сожгла-ли г-жа Віардо этотъ дневникъ или нѣтъ? Я бы не сожгла, если бы была на ея мѣстѣ.

«Какъ сонъ пройдутъ дѣла и помыслы людей—
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей,
И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются:
И мудрость, и любовь, и знанья и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова
Рукой невѣдомой сотрутся.

...Душа моя ноетъ, а вопросъ: «зачѣмъ, зачѣмъ?» не оставляетъ меня. Какихъ невѣроятныхъ усилій нужно для того, чтобы голова моя не размышляла и не останавливалась на этихъ вопросахъ!

«Любить людей—за что? Любить слѣпцовъ, какъ я,
Случайныхъ узниковъ, въ случайномъ этомъ мірѣ...
И стоитъ ли любить, и можно ли скорбѣть,
Когда любовь, и скорбь, и все—лишь сонъ безцѣльный?»

Вспоминаю стихи и думаю, что и Минскій, написавши это стихотвореніе, а я запомнивъ его—оба мы несчастные люди, какихъ очень много на бѣломъ свѣтѣ.

3 ноября.

Г-жа Ламберъ, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ 17-го столѣтія, говоритъ, что для нравственнаго усовершенствованія необходимы: бесѣда въ обществѣ, чтеніе и уединеніе. Бесѣду въ обществѣ г-жа Ламберъ ставитъ на первомъ мѣстѣ средствъ, ведущихъ къ самообразованію: «бесѣда, говоритъ г-жа Ламберъ, производитъ то, что у насъ развертывается умъ, оттѣняются понятія, просвѣщаются чувства, возбуждается и питается мысль».

Какъ это давно извѣстно и вѣрно, но недостижимо для многихъ, какъ, напримѣръ, для меня. Мои семейныя условія и самая обстановка

купеческая не дозволяютъ мнѣ пользоваться этимъ средствомъ для самообразованія. Люди, съ которыми я могла бы говорить, (къ намъ) не ходятъ, стѣсняясь (тѣми, кто) вовсе не желаютъ, чтобы у насъ «развертывался умъ, оттѣнялись понятія, просвѣщались чувства, возбуждалась и питалась мысль»; съ другими же и говорить не о чемъ... И такъ изо дня въ день, а мысль рвется: хочется дѣлиться мыслями, говорить. Есть, положимъ знакомства внѣ дома, но мнѣ кажется, что тамъ на меня смотрятъ сверху внизъ. Конечно, можетъ быть, это моя фантазія! Иногда я и не чувствую этой тягости съ этими лицами, но порою мнѣ бываетъ такъ тяжело, такъ горько, что уста мои смыкаются и я начинаю конфузиться. Скверно все это, гадко! О, сословіе мое, сословіе купеческое! *(Далѣе приписка болѣе поздняя, сдѣланная другими чернилами):* Какое глупое восклицаніе! Глупо-то оно, положимъ, очень глупо, а тяжесть сословія лежитъ на мнѣ тяжелымъ гнетомъ, и я чувствую, что именно это такъ. При мужѣ, интеллигентѣ, мое положеніе не было бы такъ оторванно, изолировано.

6 ноября.

Что со мной дѣлается? Ною и ною безъ конца. Работаю мало. Серьезныхъ книгъ читаю мало. Куда-то тянетъ меня. Душа рвется куда-то. Тоска, тоска совсѣмъ меня измучила.

«Зачѣмъ?.. Зачѣмъ живу? Кому нужны
Мои печали, радости, стремленья,
Мои надежды, скорби и мученья,
И жаръ души, и свѣтъ пытливыхъ думъ,
. . . . . .
Зачѣмъ живу, терзаясь и страдая?» (Изъ стихотворенія Фруга: «Зачѣмъ?)

29 ноября.

Въ прошлое воскресенье (22 ноября) началось волненіе въ Московскомъ университетѣ, которое возникло вслѣдствіе давно затаеннаго неудовольствія студентовъ противъ ихъ инспектора Брызгалова. Это неудовольствіе, даже ненависть, не принадлежитъ только нынѣшнему поколѣнію учащихся, а и студентамъ прежнихъ поколѣній, но при уставѣ Императора Александра II-го сила Брызгалова не могла проявиться во всемъ своемъ величіи. Говорятъ, въ прошломъ учебномъ году исчезло безъ слѣда около 40 студентовъ, исчезновеніе коихъ приписывается шпіонству г. Брызгалова, ради выслуги. Не можетъ быть, чтобы всѣ эти юноши «подрывали основу политическихъ порядковъ». Оговорить легко, кого угодно. Вотъ эти оговоры, наговоры, подозрѣнія и доносы возмутили до того юношей, что они, кинувъ между собой жребій, рѣшили дать г-ну Брызгалову публичную оплеуху, что и сдѣлали 22-го но-

ября въ Благородномъ Собраніи на студенческомъ вечерѣ. Молодежь разсчитывала, что публичное оскорбленіе побудитъ г. Брызгалова покинуть свой постъ инспектора. Оплеухъ, данныхъ этому господину tête-à-tête неисчисленное количество, но онъ никогда и не придавалъ имъ особеннаго значенія. Но оказалось, что и эта публичная оплеуха не очень сильно задѣла Брызгалова, хотя онъ подалъ въ отставку, что, впрочемъ, производилось имъ для виду послѣ каждой оплеухи и прежде. Отставка, по слухамъ, не была принята и поговаривали даже, что за «его страданія» ему пришлютъ орденъ Св. Владимира, къ которому онъ давно стремился, посылая самъ себѣ динамитныя письма, ссылаясь на студентовъ, которые хотятъ убить его. Эти письма онъ очень осторожно открывалъ и всегда оставался цѣлъ и невредимъ. Студентъ Сенявскій, давшій оплеуху Брызгалову въ Благородномъ Собраніи, былъ, какъ говорятъ, тотчасъ же взятъ и водворенъ въ тюрьму. Разсказываютъ, что оплеуха была такъ сильна, что многіе думали, что лопнула газовая труба, и приготовились уже очутиться въ темнотѣ, какъ услыхали шумъ. Нѣкоторые говорятъ, что будто бы другіе студенты бросились бить Брызгалова, но были во время остановлены. Но этимъ дѣло не кончилось. На другой день студенты собрались въ аудиторіяхъ и разсуждали о случившемся, увѣренные, быть можетъ, что Брызгаловъ уйдетъ изъ университета. Начальство, почуявъ сходку, распорядилось призвать въ укромное убѣжище (манежъ) казаковъ и полицію, а попечитель учебнаго округа Капнистъ явился къ студентамъ съ просьбою, собраться въ актовую залу: послѣдніе стали протестовать, заявляя, что они хорошо понимаютъ, что значитъ собраться въ актовую залу, гдѣ ихъ обыкновенно всѣхъ переписываютъ, считая за участниковъ бунта, и потомъ исключаютъ изъ университета. Капнистъ заявилъ имъ на это, что разъ приглашаетъ ихъ попечитель, они не должны бояться. Студенты согласились. Не успѣла молодежь войти въ залъ, какъ многіе увидѣли изъ оконъ, что университетъ окруженъ полиціею и казаками; нѣкоторые заявили протестъ, но Капнистъ ихъ снова успокоилъ и обращаясь къ студентамъ сказалъ: «Брызгаловъ хорошій человѣкъ, и что они не должны бунтовать и проч., проч. Говорилось все это въ дерзкой формѣ, что особенно и возмутило студентовъ. Когда въ залѣ раздалось восклицаніе: Ага! Ого! Вотъ какъ! Капнистъ обозвалъ молодежь дураками, а многіе утверждаютъ, что и подлецами. Этимъ же эпитетомъ студенты обозвали и Капниста, котораго подхватили толпою и вынесли изъ зала вонъ. Тутъ, конечно, подоспѣли казаки и начали бить студентовъ, выходящихъ изъ университета, нагайками. Студенты озлобились и въ теченіе цѣлой недѣли, не взирая ни на какія препятствія, собирали въ различныхъ частяхъ города сходки. Разсказы очевидцевъ очень многочисленны

и интересны. Очень можетъ быть, что многое прибавлено, но во всякомъ эпизодѣ есть очевидная доля правды. Разсказываютъ, напримѣръ, что при выходѣ изъ университета, нѣсколько студентовъ столкнулись съ казацкимъ безбородымъ офицерикомъ, который началъ поносить ихъ и крикнулъ казакамъ знаменитое приказаніе: «въ нагайки». Въ это время увѣдомленный объ этомъ казацкій полковникъ прискакалъ на мѣсто происшествія и, обращаясь къ студентамъ, сказалъ: «Господа, успокойтесь, этотъ офицеръ, дозволившій себѣ грубо обойтись съ вами, будетъ наказанъ; что же касается меня, то я вполнѣ сочувствую вашему протесту и если я здѣсь, то только потому, что долженъ подчиниться дисциплинѣ».

Въ университетѣ же, по разсказамъ нѣкоторыхъ, многіе изъ профессоровъ въ тотъ же день были биты, какъ напримѣръ, извѣстный профессоръ Чупровъ и Бредихинъ. Того и другого били нагайками; перваго ударилъ жандармскій офицеръ за то, что онъ сказалъ нѣкоторымъ студентамъ-негодяямъ, чтобы они не выдавали спрятавшихся отъ полиціи товарищей, другой же былъ избитъ на дворѣ, когда онъ выходилъ изъ университета, такъ какъ казаки приняли его за студента. Полиційместеръ Огаревъ во всю эту недѣлю велъ себя очень гуманно по отношенію къ студентамъ и даже, какъ говорятъ, въ одномъ изъ побоищъ посадилъ въ свою коляску студента съ изломанной ногою, и избилъ собственноручно нѣсколькихъ мясниковъ, которые пришли съ ножами и топорами бить студентовъ за «царя, вѣру и отечество». Юрковскій, оберъ-полиціймейстеръ, также, говорятъ, билъ казаковъ за грубое насиліе съ студентами. Участіе мясниковъ изъ Охотнаго ряда было вызвано однимъ изъ «педелей» (пуделей), который былъ будто бы посланъ кѣмъ-то изъ университета, а приказаніе бить студентовъ нагайками было дано, какъ говорятъ, Капнистомъ и помощникомъ Огарева, Полемъ. Эти побоища, въ цивилизованной странѣ и XIX вѣкѣ, продолжались нѣсколько дней, т.-е. до субботы 28-го; однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока убили двухъ студентовъ, Быкова и Семенова, и ранили 18-ть человѣкъ. Говорятъ, что одному студенту оторвали нагайкой ухо, которое было тотчасъ же взято другими товарищами и послано съ однимъ изъ студентовъ въ С.-Петербургъ, въ министерство народнаго просвѣщенія. Насколько это вѣрно, сказать трудно.

Губернаторъ В. А. Долгоруковъ также былъ очень гуманенъ во всей этой исторіи. Съ субботы 28-го ноября казаки, по телеграммѣ изъ Петербурга, были удалены, сходки же продолжались и продолжаются понынѣ. Студенты заявили, что не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ увѣрены, что ихъ избавятъ отъ Брызгалова навсегда. Въ настоящее время, для успокоенія студентовъ, Брызгалова замѣнили на время Добро-

вымъ, но студенты этому не довѣряютъ, видя только палліативъ въ его удаленіи, почему и добиваются аудіенціи у Великаго Князя Николая Николаевича, который находится въ Москвѣ (по случаю открытія памятника въ память павшихъ воиновъ при взятіи Плевны въ 1877 году).

Общественное мнѣніе сильно возбуждено всей этой возмутительной исторіей: вездѣ говорятъ и осуждаютъ администрацію за то, что въ усмиреніи были приняты грубыя мѣры. Впрочемъ, нѣкоторые говорятъ, что многіе изъ начальствующихъ, какъ напримѣръ, ректоръ Ивановъ, усмиряли студентовъ словомъ, и послѣдній достигъ уже цѣли, если бы не Капнистъ и не казаки.

— Еще разсказы очевидцевъ. Недалеко отъ университета стоялъ въ толпѣ сермяжниковъ-мужиковъ студентъ. Вдругъ къ нему подлетаетъ казакъ и наступаетъ къ нему довольно близко. Студентъ взялъ лошадь подъ уздцы и отвелъ отъ себя. Казакъ разсердился и началъ бить студента. Мужики вступились за студента, бросившись на казака, который былъ сильно избитъ ими. Другіе казаки подступиться не смѣли, такъ какъ мужиковъ было не мало. Наконецъ, явилась полиція и мужиковъ, въ количествѣ 20-ти человѣкъ, повели, въ сопровожденіи 5 буточниковъ, въ участокъ, но по дорогѣ, какъ разъ на перекресткѣ, мужики бросаются на буточниковъ, разгоняютъ ихъ и сами исчезаютъ.

Второй разсказъ: Къ княгинѣ Черкасской на дворъ вбѣжалъ студентъ, скрываясь отъ казаковъ и полиціи, которые врываются въ домъ, наносятъ массу оскорбленій княгинѣ, находятъ гдѣ-то въ чуланѣ студента, бьютъ его въ домѣ-же княгини, оскорбляя ее и обвиняя въ укрывательствѣ. Затѣмъ, совершивъ всѣ эти дѣянія, скрываются вмѣстѣ со студентомъ. Разсказываютъ, что въ теченіе этой недѣли многіе дворники кидались на мимо проходившихъ студентовъ съ метлами. Многіе изъ студентовъ переодѣвались въ статское платье. Кромѣ студентовъ, и публика, попадавшаяся между нихъ, подвергалась побоямъ казаковъ. По разсказамъ видно, что въ первые дни возмущенія было немного студентовъ, участвующихъ въ исторіи, но въ послѣдующіе дни, послѣ избіенія нагайками, поднялись чуть не всѣ. Между другими возмутившимися, были слышны имена князей Долгорукихъ, Бобринскихъ и другихъ титулованныхъ студентовъ. Объ этихъ лицахъ слухи разнородны: другіе говорятъ, что они были избиты студентами за сочувствіе Брызгалову. Интересно то, что многіе изъ публики вступались за студентовъ и кидались бить мужиковъ, какъ это случилось, напр., на-дняхъ въ Солодовниковскомъ пассажѣ, сторожа котораго вздумали бить двоихъ студентовъ, за которыхъ и вступился какой-то г-нъ, привлекая на свою сторону массу интеллигентной публики. Сторожа, конечно, стушевались.

4 декабря.

Говорятъ такъ много объ университетской исторіи и такъ противорѣчиво, что не знаешь, чѣму вѣрить. Оффиціально извѣстно только одно, что университетъ на неопредѣленное время закрытъ. 3-го декабря появилась въ двухъ газетахъ оффиціальная статья о студенческой исторіи. Въ этой статьѣ студенты, конечно, порицались. По слухамъ извѣстно, что въ Казани, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ студенты также бунтуютъ, но почему, отчего—неизвѣстно.

8 декабря.

Исторія въ Московскомъ университетѣ, хотя и заглохла на нѣкоторое время, но, по слухамъ, не надолго, такъ какъ ненавистное лицо студентамъ, г. Брызгаловъ, остался на своемъ посту. Говорятъ, что около 10-ти лучшихъ профессоровъ университета подали въ отставку; изъ нихъ слышны имена: Чупрова, Боголѣпова, Столѣтова, Звѣрева, Склифасовскаго и проч. Объ убитыхъ студентахъ говорятъ, что это была ложь, распущенная возмутителями, но по другимъ источникамъ извѣстно, что не только убиты двое и тайкомъ похоронены, но умираютъ еще трое въ московской тюремной больницѣ.

Къ этой исторіи въ университетъ примѣшаны и другіе учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: ученики техническаго училища, петровской академіи и даже кадеты. Арестовъ масса: высылаютъ многихъ на родину административнымъ порядкомъ.

1888.

22 февраля.

Вотъ уже второй мѣсяцъ новаго года наступилъ, а я и не думала ничего писать. Впечатлѣній за это время было много, но разбираться въ нихъ не хотѣлось. Сегодня вдругъ что-то поднялось во мнѣ, проснулось, явилось желаніе писать, читать, работать. Прочла сейчасъ о чествованіи С. А. Юрьева и возрадовалась, что нашелся такой человѣкъ, которому можно поклониться за его идеальныя стремленія на пользу человѣчества, за его доброту и теплое сочувствіе къ людямъ. В. А. Крыловъ написалъ стихи для Юрьева, которые закончилъ такъ:

...И потому блаженъ,
Сто кратъ блаженъ, кто любитъ міръ мечтаній,
Кто не теряетъ свѣтлыхъ упованій,
До чьей души и не коснулся тлѣнъ
Безпомощной разрозненности вѣка,
Кто вѣрный другъ излюбленныхъ дружинъ,
Кто дѣтски чистъ остался до сѣдинъ
И жаждетъ идеала человѣка».

5-го мая.

Зима текущаго года была довольно тяжела для меня: семейныя непріятности совсѣмъ измучили меня. Ежедневно скандалы, сцены, безсмысленные крики, брань и потомъ снова затишье, и такъ безъ конца. Вѣчно вздрагиваешь, дрожишь, убѣгаешь изъ дома, а вернешься обратно—опять то же. Я никогда не гарантирована отъ всевозможныхъ неожиданностей. Я живу дома, какъ въ гостяхъ: постоянно стѣснена, измучена, взволнована... Ну, довольно!

іюня 12-го.

Страшно подумать, что творится на свѣтѣ! Видишь и понимаешь, что нельзя судить по себѣ людей, а, между прочимъ, не можешь отрѣшиться отъ этой общей человѣческой слабости или, скорѣе, свойства людей. Эта вѣчная борьба, это вѣчное мученіе можетъ окончательно свести съ ума.

Пятигорскъ, іюнь.

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я на отдыхѣ отъ домашнихъ мукъ. Я въ Пятигорскѣ. Знакомыхъ у насъ много, даже очень много, но, въ сущности, не съ кѣмъ слова сказать. Всѣ разговоры военныхъ вертятся на мѣстныхъ интересахъ, сплетняхъ, шуткахъ, иногда очень плоскихъ, что меня коробитъ. Иногда сидишь въ обществѣ пятигорской аристократіи, драгуновъ, и невольно сравниваешь времена и провинціальные нравы, описанные Гоголемъ и Щедринымъ. Разницы такъ мало, а времени прошло такъ много съ тѣхъ поръ, а тина кругомъ все та же самая. Природа хороша здѣсь, какъ и всегда, и будетъ вѣчно хороша, а люди такъ пусты, такъ мелки. Я никого не виню въ этомъ лично, я сожалѣю ихъ, но все-таки... Мнѣ не смѣшно, когда они смѣются; меня удивляетъ ихъ восторгъ, меня не страшитъ ихъ ужасъ; однимъ словомъ, мнѣ скучно между ними. Вчера, впрочемъ, я познакомилась съ однимъ старикомъ, харьковскимъ купцомъ, но учившимся въ университетѣ. Этотъ старикъ оказался вдобавокъ еще не глупымъ, какъ мнѣ показалось, но съ перваго раза судить трудно. Поживемъ, увидимъ! Но первое впечатлѣніе было такое, что я даже обрадовалась: «онъ всѣмъ интересуется, онъ можетъ говорить», подумала я.

іюнь.

Вчера вздумала перечитать снова Лермонтова, благодаря Пятигорску, въ которомъ онъ жилъ, въ которомъ и мнѣ приходится быть третье лѣто сряду. Въ концѣ I-го тома нашла стихи, которые мнѣ очень понравились и я не могу не списать ихъ.

«Конецъ! Какъ звучно это слово!
Какъ много, много мыслей въ немъ!

Послѣдній стонъ — и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ... а потомъ—
Потомъ васъ чинно въ гробъ положатъ,
А черви вашъ скелетъ обгложутъ;
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой (я боюсь сказать)—
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете во-вѣкъ».

— Всѣ уѣхали на скачку, и я одна во всемъ домѣ: сижу и пишу. Вѣтеръ дуетъ и рветъ мои окна, я сижу и слушаю этотъ стонъ, этотъ свистъ и восхищаюсь природою; но временами вскакиваю и подбѣгаю къ окну взглянуть на тучу, которая надвигается съ запада: по всей вѣроятности, пойдетъ дождь. Сейчасъ я все думала о мѣстныхъ жителяхъ и мнѣ невольно пришла мысль: что, меня всосала ли бы эта тина, если бы поселилась въ Пятигорскѣ? Мнѣ кажется, нѣтъ: я не молода и мое *я* едва ли бы могло измѣниться. Мнѣ кажется, я бы скучала, или, благодаря образу моихъ мыслей, была бы для всѣхъ жителей самой скучной женщиной въ мірѣ. Многіе бы сторонились меня, другіе бы бранили, а третьи смотрѣли бы съ сожалѣніемъ, какъ на тронутую. Конечно, все бы это было, если бы я была вполнѣ естественной и не притворялась бы интересующеюся болтовнею и слушающею всѣ разсказы и мельчайшія детали всѣхъ самыхъ незначительныхъ событій; при послѣднихъ условіяхъ я, навѣрное, носила бы названіе «пріятной дамы». Гадко притворяться, но что дѣлать: noblesse oblige! Иногда это притворство бываетъ, положительно, необходимо: жаль бываетъ показать свое невниманіе къ лицамъ, такъ наивно и подчасъ глупо, увлекающимся разсказами пустого свойства. Зачѣмъ показывать это невниманіе? Что изъ этого выйдетъ? Ничего и ничего! Надо коротко быть знакомымъ, чтобы имѣть право показать смѣшную сторону всѣхъ этихъ разсказовъ. А я уѣду и интересы ихъ сольются снова съ общими мѣстными интересами. Если бы и была какая-нибудь возможность указать дурную сторону, если бы даже, благодаря здравому смыслу, и поняли бы меня, то и тогда не надолго: провинціальная тина сильнѣе меня: они сжились съ ней, имъ хорошо вращаться въ этомъ глупомъ водоворотѣ, ни о чемъ не думая, не размышляя.

— Недавно вспомнила я, какую ужасную нравственную пытку вынесла я 11-го мая. Это состояніе довело меня чуть не до болѣзни... ...Борьба и борьба, отъ которой спасеніе только въ смерти, которая и дастъ мнѣ покой.

15-го іюня.

Вотъ скоро мѣсяцъ, какъ я въ Пятигорскѣ, въ которомъ живу покойно: гуляю, сплю и не раздражаюсь ежеминутно. И то слава Богу, что хоть не на долго, да есть покой! А кругомъ природа, горы, деревья, зелень; однимъ словомъ, все, что радуетъ глазъ и наполняетъ душу непонятной полнотою. Вчера ходили мы на провалъ и дорогой одинъ драгунскій офицеръ разсказалъ мнѣ кавказскую легенду про горы. Машукъ есть ни что иное, какъ разборчивая невѣста, за которую сватались два жениха: Эльбрусъ и Бештау, и она отказала и тому, и другому. Эльбрусъ съ горя посѣдѣлъ, а Бештау развалился. Машукъ, узнавъ объ этомъ, заплакала, и вотъ съ тѣхъ поръ все и плачетъ, а слезы ея выражаются въ массѣ источниковъ, которые текутъ изъ нея въ разныхъ направленіяхъ.

(Далѣе выписаны стихотворенія Д. Мережковскаго: «Тамъ, въ глубинѣ задумчивой долины»; «Сердце печальное, робкое сердце людское»; «Покоя забвенья! Уснуть позабыть!»; «Къ смерти» (отрывокъ), и «Христосъ воскресъ», поютъ во храмѣ»).

іюня 18-го.

Прочла въ Пятигорскѣ пока двѣ книги: стихотворенія Д. Мережковскаго, изданныя въ 1888 году отдѣльной книгой, и романъ псевдонима Крестовскаго «Обязанности». Въ послѣдней книгѣ нашла фразу, такъ близко подходящую ко мнѣ: «Пошлость то же одиночество, но такое одиночество мѣшаетъ, не даетъ думать, отупляетъ: пошлость утомляетъ до желанія физическаго покоя, а то вдругъ, страшнымъ порывомъ, искушаетъ до желанія развлеченій, подсказываетъ какія-то мечтанія и въ нихъ заставляетъ забываться».

Странно! Такого рода фраза, иногда, какъ-то сразу уяснитъ положеніе, откроетъ глаза.

2 іюля.

Кружилась, кружилась я все это время, безъ цѣли, безъ занятія: нынче здѣсь, завтра тамъ и т. д. И такъ изо дня въ день, чуть не полтора мѣсяца. Сегодня увидѣла стихотворенія Розенгейма, единовременника Лермонтова и увлеклась его произведеніями.

Вотъ отрывокъ изъ обращенія его къ Лермонтову:

«Пускай ничтожество, пылая жалкимъ мщеньемъ,
Всю жизнь твою убьетъ, отравитъ, очернитъ,—

Нѣтъ, не плати ему за злобу озлобленьемъ;
Прости, зане оно не вѣдетъ, что творитъ!..»

(Далѣе выписанъ рядъ стихотвореній Розенгейма).

Іюля 19-го.

Сидишь, сидишь зиму, мучишься въ вѣчныхъ глупыхъ дрязгахъ, мелочахъ, суетѣ, а придетъ весна такъ и потянетъ взглянуть на природу и вздохнуть полной грудью и поплакать на свободѣ (Выписано стих. Розенгейма «Природа»).

Іюля 20-го.

Петя *), быть можетъ, правъ, что онъ бѣжитъ отъ людей, а я не могу бѣжать отъ нихъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; я приближаюсь къ нимъ и жгусь, какъ бабочка на огнѣ. Не хочется думать, не хочется вѣрить, и не могу я вѣрить, чтобы не было людей! Пусть будутъ недостатки, пороки, но пусть будутъ и свѣтлыя стороны! Право, мнѣ иногда кажется, что я какая-то другая: не такая, какъ тѣ, между которыми я живу. И что на мою долю выпала такая судьба, что мнѣ приходится жить съ такими людьми, для которыхъ я представляю закрытую книгу. Я сама имѣю недостатки; я должна имѣть ихъ потому, что я человѣкъ, но то, что я чувствую, другіе не чувствуютъ; я это вижу, я это понимаю и глубоко страдаю. Вѣчное страданіе, вѣчная неудовлетворенность, вѣчное мученіе и метаніе и вѣчная борьба доброты, жалости къ людямъ и сочувствія къ нимъ съ чувствомъ собственнаго человѣческаго достоинства. Хочется сказать слово сочувствія людямъ, протянуть, истратить, хотя восьмую часть того запаса человѣческой потребности ласки, симпатіи, которыми такъ полна душа моя, а чувство собственнаго достоинства, чувство самосохраненія и разумъ удерживаютъ... Вѣчно одна и одна съ своей борьбой. Года идутъ, а впереди мракъ.

28-го іюля.

Сижу въ Пятигорскѣ, на высокой горѣ подъ Машукомъ и наслаждаюсь видами, которые окружаютъ меня. Бесѣдка, гдѣ я нахожусь, круглая, и я, пользуясь этимъ преимуществомъ, обхожу ее кругомъ; съ одной стороны, у самаго подножья Машука тянется Михайловская галлерея съ сѣрнымъ источникомъ, а за ней идетъ первая половина Машука; эта половина скалистая, мѣстами покрытая обгорѣлой травой отъ жара. Выше поднимается другая половина горы, покрытая лѣсомъ. Вершина Машука снова открытая. Говорятъ, что на вершинѣ горы предполагаютъ выстроить ресторанъ для усталыхъ путниковъ, любителей природы. Лѣвѣе отъ горы идетъ лѣсистый пригорокъ, на которомъ возвышается бесѣдка подъ названіемъ Эоловой арфы; правѣе виденъ еще

*) Братъ А. П. Волковой.

пригорокъ. Вся эта картина освѣщается южнымъ солнцемъ; въ воздухѣ такъ тепло, покойно. Бесѣдка, въ которой я сижу, окружена съ одной стороны деревьями, которыя лѣпятся по пригорку, ведущему къ шоссе. Покой и тишина въ воздухѣ нарушаются стукомъ экипажей, въ которыхъ больные, жертвы праздной, разгульной жизни, ѣдутъ купаться въ горячихъ, сѣрныхъ источникахъ.

Обхожу бесѣдку съ другой стороны, и глазамъ моимъ представляется новая картина. Кругомъ равнина съ безконечной далью впереди: прежде всего виденъ весь городъ Пятигорскъ, а за нимъ вьется дорога въ Эссентуки, по сторонамъ которой тянутся лѣсистые хутора, Константиновская станица, и садъ Больдта, мѣстнаго аптекаря. Здѣсь даль видна, по крайней мѣрѣ, верстъ на шесть. Солнце, то спрячется за облака, то выплываетъ снова, освѣщая равнину, городъ, станицы и даль. На церквахъ блестятъ кресты, играя и переливаясь, какъ звѣзды. Лѣвѣе, въ сторонѣ, возвышается гора Юца, а за ней гордо поднимается бѣлый Эльбрусъ, развѣтвляясь въ верхушкѣ. Снѣгъ на Эльбрусѣ блеститъ на солнцѣ. Форма Эльбруса напоминаетъ сахарную голову. На горизонтѣ видна въ туманѣ цѣпь снѣговыхъ горъ. Около Юцы, ближе къ Пятигорску, расположенъ лагерь: бѣлѣются палатки, между которыми видны черныя точки—это лошади солдатъ. Съ другой стороны отъ лагеря казармы. Подъ самымъ г. Пятигорскомъ вьется, извиваясь и развѣтвляясь, бурный Подкумокъ, искрясь на солнцѣ. На противоположномъ берегу Подкумка расположена большая станица, называемая Горячеводскомъ. Станица тянется версты на 4-ре. Масса низенькихъ домиковъ, крытыхъ соломой, желѣзомъ, представляются издали скученными и смѣшанными съ деревьями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта масса скученныхъ домиковъ раздѣляется дорогами. Среди станицы видна площадь съ церковью, а за станицей снова даль, которая сливается съ горизонтомъ. Около станицы тянется дорога въ нѣмецкую Константиновскую колонію, которая видна вдали, окруженная пирамидальными тополями. Близъ дороги течетъ серебристый Подкумокъ, углубляясь въ безконечную даль. Между безчисленными рукавами Подкумка стоятъ лошади, телѣги, ходятъ люди, которые кажутся карликами. Около Подкумка разстилаются нивы съ сжатымъ хлѣбомъ и зеленые огороды.

Глядишь на всѣ эти картины съ наслажденіемъ и отдыхаешь отъ пошлой, гадкой жизни, полной дрязгъ, безпрерывныхъ мученій и тревогъ. А міръ такъ хорошъ!

15 августа.

Прочитала разсказъ Гнѣдича «Святочные огни», напечатанный въ журналѣ «Нива» и изданный теперь вмѣстѣ съ другими разсказами этого молодого писателя отдѣльной книгой. Мнѣ невольно пришло въ го-

лову, что и мою сію тетрадку постигнетъ та же участь, какая постигла тетрадку того несчастнаго, самолюбиваго учителя, который писалъ потому, что не могъ говорить: онъ выносилъ жестокія оскорбленія отъ людей и обиду выливалъ на бумагу, предполагая, что послѣ его смерти люди прочтутъ его мысли и будутъ казниться за свои мерзости. Но вотъ онъ умеръ, а тетрадка попала подъ плиту для растопки, когда жарили гуся... Положимъ, что я пишу свои замѣтки, не желая мстить людямъ послѣ моей смерти: главная цѣль моихъ замѣтокъ это—желаніе провѣрять себя, свои взгляды, свои мысли, перечитывая написанное черезъ извѣстный промежутокъ времени. А все-таки участь тетрадки печальная!

8 декабря.

Какъ давно я не писала ничего въ этой книгѣ; по всей вѣроятности, большая корреспонденція отвлекла меня отъ этого... Бумага не выдастъ: пиши—что вздумается. При жизни никто не прочтетъ, а послѣ смерти пусть читаютъ, если кому вздумается. Развѣ можно вылить душу людямъ, не опасаясь ежеминутно быть осмѣянной или одураченной? Нѣтъ, нельзя, говоритъ разумъ, а сердце ищетъ людей, стремится къ сочувствію и безпрестанно ошибается и страдаетъ. Чудно, въ самомъ дѣлѣ! И когда кончится эта борьба разума съ сердцемъ? Когда возможно будетъ замереть и жить животной жизнью, довольствуясь ей? Должно быть, я этого не дождусь...

31 декабря.

Сегодня провожаю старый годъ со слезами: слезы такъ и льютъ. Смѣшно! Какъ будто я жалѣю о прошломъ годѣ, который принесъ мнѣ столько горя, мученій, нравственныхъ оскорбленій! Сегодня послѣдній день этого года; завтра мнѣ минетъ 42 года. Развѣ это дурно, что я прожила уже столько лѣтъ? Нѣтъ, хорошо, и хорошо потому, что осталось жить меньше, чѣмъ прожила. Что-то будетъ дальше! Что еще испытаю я?

(Слѣдуетъ нѣсколько страницъ воспоминаній о замужествѣ, изъ которыхъ часть приведена въ біографическомъ очеркѣ А. И.).

1889.

24 февраля.

Сегодня съ утра я нахожусь почему то въ болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ обыкновенно. Прочитала послѣ чая «*Русс. Вѣд.*» и «*Московскія Вѣд.*». Много промелькнуло всякой всячины передъ глазами, между прочимъ, прочла фельетонъ Немировича-Данченко. Содержаніе разсказа очень обыкновенное: дѣвушка изъ порядочной семьи полюбила же-

натаго человѣка, бросила семью, отца и мать, и пошла за нимъ, а онъ, воспользовавшись ея любовью и, узнавъ, что она скоро будетъ матерью, бѣжалъ отъ нея, оставивъ бѣдную дѣвушку на произволъ судьбы. Задумавъ лишить себя жизни, дѣвушка бродила въ одной изъ крымскихъ деревушекъ и въ минуту чуть не отчаянія она подошла къ скалѣ, гдѣ увидала паука въ паутинѣ; она со злобою разорвала эту паутину и пошла дальше, прощаясь съ жизнью, крѣпко сжимая пистолетъ. Мысли работали, вспоминалось все прошедшее, обдумывалось настоящее и исходъ представлялся ей одинъ: лишить себя жизни и все кончено. Съ нервной дрожью ходила она по одному и тому же направленію и снова глаза ея упали на паутину, которую разорвала она недавно. И что-же? Паукъ снова цѣплялся за свои нитки, протягивая ихъ отъ стѣны къ вѣтви дерева, и мысли ея измѣнились. «Неужели, думалось ей, паукъ имѣетъ больше силы, чѣмъ человѣкъ? Я нѣсколько разъ разрушала его домъ, а онъ снова работаетъ не унывая, а я? И я не должна унывать, рѣшила она.—Нѣтъ денегъ, есть вещи; я продамъ все и пробьюсь какъ-нибудь, а тамъ родится ребенокъ, буду жить для него; буду ткать новую паутину».

Такъ мысль о самоубійствѣ и кончилась.

Такой разсказъ долженъ дѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на многихъ неудачниковъ, выбившихся изъ силъ въ борьбѣ. Прочтешь, и станетъ какъ будто-бы легче, свѣтлѣе на душѣ, хотя и не надолго.

Весь вечеръ готовила я матеріалъ для *«Дѣтской помощи»*, воображая, что моя монотонная, меланхолическая работа успокоитъ меня и отвлечетъ мои думы отъ дѣйствительности. Ничуть не бывало! Думы и мрачныя мысли перескакивали черезъ всѣ отчеты, благотворительные спектакли, и проч., и дѣлали свое дѣло: мучили меня.

25 февраля.

Какъ только услышу я слово сочувствія къ себѣ, такъ и не выдержу: съ одной стороны мнѣ бываетъ очень пріятно слышать это слово, такъ какъ я сочувствіемъ людскимъ не избалована, а съ другой—является горечь и слезы, которыя, отчасти, даже облегчаютъ, хоть и сердятъ меня. Не надо слезъ; надо больше силы! Надо отвлекать себя, не надо распускать нервы, а то, пожалуй, и моя богатырская натура не выдержитъ.

Сегодня утромъ послала пакетъ съ матеріаломъ для *«Ремесленной Газеты»*. Надо быть аккуратной и посылать каждый понедѣльникъ. Совсѣмъ я разлѣнилась за послѣднее время, и все, благодаря нашей исторіи, которая измучила меня. Единственное спасеніе для меня это—мои прогулки пѣшкомъ: ходишь, ходишь до утомленія и головъ лег-

че: работать перестаетъ; физическая усталость беретъ свое, а нервы спасены.

Какая чудная погода сегодня! Совсѣмъ весна: солнце такъ ярко свѣтитъ и воздухъ другой, чѣмъ зимою. Какъ надоѣла мнѣ въ нынѣшнемъ году зима съ своими морозами, сухимъ воздухомъ, который задерживалъ мое дыханіе и безъ того плохое, вслѣдствіе моей одышки.

2 марта.

Сегодня получила извѣстіе о смерти одного молодого человѣка. Онъ умеръ 25-ти лѣтъ отъ наслѣдственнаго сифилиса. Сколько лѣтъ онъ гнилъ чуть не заживо! И во всемъ виноватъ отецъ! Боже, это ужасно! Рядомъ съ этимъ, онъ былъ талантливъ: обладалъ способностью къ музыкѣ; учился въ музыкальныхъ классахъ, проявлялъ большія способности и, теперь, все кончено! Выросъ онъ въ купеческой средѣ и, несмотря на всѣ купеческіе предразсудки, увлекался музыкой. Несчастный самородокъ! Услыхавъ о его смерти, я заплакала и долго, долго неудержимо рыдала, спрятавшись въ своей комнатѣ. Въ этихъ слезахъ вылилось и свое горе...

23 марта.

Какъ давно не писала я. Почему? Сама не знаю: не то было лѣнь приняться за перо, не то не хотѣлось растравлять нервы, которые никогда не заживаютъ. Какъ рѣдко выпадаютъ дни, когда я могу спокойно приняться за работу: то одно, то другое мучитъ, безпокоитъ меня. Одно крупное горе пройдетъ; пойдутъ мелкія обиды, недоразумѣнія, уколы самолюбія, безсиліе... Я изображаю собою человѣка, имѣющаго постоянно передъ собою стѣну, въ видѣ преграды, но съ небольшимъ отверстіемъ, которое надо найти. Вотъ въ это отверстіе я и пролѣзаю съ большимъ трудомъ, очутившись снова передъ такой же стѣной, и опять снова та же работа, тѣ же измышленія, какъ пройти это препятствіе. Если оставить, не проходить, нельзя: за мной идетъ вся семья: я проводникъ. Неужели же я никогда не дождусь, когда за этими стѣнами я увижу равнину, горизонтъ? Неужели мнѣ не суждено вздохнуть, хотя не надолго, чистымъ воздухомъ? Жизнь—борьба! Я это знаю, но отъ этого не легче...

Поставленъ человѣкъ обстоятельствами жить такъ, а не иначе, и живетъ онъ, смотря по силамъ нравственнымъ и физическимъ долгое или короткое время, а тамъ и конецъ всему: міровой итогъ! Хорошо бы не сознавать этого, а жить изо дня въ день, упиваясь животной жизнью! Такъ многіе и живутъ и по-своему счастливы. Раньше мнѣ казалось, что я своими литературными работами, исполняя долж-

ность репортера, приношу какую-то пользу людямъ; теперь же и этотъ миражъ разсыпался, какъ дымъ, и я снова ощущаю пустоту и мученія, вертясь, какъ бѣлка въ колесѣ...

Странное состояніе испытываю я сегодня: слезы такъ и подступаютъ къ горлу; быть можетъ, весенній воздухъ такъ дѣйствуетъ на меня. Скорѣе всего сказывается зимняя усталость. Сколько было пережито въ этомъ году! Прошелъ ли одинъ день безъ волненія?

23 апрѣля.

Весна въ полномъ разгарѣ: деревья зеленѣютъ, трава тоже; въ воздухѣ чувствуется пріятная возбуждающая свѣжесть, которая оживляетъ и даетъ силу на новыя мученія. Сегодня такъ жарко, что можно даже забыть, что живешь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а не въ іюлѣ; въ тѣни 23 градуса по Реомюру. Недалекъ тотъ день, когда мы двинемся снова на Кавказъ, отдыхать на подножномъ корму отъ всѣхъ тревогъ и волненій...

іюль, 1889 г.

Опредѣленіе моего характера по почерку Н. И. С. (артиллерійскій офицеръ, господинъ довольно образованный и не глупый, имѣетъ отъ роду лѣтъ 40).

«Здоровая, крѣпкая женщина, выше средняго роста, шатенка. Характеръ законченный, сильный, ровный. Умна и энергична. Мало женственности; нѣтъ ни кокетства, ни другихъ исключительно женскихъ чертъ характера, при наличности мужской энергіи и сильнаго ума».

Интересно, что этотъ человѣкъ опредѣляетъ характеры, не зная человѣка, руководствуясь только однимъ почеркомъ. Судить, вѣрно ли опредѣленіе моего характера или нѣтъ, я сама, конечно, не могу, но характеры другихъ можно судить, и провѣрять всѣ опредѣленія.

Августъ, 1889.

Путешествіе по военно-грузинской дорогѣ.

Какъ ничтоженъ кажется человѣкъ, рядомъ съ грандіозными картинами природы!

Сколько красоты въ природѣ!

Эта красота пробуждаетъ человѣка, заставляетъ его очнуться отъ мелочной житейской суеты, отъ обыденной пошлости, которыя засасываютъ его, какъ въ тинѣ; онъ углубляется въ самого себя и отрѣшается, хотя на время, отъ безплодныхъ и безпрерывныхъ мученій, выпавшихъ на его долю.

Человѣкъ, неудовлетворенный жизнью, неудачникъ, обиженный, за-

давленный человѣконенавистничествомъ, людскою злобою, ненавистью, завистью, ищетъ въ природѣ духовнаго удовлетворенія.

Въ лѣта юности, въ лѣта свѣтлыхъ надеждъ, душа человѣка была, какъ цвѣтокъ, который обѣщалъ распуститься пышнымъ цвѣтомъ. Прошли годы и надежды смѣнились отчаяніемъ. Цвѣтокъ засохъ, не распустившись: осталась только чахлая зелень. Пропала юность, пропали и надежды на свѣтлое будущее для себя и для другихъ.

Плыветъ человѣкъ въ волнахъ житейскаго моря, утомленный и обезсиленный отъ борьбы съ волнами. Напрасно ищетъ онъ спасенія: кругомъ пусто. Волны яростно бушуютъ и кидаютъ его изъ стороны въ сторону: то выплыветъ онъ на поверхность и видитъ, помутившимися глазами, свѣтъ; у него мелькаетъ надежда на спасеніе и, вдругъ, снова, волна поглощаетъ его, и такъ безъ конца, пока не погрузится онъ навѣки въ пучину морскую.

Наболѣвшая душа неудачника жаждетъ только забвенія, покоя, утѣшенія и обновленія. Забвеніе и покой охватываютъ его, коль скоро онъ остается одинъ съ природой и ея чудодѣйственной силою; одна минута нравственнаго отдыха можетъ успокоить его. Безсознательно простираетъ онъ руки къ всесильной природѣ, умоляя дать ему силы на новую борьбу или вѣчный покой.

Жизнь—борьба! Борьба тяжелая! Человѣкъ это знаетъ, но силы его истощаются, организмъ слабѣетъ отъ непосильной, безысходной и безполезной борьбы. Смерть представляется ему желаннымъ и единственнымъ исходомъ земныхъ страданій и сомнѣній; исходомъ мучительной борьбы со зломъ и съ своей совѣстью.

Людскія отношенія сжимаютъ его, какъ оковы, и онъ бѣжитъ отъ людей, отъ ихъ пошлости, глупости, злобы, отъ духа наживы, который царитъ между ними, а душа рвется, ищетъ сочувствія, братской любви, теплаго искренняго слова, дружеской ласки.

Вѣчное одиночество гнететъ человѣка, душитъ его, и онъ мечется, не зная куда преклонить голову отъ житейскихъ бурь, которыя крутятъ его въ своемъ вѣчномъ вихрѣ. Природа-же призываетъ къ себѣ человѣка, широко открывая свои объятія каждому, кто способенъ увлекаться ею.

При выѣздѣ изъ Владикавказа по Военно-грузинской дорогѣ, вдали видны горы, которыя разстилаются сплошной стѣною. По мѣрѣ приближенія, горы растутъ, какъ гиганты, возвышаясь одна надъ другою въ различныхъ формахъ.

Между горами извивается Терекъ, раздѣляясь на рукава и образуя острова, покрытые камнями; кой-гдѣ на островахъ растутъ небольшія деревья, между которыми зеленѣетъ травка, перемѣшиваясь съ камнями.

Рукава Терека бѣгутъ то тихо, какъ-бы задумчиво, то шумно несутся, переливаясь на большихъ камняхъ, бѣлой пѣной покрывая и обнажая ихъ сѣрыя верхушки.

Дорога между скалами тянется извилинами, примыкая мѣстами къ берегамъ Терека.

Нѣкоторыя скалы представляются грозными, неприступными крѣпостями, сложенными изъ одного громаднаго камня, съ остроконечными верхушками; на другихъ возвышаются, въ полукругѣ, сосны, въ видѣ небольшихъ кустовъ; иныя грозно выступаютъ впередъ съ нависшими камнями. Камни висятъ надъ головами проѣзжихъ, угрожая сорваться и задавить ихъ.

Вдали—рядъ скалъ, покрытыхъ облаками, которыя плавно и красиво, въ причудливыхъ образахъ, опускаются съ вершинъ. Темный фонъ другихъ скалъ рѣзко выдѣляетъ облака, которыя, обнаживъ вершины, остановились на склонѣ горъ, покинутыя своими товарищами.

Цвѣтъ скалъ мѣняется сообразно солнечному освѣщенію, которое, заливая ихъ своимъ свѣтомъ съ разныхъ сторонъ, придаетъ имъ всевозможные оттѣнки: однѣ кажутся темно-синими и сѣрыми, сотканными словно изъ воздуха; другія черными, розовато-сѣрыми; скалы, покрытыя кустарниками и мелкимъ лѣскомъ—темно и ярко-зелеными.

Впереди гордо возвышается Казбекъ, сѣдая голова котораго высоко поднялась надъ всѣми скалами, а надъ нимъ виситъ бѣлое облако, сливаясь со снѣгомъ и образуя точно дымъ, выходящій изъ горы.

Въ Дарьяльскомъ ущельѣ скалы сдвигаются ближе, являясь все неприступнѣе и мрачнѣе, нагромождаясь одна на другую.

Кругомъ нѣтъ ни травы, ни деревьевъ: вездѣ голые камни.

Въ ущелье врывается Терекъ и стремительно несется и рвется съ оглушительнымъ шумомъ и свистомъ, какъ будто онъ ищетъ простора, желая сдвинуть съ мѣста камни, которые стоятъ и лежатъ на днѣ рѣки, какъ прикованные. Бѣлая пѣна разсыпается во всѣ стороны: одинъ валъ встрѣчается съ другимъ, образуя водопадъ, брызги котораго поднимаются высоко надъ рѣкою.

По склону скалъ бѣгутъ ручьи, сливаясь съ Терекомъ, мѣстами стремятся въ Терекъ рѣчки, которыя шумно несутся къ нему своими серебристыми чистыми волнами, рѣзко отдѣляясь отъ него по цвѣту.

Шумитъ сѣрый, грязный Терекъ и клокочетъ съ бѣшенствомъ, очищая себѣ путь между скалами, кидаясь то направо, то налѣво, а скалы стоятъ неподвижно, какъ стражи вѣковые, мрачны и суровы, не внимая его сердитому реву.

За Дарьяльскимъ ущельемъ скалы, какъ будто, отступаютъ назадъ и равнина между ними постепенно расширяется.

Терекъ течетъ здѣсь тихо и незамѣтно, словно сберегая свои силы для борьбы со скалами въ Дарьяльскомъ ущельѣ.

По скаламъ лѣпится дорога на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

На склонахъ горъ разсыпаны мелкіе и крупные камни разныхъ формъ и величинъ, которые, временами, сыпятся сверху, загромождая дорогу.

Мѣстами, въ скалахъ, на красно-темномъ и сѣро-зеленоватомъ фонѣ бьютъ серебристые водопады, представляясь, снизу, въ видѣ комка снѣга, а подъ скалами видны аулы, которые сливаются вмѣстѣ съ сѣрыми камнями скалъ. Сложенные изъ дикаго камня, съ плоскими крышами и сторожевыми башнями, аулы мрачны и неприступны.

Мрачныя жилища людей соотвѣтствуютъ мрачной природѣ.

На вершинахъ нѣкоторыхъ горъ, скудно покрытыхъ травою, пасутся стада барановъ, представляясь движущимися точками, или работаютъ люди, скашивая траву и убирая сѣно.

Вездѣ такъ мрачно и уныло!

Изрѣдка встрѣчаются арбы съ кладью, съ угрюмыми возницами, задумчиво идущими около нихъ. При встрѣчѣ экипажей по дорогѣ, возницы-осетины или грузины послушно и безмолвно отстраняютъ арбы направо или налѣво, при первомъ окрикѣ ямщиковъ. По крутизнамъ горъ смѣло и отважно спускаются горцы, цѣпляясь за камни, внизъ къ Тереку, за водою или на ближайшую мельницу, куда направляютъ свой путь и женщины съ тяжелыми мѣшками на плечахъ, сгибаясь подъ тяжестью ноши. Скользя по тропинкѣ по прямому склону горы и сбивая камни подъ ногами, которые разсыпаются съ глухимъ шумомъ, смѣло идетъ грузинка съ своею ношею внизъ. Другая, съ такимъ-же мѣшкомъ или съ кувшиномъ воды, поднимается на вершину въ аулъ къ своему властелину.

По дорогѣ за экипажами бѣгутъ оборванные, чуть не нагіе, маленькіе горцы; выпрашивая съ танцами и крикомъ милостыню у проѣзжихъ, нѣкоторые предлагаютъ горный хрусталь или мѣдную руду; другіе полощатся у Терека, который здѣсь снова зловѣще бурлитъ, кипитъ, разбрасывая свои волны по берегамъ и ударяясь о нихъ. Но глухой шумъ его сдержанъ и не грозенъ.

Мѣрно и однообразно поетъ Терекъ свою вѣчную пѣснь: то сдержанно ворчливо, то съ грозной яростью несется эта пѣсня изъ вѣка въ вѣкъ. Чего, чего не слышится только въ вѣчной пѣснѣ Терека!

Казбекъ гордо смотритъ на вѣчно шумящій и волнующійся Терекъ у своего подножья.

На близкомъ разстояніи Казбекъ еще величественнѣе, чѣмъ вдали. Снѣговая шапка его вершины блеститъ на солнцѣ, отливаясь радужны-

ми цвѣтами. Рѣзко выдѣляются и товарищи Казбека въ бѣлыхъ папахахъ на темно-синемъ и прозрачномъ небѣ, находясь подъ охраною своего владыки.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Казбека Терекъ скрывается, оставаясь въ сторонѣ отъ дороги, а взамѣнъ его бѣгутъ другія рѣки, то скрываясь, то снова показываясь, до Крестовскаго перевала, за которымъ появляется Арагва.

Дорога къ Крестовому перевалу тянется въ гору, разстилаясь красивой лентой по горамъ. Передъ глазами широко открывается горизонтъ. Воздухъ свѣжій и чистый. На вершинахъ горъ лежитъ снѣгъ, струясь по склонамъ горъ бѣлыми змѣйками. Въ расщелинахъ снѣгомъ покрыты долины, а подъ снѣгомъ шумятъ ручьи и рѣчки, прорывая въ снѣгу, силою воды, пещеры.

Въ иныхъ мѣстахъ скалы просѣчены желтовато-розовыми жилами: признакъ присутствія въ нихъ желѣза; на одной изъ такихъ скалъ, по розовому склону бѣжитъ съ кручи Нарзанъ, искрясь и пѣнясь на солнцѣ.

Отъ Крестоваго перевала дорога спускается надъ крутымъ обрывомъ, извиваясь террасами съ крутыми поворотами.

Ближе къ Кайшаурскому ущелью картина мѣняется: тамъ, на Крестовомъ перевалѣ, въ горахъ снѣгъ и вѣчные льды; здѣсь проявляется жизнь: природа смягчается. Кругомъ видна зелень, кустарники, деревья, орѣшники, цвѣты; въ долинѣ разбросаны нивы съ засѣянной или сжатой пшеницей.

Въ глубинѣ ущелья мирно течетъ Арагва.

По спуску въ Кайшаурскую долину, на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ, образовалась лѣсистая горная выемка, по которой стремительно несется сверху сильной струей ручей, изливаясь естественнымъ фонтаномъ на дорогу, а рядомъ, изъ этой-же воды сдѣланъ искусственный фонтанъ.

Лошади бѣгутъ по спуску подъ гору съ неимовѣрной быстротою; экипажи качаются изъ стороны въ сторону; все ближе и ближе къ Кайшаурской долинѣ и, наконецъ, путешественники перенесены въ другой міръ.

Кайшаурская долина навѣваетъ на душу тишину и спокойствіе. Здѣсь все живетъ, все дышетъ: листья шепчутъ, словно говорятъ между собою съ человѣкомъ, который проникается природою. Могущество природы обновляетъ человѣка, вызывая въ немъ надежды и радужныя мечты на свѣтлое будущее. Онъ слышитъ нѣжный, ласковый шепотъ утѣшенія:

«Забудь зло, причиненное тебѣ людьми, и ищи горькихъ, несча-

стныхъ, обремененныхъ непосильными трудами, заботами, нуждою, забитыхъ, униженныхъ людьми, измученныхъ и обездоленныхъ. Трудись для нихъ и вмѣстѣ съ ними. Утѣшь ихъ словомъ, лаской, сочувствіемъ; протяни имъ руку въ скорбную минуту; поплачь съ ними; порадуйся ихъ радости и жизнь твоя не будетъ тебѣ въ тягость. Крѣпись, живи и люби людей и этимъ чувствомъ наполни духъ свой: въ немъ есть сила и смыслъ жизни».

Этотъ шепотъ, который выражается въ тихомъ вѣтрѣ, въ шелестѣ листьевъ, въ глухомъ шумѣ серебристой Арагвы, облегчаетъ душу человѣка.

Обновляясь духомъ подъ вліяніемъ природы, человѣкъ чувствуетъ новый приливъ энергіи: онъ снова стремится жить, бороться и исполнить призывъ природы; у него является невольное желаніе сказать всему міру словами Христа: «*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*».

14 августа.

Не писала все лѣто, находясь въ состояніи какого-то полусна, если можно такъ выразиться: не хотѣлось ни думать, ни работать, ни читать, ни писать. Появилась реакція, и организмъ потребовалъ отдыха и нравственнаго и физическаго. За лѣто появилось много новыхъ знакомствъ, я болтала, смѣялась, шутила, набираясь, какъ бы силъ на новыя мученія...

28 августа.

Торговка яблоками.

Гуляя разъ по бульвару по шоссе, близъ Яра, я увидѣла женщину, сидящую на лавкѣ; около нея стояло большое лукошко, наполненное грибами, и корзина. Я подошла къ ней и спросила, продаетъ-ли она грибы. Женщина отвѣтила утвердительно. Спросивъ цѣну, мы согласились съ ней, и грибы были куплены. Но тутъ вопросъ осложнился. Дѣло было въ томъ, что появилось затрудненіе: мы не знали, какъ донести грибы до дома, который находится въ $1^1/_2$ верст. Женщина взялась сама донести грибы, но съ условіемъ прибавки. Я, конечно, согласилась. Дорогой она разсказала мнѣ свою несложную біографію. Мужъ ея солдатъ. Служилъ въ Севастопольскую кампанію, а она всю жизнь, чуть не полвѣка, находилась въ услуженіи. «Семь лѣтъ тому назадъ мужъ умеръ; съ тѣхъ поръ я уже по людямъ не хожу. Не хочу людей обманывать: стара, на услугу не гожусь»,—говорила женщина. Я взглянула на нее и нашла, что она моложава, несмотря на свои 62 года. На мой вопросъ, чѣмъ она занимается, старушка сказала: «торгую яблоками и под-

солнухами зимою, а теперь вотъ грибы пошли, и я пошла сегодня въ лѣсъ. Встала въ 3 часа, напилась на фатерѣ чайку, да и пошла. Ужъ дождикъ полосовалъ, полосовалъ меня».—Далеко-ли ты ходила?—«Да верстъ, посчитай, 20 будетъ. Гляди, теперь часовъ семь есть». Солнце уже заходило; со стороны Всесвятской рощи подымался туманъ послѣ дождя, и въ воздухѣ было холодно. Старушка шла тихо, разсказывая мнѣ мѣрнымъ однообразнымъ тономъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. «Есть у меня парнишка, въ булочной живетъ; бѣлые хлѣбы дѣлаетъ; семь рублей жалованья получаетъ, а рубликъ въ мѣсяцъ мнѣ принесетъ. Слава Богу, что еще не женатъ, а то бы бѣда моя! Какой ни-на-есть рубль, а онъ все несетъ и несетъ, мать не забываетъ. Ему 27-й годокъ ужъ пошелъ. Авось не женится. Говоритъ, что и охоты нѣтъ. Да что же жениться? Нищихъ добавлять. Гдѣ ужъ нонѣ жениться! Вотъ работаемъ мы, работаемъ, а все нѣтъ у насъ ничего!» — Чѣмъ же ты живешь? Яблоками и грибами не прокормишься,—снова перебила я ее. «Богъ милостивъ,—возразила старушка,—копѣечку на хлѣбъ все добуду. Гдѣ и на яблокахъ заработаю. Вотъ, намеднись, около трактира сѣла и поторговала. Да ужъ очень нонѣ торговцевъ много; вонъ возы все съ яблоками ѣздятъ. Кто-жъ въ лукошко-то ко мнѣ полѣзетъ; все норовятъ въ возъ, да въ возъ: кто осьмушку, кто четверку, а кто и полмѣры купитъ. Около трактира все лучше. Вотъ, теперь грибы пошли. Я ужъ второй разъ хожу за грибами. Живу я на валу, около Бутырской заставы, въ церковномъ домѣ. За квартиру полтора рубля плачу. Живи, не живи, а все кажиный день пятачекъ заплати. Да все лучше; свой уголъ есть. Умаешься, умаешься, вотъ такъ-то вотъ ходишь, а придешь домой и ляжешь. Буду теперь дня два отдыхать: никто-то меня не побезпокоитъ, а поди-ка, на мѣстахъ-то, старому-то человѣку, куда тяжело! Вотъ завтра праздникъ Ивановъ-день; пойду помолюсь въ Ивановъ монастырь. Я недавно къ Сергію преподобному ходила: голова все болитъ».

Когда мы подошли къ дому, старушка получила деньги и, видимо была довольна, что ей завтра не придется итти съ грибами на рынокъ. «Слава Богу,—говорила она,—Господь послалъ продать грибы. Завтра пойду къ обѣднѣ». У насъ на дворѣ старушкѣ дали бѣлаго хлѣба, она очень обрадовалась и тотчасъ-же начала его ѣсть, говоря, что очень хочетъ ѣсть, такъ какъ хлѣбъ, какой взяла съ собою, съѣла еще въ полдень.

Весь разсказъ старушки дышалъ такой покорностью, терпѣніемъ и спокойствіемъ, что нужно было удивляться на нее. Словно такъ и должно ей жить. «И то хорошо, нѣсколько разъ повторяла она, что уголъ есть свой собственный!» Съ какимъ удовольствіемъ разсказыва-

ла она, что будетъ отдыхать два дня, и никто не побезпокоитъ ее въ этомъ углу! Какое необыкновенное умѣніе приспособляться къ обстоятельствамъ и находить и въ такой тяжелой жизни радости и утѣшаться ими. Должно быть старушкѣ лихо пришлось жить по чужимъ мѣстамъ, если она и настоящее свое положеніе находитъ сноснымъ.

28-го августа.

Торговецъ фруктовыми водами, табакомъ и папиросами.

Не такъ давно по шоссе, за Тверской заставой, появились на бульварѣ будки, гдѣ продаютъ воды, квасъ, табакъ, папиросы, спички. Къ одной изъ такихъ будокъ я подошла спросить воды фруктовой, узнавъ сначала, могу-ли я размѣнять 5 рублей. Въ лавкѣ стоялъ мальчикъ лѣтъ 14-ти; около него сидѣлъ какой-то парень и будочникъ. На мой вопросъ мальчикъ отвѣтилъ, что онъ деньги размѣнять не можетъ. Я посовѣтовала ему пойти куда-нибудь размѣнять эти 5 рублей; на это онъ мнѣ отвѣтилъ, что лавки не оставитъ. «Будочникъ можетъ постеречь твое добро, продолжала я, да я, наконецъ, сяду здѣсь около твоей лавки».—«Вотъ еще, довѣрю я вамъ мою лавку!» Будочникъ засмѣялся и сталъ искать въ своемъ портмонэ денегъ, думая размѣнять мою бумажку, но у него не оказалось столько, сколько было нужно. Я сѣла на ближайшую скамейку около лавки, дожидаясь какого-нибудь случая размѣнять деньги. Въ это время я нашла у себя въ карманѣ 8 коп., сказавъ, что у меня есть мелочь, но мало. «Сколько у васъ?»—спросилъ мальчикъ, довольно дерзко. Я сказала. «Вода стоитъ 12 коп.». Послѣ этого, я сидѣла болѣе получаса, пока не увидѣла разносчика съ фруктами, у котораго и размѣняла деньги. Мальчикъ, за все это время, оставшись одинъ, что-то чертилъ, напѣвая какую-то пѣсню, дерзко поглядывая по временамъ на меня. Я подивилась такой стойкости. Девизъ «нажить» сидитъ въ немъ крѣпко. Вода съ заводовъ продается по 4—5 коп. бутылка, а у меня было 8 коп., слѣдовательно, 3—4 коп. барыша казались ему недостаточными, а остальныя 4 коп., которыя, по его мнѣнію, я могла не принести, онъ не хотѣлъ потерять. Будущій кулакъ! Да онъ немного и зналъ меня, такъ какъ я не разъ пила въ его будкѣ воду. Въ такомъ ребенкѣ и такая недовѣрчивость! Кулачество, купля и продажа въѣлись въ его плоть и кровь. Будочникъ, человѣкъ уже не молодой, и тотъ смѣялся надъ нимъ, стараясь въ то-же время уладить затрудненіе въ размѣнѣ денегъ, но онъ и бровью не моргнулъ.

23 декабря.

Душа моя полна скорби и невообразимыхъ мукъ, и я теряю голову. Все окружающее, всѣ факты, обстоятельства, разныя осложненія—

все складывается къ тому, чтобы я страдала за себя и за другихъ. Можетъ быть, «такъ надо», какъ говорилъ Пьеръ въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого. По всей вѣроятности, это такъ. Припомнишь, иногда, всю свою жизнь и станетъ не то смѣшно, не то грустно. Смѣшно на себя, на свою необычайную выносливость, покорность, а грустно потому, что вся жизнь прошла безъ смысла, безъ пользы, безъ радости, безъ любви, безъ счастья. Неужели-же это «такъ надо»?..

1890.

9 августа.

Снова возобновился мой дневникъ, писать который необходимо по многимъ причинамъ. Прежде всего слѣдуетъ писать потому, что написавъ нѣсколько страницъ, будешь чувствовать нѣкоторое облегченіе отъ душевныхъ мукъ, а ихъ такъ много, что и разобраться въ нихъ мудрено.

Сегодня встала рано и съ утра чувствовала себя разбитой: дыханіе было очень тяжело. По всей вѣроятности, передъ грозой, которыхъ выпало на сегодня три; въ особенности была хороша вечерняя гроза. Молнія освѣщала югъ и западъ; предварительно свѣтъ показывался вдали, а потомъ ближе и ближе; наконецъ, раздался громъ и пошелъ дождикъ; въ воздухѣ почувствовалась прохлада, и мнѣ стало легче. Сейчасъ 10 часовъ вечера; всѣ разошлись, а я сѣла писать дневникъ и пишу, но лѣниво. Слишкомъ много говорила сегодня: облегчила свою душу и писать не могу! Какъ давно-бы слѣдовало взять на себя терпѣніе и писать ежедневно. Давно я думала объ этомъ и всегда опасалась, что дневникъ мой выйдетъ однообразенъ и даже мало вѣроятенъ. Трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ былъ-бы такъ выносливъ, какъ я и многіе мнѣ подобные люди. Часто думаешь, откуда такая выносливость появилась у меня? Мнѣ кажется, мои плечи потому не гнутся отъ тягости, выпавшей на мою долю, что я очень общительна. Выскажешься, и вздохнешь легче. Иначе я бы не вынесла и давно бы подхватила какую-нибудь болѣзнь. А если видишь, что не понимаютъ, то замолчи или засмѣйся надъ собою, чѣмъ отрѣжешь путь смѣяться другимъ. Описывать прожитый день сегодня не хочется: утомлена, нѣтъ силъ.

1892.

Октябрь.

Рѣчь Вирхова о стремленіи къ знанію и о любознательности въ дѣтяхъ.

3-го октября 1892 г. Вирховъ прочелъ рѣчь въ берлинскомъ университетѣ объ ученіи и изслѣдованіи. Говоря о молодежи, онъ коснулся

и дѣтей. «Мы родимся уже съ стремленіемъ къ знанію,—восклицаетъ ораторъ,—посмотрите на дѣтей, какъ жадно они слушаютъ новое, какъ постепенно въ нихъ возникаетъ потребность познать причинную связь, что въ маломъ выражаетъ содержаніе всѣхъ наукъ. А развѣ старикъ, пока еще здоровы его органы, не стремится еще къ знанію, развѣ мы не радуемся, когда намъ въ наши старые годы удается познать еще одинъ уголокъ природы, еще одинъ здоровый плодъ человѣческаго ума?» Тѣмъ изумительнѣе и прискорбнѣе, по мнѣнію Вирхова, что среди молодежи замѣчается несомнѣнный упадокъ любознательности; ему и его товарищамъ неоднократно приходится констатировать, что уровень знанія падаетъ, что интересъ къ наукѣ, который для всякаго успѣха знанія дороже положительныхъ свѣдѣній, не подымается, а сокращается.

Причины такого ненормальнаго явленія ораторъ видитъ въ условіяхъ воспитанія дѣтей и въ неправильной постановкѣ средняго образованія. Въ дѣтяхъ мало развиваютъ природный инстинктъ, и любознательность замѣняется любопытствомъ. Народная школа только недавно перешла къ наглядному обученію, которое на этой степени воспитанія должно быть главнымъ содержаніемъ въ школѣ и семьѣ *(«Рус. Вѣд.», № 277)*.

Почему не можетъ развиться любознательность у дѣтей, которая обращается въ любопытство? Причина ясна. Родители и окружающіе наставники, наставницы слишкомъ мало свѣдущи! Ребенокъ обращается съ вопросомъ къ старшему, а тотъ и самъ не знаетъ, о чемъ его спрашиваютъ. Чтобы не потерять авторитета, старшій гордо заявляетъ, что ребенокъ говоритъ глупости, что онъ долженъ интересоваться и заниматься игрушками, книгами, уроками. Лѣтъ 50 назадъ такіе отвѣты были заурядным явленіемъ въ обществѣ. Да и въ настоящее время все то-же, за рѣдкимъ исключеніемъ. Почему это происходитъ? Отъ недостатка образованія и развитія главнымъ образомъ матерей, которыя могли бы при надлежащемъ образованіи и выбирать лучшихъ руководителей для своихъ дѣтей. Многія матери полагаютъ, что образованіе и развитіе ограничивается окончаніемъ курса въ женскомъ среднеучебномъ заведеніи. Въ этомъ-то и заключается вредная ошибка. Образованіе, пріобрѣтенное женщинами въ институтахъ, гимназіяхъ, есть только дальнѣйшій путь къ развитію. Это — почва, на которой сѣются сѣмена знанія. Это— канва, на которой вышиваются узоры. Среднее образованіе создаетъ лишь фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи воздвигается зданіе. Къ сожалѣнію, эта истина сознается не многими. Дѣвушка, окончившая курсъ въ гимназіи, считается вполнѣ образованной, по мнѣнію ея родителей и общества, за исключеніемъ меньшинства. Результаты такого ложнаго пониманія о законченности образованія получаются въ скоромъ

времени. Черезъ годъ или два поверхностныя знанія, историческіе факты, математическія правила и проч. отрывочныя свѣдѣнія улетучиваются изъ памяти, оставляя лишь смутное воспоминаніе именъ королей, полководцевъ, городовъ, рѣкъ, геометрическихъ фигуръ и т. д.

При такихъ условіяхъ, при такомъ знаніи, чему можетъ научиться дитя отъ матери, какъ разовьется его любознательность? Тѣмъ болѣе, что ребенокъ въ семьѣ только и слышитъ сплетни, пересуды, а иногда присутствуетъ и при родительскихъ несогласіяхъ и раздорахъ. Этотъ семейный центръ жизненныхъ мелочей, дрязгъ привлекаетъ и ребенка, который начинаетъ увлекаться всѣмъ этимъ, и въ концѣ-концовъ любопытство обращается, преимущественно, лишь въ сторону житейской грязи.

Вирховъ говоритъ, что стремленіе къ знанію уменьшается въ молодежи. Совершенно вѣрно. Зато развивается стремленіе къ наслажденіямъ, къ прожиганію жизни.

1893.

«Русскія Вѣдомости», 1893 г., № 6-й. Циркуляръ г.г. начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній. «Постановка дурныхъ отмѣтокъ безъ разбора дѣйствуетъ вредно на учениковъ и имѣетъ иногда неблагопріятныя послѣдствія для учителей. Она отбиваетъ охоту учиться, поселяетъ недовольство противъ учителя и апатію къ предмету. Безъ любви же къ труду и безъ любознательности ученика нельзя добиться никакихъ порядочныхъ результатовъ. А то и другое пробуждается и дѣйствуетъ въ ученикѣ преимущественно при помощи учителя. Многочисленныя неудовлетворительныя отмѣтки обыкновенно показываютъ, что учитель не умѣетъ вести дѣло преподаванія избраннаго имъ предмета. Отъ учителя зависитъ дисциплина, и вниманіе, и прилежаніе и, наконецъ, успѣхи учениковъ. Слѣдовательно, умѣющій вести свое дѣло, учитель всегда сумѣетъ найти надлежащія воспитательныя средства къ поднятію уровня успѣшности своихъ учениковъ, не прибѣгая, безъ всякой надобности, къ двойкамъ и единицамъ. Двойки и единицы ни въ какомъ случаѣ не должны быть вносимы въ журналъ десятками,—онѣ вообще могутъ быть употребляемы въ рѣдкихъ и единичныхъ случаяхъ. Чѣмъ рѣже будутъ ставиться единицы и двойки, тѣмъ большее значеніе онѣ будутъ имѣть въ глазахъ учениковъ. Ставить безъ разбора, чуть не цѣлому классу, двойки и единицы—противно самымъ элементарнымъ требованіямъ педагогики».

Этотъ циркуляръ представляетъ яркую характеристику современныхъ учителей и ихъ отношеніе къ ученикамъ. Побѣдители и побѣжденные. Сильные и слабые. Первые гнетутъ послѣднихъ, глумятся, ловятъ,

злорадствуютъ. Это—руководители юношества! Формализмъ и чиновничество. Ученики—продуктъ канцеляріи, гдѣ чиновникъ, исполняя механически изъ года въ годъ извѣстную работу, получаетъ извѣстное жалованье, обезпечивающее его существованіе и его семью. Не работать—*не* жить, а работа скучна, надоѣдлива, безъ любви къ малышамъ въ частности и къ человѣку вообще. И такъ изъ года въ годъ эти чиновники портятъ и развращаютъ дѣтей, которыя будутъ когда нибудь и взрослыми.

7 февраля.

Вѣчное недовольство собою и вѣчное одиночество—вотъ мой удѣлъ. Люди смѣняются передъ моими глазами, одни за другими; есть хорошіе, есть и дурные, а я какъ-то въ сторонкѣ стою отъ всѣхъ. Все не то, не то, чего жаждетъ, чего ищетъ моя душа. Я, какъ Таня Раевская, героиня Софіи Ковалевской, въ которой она хотѣла изобразить себя, стою «съ протянутыми впередъ пустыми руками и съ умоляющимъ взглядомъ большихъ раскрытыхъ глазъ». Таня Раевская ждала, чтобы ей дружественная рука дала апельсинъ, и я ждала всю жизнь этого апельсина и, сейчасъ, все жду. Поздно, жизнь прошла...

17 марта.

Гейне написалъ въ 1828 году слѣдующія строки:

«Только больной становится человѣкомъ. Члены его разсказываютъ цѣлую исторію страданій. Страданія одухотворяютъ. Я полагаю, что путемъ страданія животное можетъ возвыситься до человѣка». А я была больна съ 18-ти лѣтъ и до 30-ти, съ небольшими перерывами и всевозможными варіаціями.

18 апрѣля.

Курьезный фактъ: 17-го апрѣля явился на мою дачу околоточный съ приказаніемъ обязать домовладѣлицу купить 20 новыхъ флаговъ и развѣшать ихъ по забору на шоссе. Когда дворникъ пришелъ въ ужасъ отъ такого количества флаговъ, то околоточный надзиратель затопалъ ногами и приказалъ обязательно исполнить его приказаніе.

12 мая.

Сегодня ждутъ Государя въ Москву. Первопрестольная украшается арками, цвѣтами и флагами. Дома красятся и поновляются съ внѣшней стороны. Краска, поновленіе домовъ, арки, цвѣты, флаги и украшенія города истекаютъ изъ двухъ мотивовъ: по принужденію и по тщеславію. Для принужденія существуетъ полиція, которая болѣе чѣмъ за мѣсяцъ бѣгаетъ по домамъ, приказываетъ, указываетъ и принуждаетъ. Околоточные ходятъ по дворамъ, осматриваютъ флаги, щупаютъ ихъ проч-

ность, оцѣниваютъ цвѣтъ, добротность, назначаютъ количество флаговъ, а въ случаѣ возраженія свирѣпо смотрятъ на дворниковъ, которые отъ страха готовы сами повиснуть на палкѣ, взамѣнъ флага, «только не кричи, ваше благородіе». По всѣмъ главнымъ улицамъ выбѣлили всѣ дома и покрасили трубы. Съ одной стороны хорошо, что побѣлили, почистили городъ, а съ другой вездѣ и всюду все принужденіе и принужденіе. Тщеславіе, ради котораго нѣкоторые украшаютъ дома, относится къ богатымъ и сильнымъ, которые желаютъ получить или чинъ или благоволеніе Государя. Въ Москвѣ новый голова Рукавишниковъ. Надо показать себя, надо понравиться высшимъ міра сего. Всѣ измучились, всѣ съ ногъ сбились въ хлопотахъ. Недѣли за три до пріѣзда Государя полиція и кто-то въ военныхъ мундирахъ ходили по домамъ и осматривали чердаки, выходящіе на улицу. Нашъ домъ выходитъ на Волхонку. Этотъ домъ выстроенъ, какъ говорили въ старину, съ мезониномъ на дворъ и на улицу. Какъ то въ одинъ изъ прекрасныхъ дней видимъ мы, что на нашемъ дворѣ стоятъ 8 человѣкъ военныхъ и сердито указываютъ на три окна, выходящіе на дворъ изъ мезонина. Я въ это время была очень больна бронхитомъ: жаръ, кашель и проч., опасались воспаленія въ легкомъ. Вдругъ, слышимъ звонокъ. Лакей отворилъ дверь, и всѣ эти господа пошли на верхъ осматривать эти окна, которые имъ показались очень подозрительными. Ихъ встрѣтили, повели показать имъ комнаты. Очень интересно, посторонніе люди врываются въ чужую квартиру и идутъ осматривать чердаки и комнаты, которые кажутся имъ подозрительными. Они знаютъ, кто живетъ въ домѣ, какая семья, все, конечно, въ участкѣ извѣстно, но это не спасаетъ отъ насилія. Чердаки на улицу велѣно заколотить досками или вставить стекла. Вошли эти люди къ намъ шумно, нахально и дерзко. Интересно встрѣтила ихъ М. Ив. «О, господа, какъ Васъ тутъ много!» Олѣ они сказали, что нужно въ предупрежденіе пожаровъ удалить хламъ съ чердаковъ. Неловко дѣвочкѣ сказать, что мы ищемъ злоумышленниковъ въ вашемъ домѣ противъ Государя. Она бы вытаращила глаза отъ удивленія. Увидѣвъ, что у насъ нигдѣ ничего опаснаго нѣтъ, эти господа ушли. Въ 1891 г., когда Государь пріѣзжалъ въ Москву, эти осмотры производились, когда мы были уже на дачѣ; эти господа обошли всѣ комнаты и, по уходѣ, строго приказали во время проѣзда Государя оконъ не отворять. На этотъ разъ ничего не было сказано, такъ какъ мы жили еще на Волхонкѣ. Быть можетъ, было распоряженіе тайное дворникамъ. Что же касается главныхъ улицъ, то тамъ уже отданъ приказъ, чтобы во время проѣзда Государя окошекъ не отворять, на балконъ не выходить и на крыши не лазить.

Продолжаю. Напротивъ насъ на волхонкѣ находится домъ Воейковой, гдѣ по крышѣ сдѣланъ каменный обводъ съ круглыми украше-

ніями. Эти круглыя окна приказано задѣлать стеклами или досками. Недавно, кошка гуляла по этому обводу и подойдя къ круглому отверстію долго удивленно смотрѣла на баррикаду, которая ей воспрепятствовала прыгнуть на самую крышу. Понуря головку, пошла кошка дальше по краю крыши около каменнаго обвода.

Иллюминацію готовятъ въ Москвѣ опять въ большинствѣ по принужденію поліціи, которая ходитъ по домамъ и приказываетъ радоваться, что Государь пріѣхалъ и показывать эту радость вещественными доказательствами въ видѣ флаговъ и иллюминаціи. Говорятъ, что главныя празднества будутъ по случаю 10-ти-лѣтія коронаціи. По всей курской дорогѣ отъ Крыма до Москвы осматриваютъ шпалы, рельсы, рѣчки, пруды. На всемъ протяженіи пути стоитъ войско, нѣсколько полковъ, которые разбиты по одному солдату по обѣимъ сторонамъ полотна на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ служащіе на желѣзной дорогѣ, которые должны присутствовать во время проѣзда Государя, описываются съ внѣшней и внутренней сторонъ. Формулярный списокъ, біографіи, всѣ примѣты наружныя—все нужно и необходимо для безопасности...

1 августа.

Отрывокъ изъ стихотворенія Джакомо Леопарди.

«Благороденъ лишь тотъ, кто безъ страха
На печальный нашъ жребій взираетъ;
Кто, отъ горькой не бѣгая правды,
Сознаетъ, что страдать—нашъ удѣлъ,
И что всѣ мы ничтожны и слабы;
Кто въ страданьяхъ душою великъ;
Кто къ несчастьямъ своимъ не прибавитъ
Озлобленія противъ людей».

1-е августа.

Читаю «Дневникъ» профессора и цензора Никитенко, гдѣ описывается время съ 1825 г. по 1877 гг. Въ общемъ отъ этого чтенія получается горькое чувство.

Благихъ пожеланій на пользу отечества много, но, при малѣйшемъ броженіи общества, является трусость и отступаніе назадъ. То посыпятся хорошія слова—гуманность, свобода, освобожденіе рабовъ, и слова облекаются въ дѣйствія; однимъ словомъ, все идетъ прекрасно. То вдругъ все измѣнилось, какъ въ калейдоскопѣ, появились мрачныя тѣни отъ стеклышекъ, и картина другая. Зачѣмъ свобода слова? она не нужна! Запереть мысль въ ящикъ и дать ключъ отъ него одному лицу, который распоряжается по усмотрѣнію. И заперта мысль. Но вопросъ въ томъ, можно ли эту, повидимому, вещь запереть навсегда. Мысль имѣ-

етъ свойство расширяться въ ящикѣ, увеличиваться, расти. Выросла, прорвала ящикъ и полилась во всѣ стороны. Переполохъ! Суетятся, мечутся, собираютъ непокорную и, снова, прячутъ въ ящикъ, но пока собирали, слѣды остались, а на слѣдахъ опять появились корни. И такъ борьба идетъ постоянная. Горько, грустно и смѣшно!

— Успѣхъ въ промышленномъ и ремесленномъ производствахъ много зависитъ объ общаго образованія и развитія. Ремесленники, ученики и ученицы, выучиваются въ долгіе годы тому, что для развитого человѣка оказывается совершенно доступнымъ безъ этого обученія. Развитіе соображенія, наблюдательность, эстетическое чутье не только замѣняютъ ремесленное обученіе, но при извѣстномъ упражненіи, даже превосходятъ его. За-границей давно поняли, что развитіе и успѣхъ промышленности и ремесла зависятъ всецѣло отъ развитія ремесленника, почему и приняты соотвѣтствующія для этого мѣры. Кромѣ библіотекъ, общедоступныхъ лекцій въ Англіи и во Франціи существуютъ, такъ называемые, народные университеты: «Palais du peuple» въ Парижѣ и «Toynbee Hall» въ Лондонѣ. Въ этихъ учрежденіяхъ рабочіе и ремесленники могутъ совершенствоваться и проходить отдѣльно курсы тѣхъ наукъ, которыя ихъ интересуютъ.

У насъ ничего подобнаго нѣтъ, да едва-ли скоро и будетъ. Всякое собраніе, учрежденіе, преслѣдующее иныя цѣли, кромѣ танцевъ, выпивокъ и картъ, у насъ преслѣдуется; въ собраніи между собою нѣсколькихъ лицъ видятъ уже «потрясеніе основъ», «разрушеніе государственности» и т. д. А какъ коснется дѣло россійскихъ неуспѣховъ въ промышленности, неумѣлости ремесленниковъ такъ начнутъ обвинять мужика, рабочаго, ремесленника въ пьянствѣ, лѣни и тому подобныхъ недостаткахъ, присущихъ невѣжественному народу. «Что посѣялъ, то и пожнешь». Пустое мѣсто пустымъ и останется, а то только лебеда вырастетъ, которая, впрочемъ, тоже бываетъ полезна въ голодные годы. И наши механическіе ремесленники бываютъ полезны, какъ лебеда, за неимѣніемъ лучшаго. Ремесленники гордятся механическими пріемами, переданными имъ ихъ предками. Если извѣстный пріемъ, рисунокъ и проч. имѣлъ сбытъ сто лѣтъ назадъ, то и въ данное время должно быть тоже; однимъ словомъ, творчества, иниціативы не существуетъ. «Ремесленная Газета» существуетъ уже около 10 лѣтъ и держится пока и не таетъ, какъ снѣгъ, какъ всѣ спеціальные журналы въ Россіи, но можно быть увѣреннымъ, что кругъ читателей относится болѣе къ людямъ, интересующимся ремесломъ, т. е. къ болѣе образованнымъ, нежели къ настоящимъ ремесленникамъ. Недавно одному ремесленнику по слесарному производству было предложено нѣсколько рисунковъ изъ «Ремесленной Газеты», заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ.

Между ними было много новыхъ рисунковъ дверныхъ ручекъ, рѣшетокъ, воротъ и т. д. Ремесленникъ глубокомысленно взглянулъ и заявилъ, «что намъ это не пригодно. Мы работаемъ по своимъ рисункамъ и намъ никакихъ новостей не нужно». Невѣжественно, очень просто и понятно.

2 августа.

Сегодня ночью дворникъ нашей дачи получилъ приказаніе по телефону изъ участка о явкѣ Оли въ участокъ по поводу ея путешествія въ Петербургъ, гдѣ она пробыла недолго и жила у брата Володи. Вся недѣля прошла въ осматриваніи города и его окрестностей. Изъ Петербурга, слѣдовательно, дали знать въ нашъ участокъ съ цѣлью справки о ней. Странно, что старуху М. Ив. не потребовали. Интересно отношеніе полиціи къ гражданамъ. Ночью присылаютъ по телефону требовать дѣвушку 18-ти лѣтъ въ участокъ. Сначала попросили дворника и начали распрашивать, когда Ольга ѣздила въ Петербургъ и зачѣмъ она ѣздила и когда пріѣхала обратно. Конечно, приказъ полиціи не былъ исполненъ, и я Ольгу не пустила, а послала для объясненій дворника и лакея съ письмомъ. Пристава въ участкѣ не оказалось. Помощникъ, увидѣвъ письмо къ приставу, разсыпался въ извиненіяхъ и приписалъ все ошибкѣ и глупости дворника Николая, который не понялъ въ чемъ дѣло. Спрашивали, будто-бы, паспортъ Оли, но не просили ее пріѣхать въ участокъ. Однимъ словомъ все свели на недоразумѣніе, когда узнали отъ дворника, что Оля человѣкъ вполнѣ благонадежный и благонамѣренный.

И такъ мы дожили до того, что никто изъ гражданъ не можетъ ѣхать въ Петербургъ, безъ того, чтобы полиція не послѣдила за нимъ, кто онъ, откуда, почему поѣхалъ, и т. д., и т. д. Гораздо лучше, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, ѣхать прежде въ участокъ и спроситься: «Permettez moi de sortir». Если позволятъ, то поѣзжай, но прежде разскажи обстоятельно, зачѣмъ ѣдешь.

— Есть люди, которые удивляютъ своимъ знаніемъ, умомъ, но они не согрѣваютъ. Интересные собесѣдники эти люди; многому можно научиться отъ нихъ. Логика, логика и логика! Мало того, что они интересны, они необходимы, какъ живая умная книга, которая вызываетъ и будитъ мысль. Если бы съ умомъ связалось бы и сердце! Сколько могли бы эти люди сдѣлать, при условіи соединенія этихъ двухъ элементовъ, присущихъ человѣку?

4 августа.

Въ Россіи существуетъ много благотворительныхъ учрежденій, и много расходуется на нихъ денегъ, и какъ мало отъ нихъ дѣйствитель-

ной пользы. На-дняхъ къ намъ во дворъ вошелъ слѣпой, молодой 19-тилѣтній мальчикъ съ матерью. Слѣпой 10-ть лѣтъ жилъ въ пріютѣ для слѣпыхъ на Мѣщанской улицѣ, въ Москвѣ; его тамъ обучили по системѣ Брайля читать, писать, географіи, исторіи, французскому и нѣмецкому языкамъ, музыкѣ и пѣнію. Обучали и щеточному и корзиночному ремесламъ. Прошло 10 лѣтъ, мальчику минуло 17 лѣтъ и его выписали на родину. Въ тотъ годъ было выпущено трое молодыхъ людей, которымъ дали небольшое вспомоществованіе для открытія мастерской для выдѣлки щетокъ, но дѣло это у нихъ не пошло: безъ мастера слѣпые работать не могутъ, а мастера дороги, не по средствамъ, такъ и остались молодые люди безъ дѣла. Куда дѣваться? Взяли къ себѣ родные; кто уѣхалъ въ деревню, кто въ городѣ живетъ у родителей. Милостыню просить не могутъ, стыдно. Вотъ мать крестьянка и водитъ слѣпого сына по нѣкоторымъ благотворителямъ, которые даютъ по 1 руб. въ мѣсяцъ слѣпому. Всѣ эти благотворители къ учрежденію для слѣпыхъ не относятся. Такимъ образомъ, слѣпой собираетъ до 7 руб. въ мѣсяцъ и живетъ на эти деньги. Говоритъ этотъ юноша очень разумно и книжнымъ языкомъ. Въ рукахъ онъ носитъ карту Европы, приспособленную для слѣпыхъ. Горы, рѣчки, долины изображены на картѣ выпуклостями съ различными измѣненіями. Слѣпой долго говорилъ съ нами и разсказывалъ намъ, что онъ совсѣмъ не понимаетъ, зачѣмъ его учили, на что ему это знаніе, которое онъ примѣнить никуда не можетъ. «Протягивать руку я не могу, а если-бы я не былъ въ училищѣ, то ходилъ бы по деревнямъ и пѣлъ Лазаря».

Мы тѣшимся, что помогаемъ несчастнымъ, думаемъ, что приносимъ имъ пользу, что учимъ ихъ, а они голодаютъ и не знаютъ, куда примѣнить это знаніе. Такихъ убогихъ нельзя и не слѣдуетъ возвращать въ семью; для нихъ должны быть устроены колоніи, гдѣ подъ руководствомъ здоровыхъ людей, они дѣйствительно могли бы примѣнять свои силы и кормиться на общей работѣ: каждый, работая по своимъ силамъ, вносилъ бы своимъ трудомъ въ общую кассу извѣстную сумму труда или денегъ.

Далѣе, слѣпыхъ учатъ читать, а книгъ нѣтъ для нихъ. Въ Петербургѣ въ прошломъ году проэктировалось общество для печатанія книгъ для слѣпыхъ, но осуществится ли этотъ проэктъ, неизвѣстно. Быть можетъ, проэктъ остался проэктомъ, какъ это часто у насъ бываетъ. На всѣ эти благія начинанія и ихъ осуществленіе нужны деньги, скажутъ многіе. Деньги и есть, и они расходуются на благотворенія, но все вразбродъ: тамъ на половину, тамъ на четверть, тамъ на осьмушку, а въ общемъ выходитъ все слишкомъ ничтожно и безполезно: одно сдѣлано, другое недодѣлано. Составлялись проэкты о соединеніи благотворитель-

ныхъ учрежденій вмѣстѣ, но все только пока еще слова и слова, а дѣла мало.

6 августа.

Съ нынѣшняго 1893 г. введенъ квартирный налогъ. Не подлежатъ налогу лишь тѣ, кто платитъ менѣе 300 руб. въ годъ за помѣщеніе. Кто же стонетъ отъ налога? Бѣдняки. Квартиры менѣе 25 руб. въ мѣсяцъ есть только на окраинахъ столичныхъ городовъ, около заставъ или за ними. Всѣ служащіе, трудящіеся, учащіеся ютятся въ центрѣ, близъ тѣхъ учрежденій, которыя они посѣщаютъ, а въ центрѣ квартиры дороги. На кого же больше падаетъ налогъ? На всѣхъ тѣхъ, кто перебивается съ семьей изо дня въ день. Намъ указываютъ, что за-границей больше налоговъ, чѣмъ у насъ. Можетъ быть, но тамъ и правъ больше, меньше гнета и стѣсненій, и больше жизненныхъ и гигіеническихъ удобствъ, приспособленій. Положимъ, налогъ на квартиру въ 300 руб. равняется лишь 6-ти рублямъ, но для бѣдняка и это много. Всякій лишній 1 руб. идетъ на пищу, обувь, книгу, газету и проч.

Въ Москвѣ квартирный налогъ будетъ приведенъ въ исполненіе съ 1-го января 1894 г. Домовладѣльцы набавили уже цѣну на квартиры еще до введенія налога, прикрываясь, по всей вѣроятности, будущимъ налогомъ, хотя многіе изъ нихъ говорятъ, что набавка зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ Москвѣ, съ вступленіемъ новаго оберъ-полицеймейстера Власовскаго, велятъ держать чисто дома, вычищать выгребныя ямы, держать дворниковъ для очистки и поливки дворовъ и улицъ. Раньше мы жили въ первобытномъ состояніи и чѣмъ грязнѣе, тѣмъ лучше, только бы поменьше расходовать денегъ.

8 августа.

Составила статью для журнала «Дѣтская Помощь» о народномъ образованіи во Франціи за послѣдніе 20 лѣтъ (1872—1892 г.). Всѣ эти цифры приводятъ въ грустное настроеніе, если сопоставить наше Россійское образованіе. Въ 1892 году во Франціи на первоначальное образованіе было израсходовано 168,000,000 франковъ, что составитъ на наши деньги по номинальному курсу около 42,000,000 рублей, считая франкъ по 25 коп. А у насъ на народное просвѣщеніе вообще—ассигнуется около 8—9,000,000 не болѣе.

«*Новое Время*» (№ 6262) упоминаетъ въ «Маленькихъ письмахъ» о пользѣ, какую принесли бы 100 милліоновъ рублей, ассигнованныхъ на бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія. Князь Мещерскій, издатель «*Гражданина*», отвѣчаетъ на это слѣдующее: «Сто милліоновъ руб. на народное образованіе, excuser du peu! Воображаю, что бы стало съ Россіей, если бы проэктъ г. Суворина осуществился. Минимумъ эти

сто милліоновъ рублей дали бы 1% нигилистовъ! А одинъ процентъ—это было бы 1 милліонъ нигилистовъ! Шутка сказать!».

Всѣ органы ежедневной печати съ насмѣшкой относятся къ «*Гражданину*, но все-таки эта газета существуетъ и, слѣдовательно, ее читаютъ подписчики, которымъ она приходится подходящей по ихъ воззрѣніямъ. Другіе подписываются случайно, и проникаются этой чепухой, не разбирая гдѣ правда, гдѣ ложь, или скорѣе не понимая.

Такихъ подписчиковъ больше всего въ провинціи.

9 августа.

Читаешь «Никитенко», дневникъ, веденный имъ за 50 лѣтъ (1826—1877 гг.), и приходишь къ тому, что удивляться реакціи настоящаго времени (1893 г.) нѣтъ основанія. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, земскія учрежденія, свобода совѣсти, свобода слова—все это было лишь подражаніемъ Европѣ. Реформа освобожденія была слишкомъ смѣлымъ шагомъ впередъ, но возвращеніе назадъ уже немыслимо въ той же формѣ, немыслимо передъ лицомъ всей Европы. Но земскія учрежденія, суды, печать своего настоящаго значенія не имѣютъ. По дневнику Никитенко видно, что земскія учрежденія, введенныя въ 60-хъ годахъ, въ 1868 году были уже подчинены администраціи, а петербургское земское собраніе и совсѣмъ закрыто въ этомъ году. Суды, реформа которыхъ послѣдовала въ 1866 г., колебались уже въ своемъ основаніи въ 1868 г. Что касается печати, то цензура дѣлала свое дѣло, поощряя свободу слова предостереженіями, сокращеніями и урѣзываніями. Мысль человѣческая укладывалась цензурой въ особыя цензурныя рамки. Если все это было тогда, при началѣ преобразованій, то ходъ событій въ наше время вполнѣ естественъ и понятенъ. Не укоренившееся сѣмя, не выращенное правильнымъ его культивированіемъ, не могло и дать плодовъ.

— Сегодня несли на кладбище по шоссе отъ Всесвятскаго умершаго офицера-пѣхотинца. Впереди несли гробъ, за гробомъ шли два военныхъ, а сзади музыка играла похоронный маршъ. И никого больше! Музыка привлекала по дорогѣ публику всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Заунывно раздавался по Ходынскому полю похоронный маршъ; какъ будто плакали звуки, призывая оплакивать несчастнаго защитника отечества, лежавшаго въ деревянномъ гробѣ. Многіе плакали и, на самомъ дѣлѣ, а другіе бѣжали по шоссе посмотрѣть въ чемъ дѣло, въ видѣ развлеченія.

— Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» говоритъ, что съ людьми надо быть въ хорошихъ отношеніяхъ ради своей безопасности. Совершенно вѣрно! Но такъ, продолжаетъ Никитенко, чтобы не давать лю-

дямъ возможности опутывать васъ самого. И это вѣрно! Хорошими отношеніями съ людьми обезпечиваешь себѣ извѣстное спокойствіе отъ ихъ козней.

Потраченное здоровье трудно вернуть; при малѣйшей непріятности, появляется боль въ ногахъ, рукахъ, спинѣ и общее недомоганіе. Горько вспомнить зачѣмъ, для какой пользы утратилось здоровье. Вся жизнь на пустомъ дырявомъ рѣшетѣ переливалась вода и ничего изъ этого не вышло, какъ и слѣдовало ожидать, а здоровья нѣтъ.

12 августа.

Никогда не слѣдуетъ показывать, что оскорбляешься на людскія мнѣнія, толки, пересуды и даже обиды. Изъ самолюбія и чувства самосохраненія слѣдуетъ скрывать впечатлѣнія, произведенныя на васъ дѣйствіями людей. Разъ люди не имѣютъ данныхъ, чтобы убѣдиться, что ихъ ядовитыя стрѣлы попали въ цѣль, то и стремленіе продолжать пускать эти стрѣлы охлаждается.

Несомнѣнно, что искать утѣшенія въ минуты скорби и горя слѣдуетъ въ самомъ себѣ, но не у людей, но сочувствіе ихъ, т. е. людей, уважаемыхъ скорбящимъ съ человѣкомъ, облегчаетъ на нѣкоторое время. Ласковое слово, во время сказанное, очень дорого цѣнится. Но это ласковое слово такъ рѣдко бываетъ искренно, и гдѣ найти его?

14 сентября.

Какъ смѣшна молодежь, которая, подъ вліяніемъ на лету схваченныхъ мыслей зрѣлыхъ людей, одѣвается въ тогу пессимизма. Тѣмъ болѣе смѣшны въ этомъ случаѣ юноши и дѣвицы, живущіе подъ крыломъ у родителей и не понимающіе и не испытавшіе жизненныхъ шиповъ...

16 сентября.

Либеральныя газеты настоящаго времени, которыхъ и осталось-то только двѣ: «*Русскія Вѣдомости*» въ Москвѣ и «*Новости*» въ Петербургѣ, робко отстаиваютъ реформы прошлаго царствованія Александра II, а реакція дѣлаетъ свое дѣло, постепенно и настойчиво разрушая все прошлое. Настоящій центръ всего зла, по мнѣнію администраціи, это реформы Александра II и образованіе. О послѣднемъ, конечно, не говорятъ, но дѣйствуютъ неукоснительно. Для вида назначаются комиссіи и подкомиссіи, которыя занимаются обсужденіемъ вопросовъ о просвѣщеніи, но главныя заботы сводятся въ тайнѣ къ уменьшенію числа просвѣщенныхъ лицъ. Бѣдные не должны учиться; они могутъ быть профессіональными ремесленниками, земледѣльцами, но общее образованіе должно быть имъ недоступно, и потому только недоступно, что они

бѣдные. Кто не знаетъ, что богатые учиться не любятъ, а если и поступаютъ въ среднія и высшія учебныя заведенія, то не наука влечетъ, а дипломъ. Дипломъ и бѣднымъ нуженъ, но не ради славы, а ради хлѣба. Если богатые не будутъ образованными людьми въ настоящемъ смыслѣ, а бѣднымъ учиться не позволено, то изъ какого элемента будутъ состоять граждане: изъ дипломированныхъ, необразованныхъ, богатыхъ дураковъ и ремесленниковъ: всѣ небогатые интеллигенты должны видѣть своихъ дѣтей ремесленниками, но безъ общаго образованія.

Женское образованіе сводится къ тому-же. Уѣздныя училища, называемыя Маріинскими, съ обученіемъ рукодѣлію, профессіональныя училища для ремесленнаго образованія—эти училища предназначаются для бѣдныхъ безъ различія званія и образованія ихъ родителей; для богатыхъ—гимназіи, съ правомъ давать уроки лишь въ частныхъ домахъ; классныя дамы будутъ выпускаться лишь изъ институтовъ. Учительницами сельскихъ и городскихъ школъ будутъ лишь ученицы, окончившія въ епархіальныхъ училищахъ. Вотъ программа реформы женскаго образованія, выработанная недавно особо назначенною комиссіею. «*Русскія Вѣдомости*», говоря объ этой реформѣ, робко соболѣзнуютъ о различіи бѣдныхъ и богатыхъ, указывая, между прочимъ, и на то, что правительство въ казенныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ отъ себя стипендіи для небогатыхъ, а въ настоящее время предполагаетъ ввести это различіе овецъ и козлищъ, измѣряемое лишь деньгами. Горько и грустно все это.

18 сентября.

О люди, люди! Желая выдвинуться, прикрываются стремленіемъ къ общественному благу, а въ сущности жажда слава руководитъ ими и больше ничего. Положимъ, что они прикладываютъ къ этому не мало труда, но желаніе блестѣть и гремѣть все-таки на первомъ планѣ. Рядомъ съ трудомъ нужны (для осуществленія плановъ) и деньги, а ихъ нѣтъ у большинства стремящихся къ славѣ. Тогда они обращаются къ богатымъ, показывая имъ свои благія намѣренія, и если послѣдніе поддаются, то тщеславные люди довольны и счастливы, хотя при случаѣ съ насмѣшкой отзовутся о богачахъ, какъ о глупыхъ и необразованныхъ людяхъ или скажутъ еще что-либо о нихъ съ насмѣшливыми взглядами и улыбками.

— Мы переживаемъ время полной реакціи. Назадъ,—назадъ! раздается кличъ сверху, и мы туда двигаемся. Упираемся, но все-таки двигаемся.

Разрѣшеніе новыхъ органовъ печати, въ настоящее время, почти не допускается. Зачѣмъ намъ газеты и журналы? И такъ довольно! Энергія, предпріимчивость—все заглушается. Много способностей и талантовъ гибнетъ такимъ образомъ. Зачѣмъ намъ таланты? Мы и такъ умны.

21 сентября.

Осень вступаетъ въ свои права: желтѣютъ листья, дуетъ вѣтеръ, ощущается свѣжій воздухъ; однимъ словомъ, наступаетъ постепенная смерть въ природѣ; между тѣмъ осень имѣетъ свою прелесть. Увядшіе и потерявшіе свой натуральный цвѣтъ листья, не менѣе красивы, чѣмъ и зеленые, которые привлекали весною, въ моментъ всеобщаго возрожденія, своей свѣжестью и умѣряли жгучіе лучи солнца лѣтомъ. Какъ солнце при закатѣ озаряетъ яркимъ пламенемъ западъ, такъ и листья передъ своимъ исчезновеніемъ поражаютъ осенью яркостью прелестныхъ цвѣтовъ. Окрашиваясь то въ пурпуръ, то въ золото, то принимая зеленобурый коричневый оттѣнокъ, листья летятъ по вѣтру, обгоняя другъ друга съ шелестомъ и тихимъ свистомъ. Мелкіе листья смѣшиваются съ крупными и, вертясь въ воздухѣ вихремъ, уныло спускаются на землю, падая въ ряды своихъ товарищей и осыпая золотистымъ или пурпуровымъ дождемъ поблекшую траву. Лѣсъ осенью представляется волшебнымъ съ разнообразными оттѣнками различныхъ цвѣтовъ, прозрачностью воздуха и свѣтло-голубымъ небомъ.

— Что можетъ быть выше внутренняго міра человѣка, который принадлежитъ ему и только ему одному; въ немъ каждый, сообразно своему развитію, образованію, способностямъ находитъ успокоеніе и соотвѣтствіе своему «я», своимъ стремленіямъ. Не надо приспособляться ни къ кому и ни къ чему; не надо лгать, обманывать, да и нельзя лгать.

22 сентября.

Въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» сегодня прочла сообщеніе, что въ Одессѣ ощущается сильный недостатокъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ, разсказывается, что при пятомъ классѣ одесскаго коммерческаго училища въ нынѣшнемъ году не открыто параллельнаго класса, почему 16 человѣкъ учениковъ, выдержавшіе переходные экзамены въ этотъ классъ, уволены изъ училища.

Идетъ борьба администраціи и общества. Первая сокращаетъ число учащихся, урѣзываетъ права ихъ и проч., второе стремится къ образованію. Борьба мысли и власти. Убиваютъ мысль, которую убить никогда нельзя.

Есть трава, которая растетъ на югѣ и которую можно сравнить съ мыслью. Эта трава называется: «перекати поле». Растеніе летитъ

съ конца поля на другой, сцѣпляясь съ себѣ подобными и образуя большой комъ: постепенно прибавляется этотъ комъ въ окружности и, наконецъ, достигаетъ большихъ размѣровъ. Такъ и мысль: оборвутъ ее съ одного конца, а она летитъ дальше въ другое поколѣніе, и пускаетъ свои корни, никогда не замирая.

10 октября.

Смѣшное совпаденіе! Сегодня совершается крестный ходъ кругомъ Кремля въ память освобожденія Россіи отъ французовъ въ 1812 г. И въ то же время всѣ газеты отъ послѣднихъ дней и 10-го октября, сегодня, переполнены разсказами объ овацiяхъ русскимъ морякамъ, пріѣхавшимъ въ Тулонъ къ французамъ; въ честь этого событія, французы устраиваютъ различныя празднества для русскихъ, закидываютъ ихъ подарками, кричатъ, шумятъ. Въ Москвѣ молятся въ память спасенія отъ французовъ, какъ враговъ, а французы въ тотъ же день чествуютъ русскихъ, какъ друзей. Измѣнчиво время и мѣняются отношенія между націями. Что было велико въ 1812 году, то смѣшно и неумѣстно въ 1893 году.

12 октября.

Появилось нѣсколько брошюръ и книгъ, трактующихъ о женскомъ вопросѣ. Профессоръ Базельскаго университета, Феллингъ и профессоръ Московскаго университета Безобразовъ издали двѣ брошюры подъ однимъ названіемъ: «О назначеніи женщины», а Жюль Симонъ издалъ довольно объемистую книгу, подъ названіемъ: «Женщина XX вѣка». Проф. Безобразовъ видитъ назначеніе женщины прежде всего въ образованіи и развитіи ея умственныхъ и нравственныхъ способностей, Феллингъ и Жюль Симонъ—исключительно въ семьѣ. Все это прекрасно. Странно, между прочимъ, почему не издаютъ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ о назначеніи мужчины. Онъ также членъ семьи и его обязанность исполнять свой долгъ не только въ доставленіи средствъ къ существованію, но и воспитаніе дѣтей есть его прямая обязанность. Безъ нравственнаго вліянія отца на дѣтей нѣтъ полной семьи. Да говорить о немъ ничего нельзя. Онъ гражданинъ, имѣющій полную возможность и доступъ учиться и двигаться по пути къ прогрессу; для него открыты всѣ двери академій, университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Для женщины всѣ пути къ высшему образованію закрыты, и семью замками запечатаны всѣ двери. Женщинѣ назначаютъ мѣсто въ семьѣ, ей опредѣляютъ ея обязанности, ей говорятъ о ея слабости физической, о неспособности къ умственному труду по физіологическому строенію ея организма. Въ ея отсталости отъ мужчины видятъ предвидѣніе природы,

создавшей женщину иначе, чѣмъ мужчину. Почему же эту отсталость не приписываютъ недостаточности образованія женщины? Ея второстепенная роль въ жизни и вытекаетъ прямо изъ умственнаго неразвитія, узкости мысли, направленной лишь на семью, на кухню и на изощреніе нарядовъ, чтобы нравиться и забавлять мужчинъ. Феллингъ и его послѣдователи находятъ женщину прямо неспособной къ воспріятію серьезнаго образованія. Высшее образованіе женщинъ Феллингъ считаетъ аномаліею; «если онѣ и оканчиваютъ курсъ медицинскихъ наукъ», добавляетъ Феллингъ, «то все равно цѣннаго въ науку онѣ внести никогда не могутъ по своей неспособности». И такъ далѣе, далѣе, безъ конца...

1894.

26 апрѣля.

Какъ давно ничего не писала. Вотъ уже третій мѣсяцъ новаго года проходитъ. Много времени прошло, много появилось новыхъ впечатлѣній, сомнѣній и новыхъ знакомствъ. Все юная свѣтлая молодежь! Хохотъ, смѣхъ и шутки, а мнѣ скучно, тоскливо; не съ кѣмъ слова сказать. Вѣчное одиночество! Сколько мыслей, впечатлѣній, чувствъ бродятъ одиноко въ моей головѣ, цѣпляясь одни за другихъ и теряясь въ общемъ хаосѣ моей внутренней жизни. Нѣтъ, такъ жить нельзя, нѣтъ людей около меня, буду говорить съ бумагой. Ей я буду высказывать свои мысли, мнѣнія; она не осудитъ меня. Быть можетъ, это глупо, но что-же дѣлать? Скоро языкъ мой и рука отвыкнутъ выражать мысли устно и писменно, и я буду повторять рефлективно слова окружающихъ меня: «это самое». Этотъ припѣвъ поется ко всякой фразѣ, ко всякому слову. Сегодня, завтра мыслишь одно и то-же, и невольно повторяешь, какъ попугай. Сколько разъ я собиралась писать ежедневно и, снова, оставляла или забывала, или не имѣла времени.

Сейчасъ прочла разсказъ Софіи Арцимовичъ: «Захолустье» (*Русское Богатство,* 1894 г., № 4). На первомъ планѣ положеніе сельской учительницы, описаніе произвола надъ ней. Отъ кого она только не зависитъ. Всѣ сельскіе власти, священники, урядникъ—всѣ врываются въ ея жизнь, мучатъ, оскорбляютъ, пишутъ доносы злые и безсодержательные, но учительница теряетъ мѣсто черезъ это, скитаясь по городамъ и губерніямъ въ поискахъ за другимъ мѣстомъ. Нуженъ хлѣбъ, нуженъ заработокъ... Въ общемъ, разсказъ производитъ хорошее впечатлѣніе, онъ возбуждаетъ много мыслей, указывая прискорбные факты текущаго времени.

Всѣ эти факты разсказываются очень просто, наглядно и съ нѣкоторымъ юморомъ.

28 апрѣля.

Бываютъ дни, когда голова совершенно пуста. Нѣтъ ни мыслей, ни думъ. Прозябаніе полное.

— Прочла разсказъ Мамина-Сибиряка «Земля не принимаетъ». Преданіе (*«Рус. Вѣдом.»* 1894 г. № 116). Разсказъ касается давно прошедшаго времени Пугачевщины. Одинъ изъ дворовыхъ, который участвовалъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, пришелъ странникомъ на свою родину черезъ 40 лѣтъ покаяться въ своемъ грѣхѣ предъ матерью, дѣти которой были убиты по его указанію и только потому, что они были господскія дѣти. Старикъ думалъ, что онъ потому и не умираетъ, что убилъ дѣтей, и земля его не принимаетъ, безъ разрѣшенія и прощенія матери. Мученія совѣсти были такъ велики у странника, что онъ, 40 лѣтъ скитаясь по святымъ мѣстамъ, не могъ замолить своего грѣха.

Дѣйствительно, что можетъ быть лучшаго на свѣтѣ, какъ не спокойная совѣсть во всѣхъ отношеніяхъ. Исполненіе долга, обязанностей умиротворяетъ человѣка. Сознаніе, что никому въ жизни не сдѣлалъ зла, т. е. того, что сознаешь зломъ, производитъ удовлетвореніе. Но многоли существуетъ людей, которые могли бы ощущать это? Компромиссы и софизмы мало помогаютъ въ этомъ случаѣ: сознаніе дѣлаетъ свое дѣло.

— Загорѣлась рогожа въ подвалѣ у торговца дичью, мужики пошли тушить и задохлись отъ смрада. Публиковали въ газетахъ, назвали по имени и фамиліи, тѣмъ и кончилось. Если-бы задохся въ подвалѣ кто-нибудь изъ чиновнаго люда? Что бы было? Поднялся-бы крикъ въ газетахъ, шумъ, соболѣзнованіе, сочувствіе, мельчайшія подробности событія. Всѣ пришли бы въ ужасъ отъ такого несчастья; вся Москва двинулась бы провожать безвременно погибшаго чина, дѣятеля, радѣтеля, а мужикъ, какой онъ дѣятель; онъ—рабочая, черная сила, безъ воли, безъ мысли; онъ долженъ лѣзть въ подвалъ, на крышу, въ огонь, иначе умретъ съ голоду. Никакихъ засѣданій по поводу двухъ задохшихся въ подвалѣ мужиковъ не будетъ, и никто вставать не будетъ, въ видѣ коллективнаго чествованія ихъ памяти. Обойдется все очень просто: положатъ въ деревянный гробъ и закопаютъ, а семья по-міру пойдетъ.

2 мая.

Весна, тепло, зелень распускается, и это бываетъ ежегодно, а между тѣмъ, все это веселитъ и радуетъ. Является надежда на что-то и самъ не знаешь: смутныя надежды на что-то лучшее. Въ чемъ-же можетъ быть лучшее для меня? Не знаю. Побольше трудиться и быть здоровой и продуктивной для этого труда. Другого ничего не надо. Продуктивность этого рода зависитъ и отъ матеріальныхъ средствъ, а разъ

они есть, слѣдовательно, надо больше работать и учиться. Въ этомъ и заключается вся сила жизни и смыслъ ея. По моему мнѣнію, работать должны въ особенности состоятельные люди на пользу несостоятельныхъ. Разновидности и разнообразіе труда слишкомъ велики и обильны, чтобы, смотря по способностямъ, по образованію, по обстоятельствамъ сложившимся, не найти дѣятельности. Притомъ слишкомъ мало сдѣлано въ общемъ: поле дѣла велико; сумѣй только приложить руки и приспособиться къ дѣлу. Хорошо правило: забывать, что сдѣлалъ, а помнить, что слѣдуетъ сдѣлать.

— Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ, по моему мнѣнію, ни либераловъ, ни консерваторовъ, а есть приспособляющіеся люди къ случаю и обстоятельствамъ, изъ которыхъ извлекается ими личная выгода для пріобрѣтенія презрѣннаго металла и тепленькаго мѣстечка, протекціи и тому подобныхъ земныхъ благъ. Убѣжденные дѣйствительно консерваторы встрѣчаются между стариками, желающими покоя, отсталыми и напитанными рѣчами покойнаго Каткова. Къ этимъ же убѣжденнымъ консерваторамъ принадлежатъ и обманутые сладкими рѣчами «*Московск. Вѣд.*», что все обстоитъ благополучно въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Эти послѣдніе также желаютъ покоя и отстраняютъ отъ себя все безпокоящее, непріятное, убаюкивая свое сознаніе мечтами и грезами. Къ такъ называемымъ либераламъ относятся всѣ честные, здравомыслящіе образованные люди. Но либерализмъ лежитъ у нихъ въ карманѣ. Чувство самосохраненія себя и своей семьи вызываетъ осторожность въ дѣйствіяхъ и въ рѣчахъ.

Но есть между ними, которые дѣйствительно страдаютъ отъ недостатка образованія въ народѣ, отъ косности, невѣжества послѣдняго. Средства для излеченія этого недуга предлагаются осторожно, и кое-что дѣлается, по мѣрѣ возможности, обходными и косвенными путями, но въ такомъ ничтожномъ пока еще количествѣ, что и результатовъ не видно въ осязательной формѣ. Но въ общемъ, эта дѣятельность напоминаетъ равномѣрныя капли воды, ниспадающія на камень и постепенно просасывающія его. Долго, медленно, но вѣрно. Путь одинъ, къ просвѣтлѣнію всеобщаго невѣжества и мрака, это—образованіе. Вносятся въ сознаніе общества идеи о необходимости всеобщаго обученія и образованія, медленно и осторожно, путемъ публичныхъ рѣчей, печати и проч.

Къ либераламъ принадлежитъ и молодежь, бушующая, волнующаяся и погибающая отъ неудержимыхъ впечатлѣній зла, охватывающаго юные умы желѣзнымъ кольцомъ.

— Въ послѣдніе годы между образованными людьми появились сильныя заботы о сельскихъ библіотекахъ. Нашли, наконецъ, спасеніе отъ рецедивизма безграмотности въ крестьянствѣ, о которомъ одно время

такъ много кричали, доказывая, что и грамотность, чуть не лишняя, разъ она забывается народомъ. И университетское образованіе пропадаетъ даромъ, если оно ограничивается однѣми лекціями, экзаменами, безъ интереса и дальнѣйшаго развитія и самообразованія. Что-же можно сказать о крестьянахъ, которые поучатся читать-писать въ теченіе трехъ лѣтъ съ большими перерывами въ теченіе года. Не возбудился интересъ къ книжкѣ, пропало и обученіе грамотѣ, исчезающей изъ памяти, какъ снѣгъ отъ весенняго солнца.

Въ «*Сѣвер. Вѣст.*», за май 1894 г., помѣщена статья Вахтерова о сельскихъ библіотекахъ. Авторъ приводитъ массу фактовъ о необходимости этихъ библіотекъ, указанныхъ различными земствами. Между прочимъ, онъ указываетъ и на интересъ къ книжкѣ у крестьянъ, на впечатлѣнія, произведенныя чтеніемъ. Въ общемъ, факты очень отрадные и интересные. Если-бы общество прониклось мыслью о необходимости сельскихъ библіотекъ при школахъ и жертвовало-бы хотя по 1 р. въ годъ съ каждаго лица или семьи городскихъ жителей, вносило-бы эти деньги въ комитетъ грамотности, вотъ и средства бы нашлись для уничтоженія рецидивизма безграмотности.

— Сегодня 3-е мая, а мы еще въ Москвѣ; жарко, душно, пыль; однимъ словомъ, всѣ прелести городской жизни. Хочется воздуха, простора для глазъ, для легкихъ и полнаго успокоенія отъ людей на лонѣ природы, гдѣ нѣтъ лжи, нѣтъ приспособленія; тамъ все ясно и просто! Жду, не дождусь переѣзда въ Пушкино, гдѣ буду смотрѣть на небо, рѣку, деревья и туманную даль.

4 мая.

Женское образованіе! Какъ горько смотрѣть, съ какимъ трудомъ приходится женщинѣ добиваться права образовать себя. Жена, мать намъ нужна, кричатъ гасители; точно мать и жена не должны быть образованы. Несомнѣнно, нѣтъ!—по мнѣнію гасителей просвѣщенія; они призываютъ женщину къ физіологической жизни. Иначе нельзя понять этотъ крикъ объ обязанностяхъ жены и матери. Возьмите все сердцемъ,—говорятъ они, т.-е. женщины должны воспитывать дѣтей сердцемъ, и только сердцемъ; ей не нужны ни знаніе, ни умъ. Но одно сердце, одна материнская любовь еще не много можетъ сдѣлать въ физическомъ и нравственномъ воспитаніи. Для перваго, прежде всего, нужно знаніе строенія человѣческаго организма, гигіены и проч., и проч. А что-же знаетъ женщина? Ровно ничего! Воспитываютъ дѣтей съ физической стороны такъ, какъ ихъ самихъ воспитывали. А нравственная сторона еще слабѣе. Въ первой (области), хотя понаслышкѣ, путемъ опыта или случайнаго прочтенія статьи въ газетѣ или журналѣ, кой-что дѣ-

лается, или по врожденной привычкѣ къ опрятности и чистотѣ. Во второй дѣйствуютъ только традиціи, давно никуда негодныя и не подкрѣпленныя собственнымъ примѣромъ. Говорится одно дѣтямъ, а дѣлается другое. Противорѣчія слова съ дѣломъ въ глазахъ смышленаго ребенка такъ и сыпятся ежедневно, во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни. Какіе-же результаты получаются отъ всего этого? Печальные, очень печальные! Ребенокъ теряетъ довѣріе къ матери, какъ только начнетъ подростать. Несомнѣнно, что ласка нужна человѣку во всѣхъ возрастахъ его жизни, начиная съ колыбели и до гроба, но сердце, ласка бываетъ разумнѣе, цѣльнѣе, когда онѣ подкрѣпляются умомъ и знаніемъ. Когда чувство развивается въ ущербъ уму, не можетъ быть благихъ результатовъ въ воспитаніи. Нужно равновѣсіе, а для равновѣсія необходимо развитіе того и другого элемента духовныхъ силъ человѣка. Въ общемъ, воспитаніе у насъ выходитъ прямо случайнымъ въ смыслѣ результатовъ. А въ дѣйствительности, что можетъ быть труднѣе и выше задачи воспитанія и образованія человѣка? Задача трудна и подготовки къ ней нѣтъ. Да и многіе-ли понимаютъ трудность задачи? «Мы выросли, не погибли, и дѣтей вырастимъ, только бы не ушибся да не простудился, а тамъ о чемъ же безпокоиться?! Вотъ развѣ учиться будетъ, такъ чтобы кончилъ хорошо, да мѣсто бы занялъ поприличнѣе. Это важно!» Такія разсужденія очень популярны во всѣхъ слояхъ общества.

Какая простая истина! Если страна желаетъ (себѣ) богатства, благосостоянія общаго и силы, то первая ея забота должна относиться къ всеобщему просвѣщенію гражданъ. На Западѣ давно это поняли и употребляютъ все возможное для этой цѣли. У насъ нѣтъ. Просвѣщеніе есть, но все это въ ничтожномъ количествѣ, въ одной горсти людей, да и то образованіе, какое есть, сводится больше къ полуобразованію, къ поверхностнымъ взглядамъ, къ идеямъ и убѣжденіямъ, неустойчивымъ, непродуманнымъ, непрочувствованнымъ, почему и твердости быть не можетъ въ проведеніи идей въ жизнь. Какіе взгляды нужны, въ силу сложившихся жизненныхъ обстоятельствъ, тѣ и проведутся, а высокія идеи, схваченныя на-лету, поступаютъ въ разрядъ «забытыхъ словъ». Надъ этими «забытыми словами», потомъ, пожалуй, при случаѣ въ хорошей, веселой компаніи и посмѣяться можно. Настоящихъ, дѣйствительно образованныхъ людей, заботящихся не только о собственномъ благѣ, но и о благѣ другихъ, очень мало. Есть они, есть, но «мало насъ, голубчики, мало».

— Вчера была у меня N. N. Сколько въ ней восторженности, честности, экзальтаціи и благородства! Эта порывистость и искренность сужденій очень привлекательны и симпатичны. Увлекающіеся люди увлекаютъ и трогаютъ другихъ, пробуждаютъ отъ сна, мертваго, непробуд-

наго въ общей обыденной жизни, въ этихъ будничныхъ мелочахъ, которыя охватываютъ человѣка, какъ въ тинѣ, какъ въ мелкой сѣткѣ изъ тончайшихъ петель.

Одно мнѣ кажется страннымъ и непонятнымъ въ ней, что она не разбираетъ органовъ печати, гдѣ работаетъ. Гдѣ напечатаютъ, только бы деньги заплатили. Быть можетъ, это вызывается недостаткомъ средствъ, да, пожалуй, тѣмъ только и объясняется. Она сознаетъ это и говоритъ, что несимпатичные ей по духу и воззрѣніямъ органы печати служатъ лишь къ пріобрѣтенію средствъ къ существованію. Тамъ, въ этихъ органахъ, она ремесленница, переводчица съ языковъ, мало распространенныхъ въ Россіи, какъ, напр., итальянскаго. Въ симпатичныхъ ей органахъ она другая, настоящая, восторженная, симпатичная натура!

— Недавно я нашла въ своихъ бумагахъ выдержки изъ журнала «*Образованіе*» (1892 г., № 10) о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти же выдержки были перепечатаны въ «*Новомъ Времени*» (1893 г., сентябрь), подъ названіемъ «Избіеніе младенцевъ». И дѣйствительно, получается нѣчто изумительное. Изъ 2.180 лицъ желающихъ получить высшее образованіе, можетъ быть принято лишь 360 человѣкъ. Осталось, слѣдовательно, избіенныхъ 1.820 юношей, которымъ некуда приложить свои молодыя силы. Нѣтъ сомнѣнія, что, изъ всѣхъ желающихъ получить высшее образованіе, не всѣ руководились стремленіемъ къ наукѣ; навѣрное, многіе имѣли въ виду въ будущемъ пристроиться къ теплому мѣсту, другихъ вынуждало къ поступленію экономическое положеніе семьи. Допустимъ даже, что большинство имѣло корыстныя цѣли, но уже вступленіе въ храмъ науки и соприкосновеніе съ ней даетъ большія преимущества для дальнѣйшаго развитія и самообразованія, возбуждаетъ интересъ и, нерѣдко, юноша находитъ откликъ своимъ стремленіямъ, смутно и неясно имъ сознаннымъ. Соприкосновеніе съ наукой наталкиваетъ его на многое, о чемъ-бы онъ не могъ себѣ представить, не зная существованія той или другой научной отрасли. И вотъ, 1.820 молодыхъ людей выбросили на улицу. Что дѣлать, что предпринять?

Смѣшно иногда читать въ нѣкоторыхъ газетахъ объ избыткѣ интеллигенціи съ высшимъ образованіемъ, которыхъ некуда дѣвать, почему и учиться не слѣдуетъ: «Зачѣмъ-же размножать интеллигенцію, пролетаріатъ! Учиться должны люди со средствами, а бѣдняки пусть остаются при томъ, какъ жили ихъ отцы».

— Какъ хочется сдѣлать и то, и другое, и вѣчно нѣтъ силъ, нѣтъ времени схватить и исполнить желаемое! Впрочемъ, это мнѣ всегда нравилось, имѣть постоянно въ перспективѣ много дѣла, т.-е. заготовить это дѣло и чувствовать при окончаніи каждаго дѣла, что впереди еще много труда и интереса, много неизвѣстнаго и увлекательнаго, точно

человѣкъ, который, находясь въ полѣ, желаетъ достигнуть горизонта, красиво склонившагося вдали полукругомъ.

6 мая. Пушкино.

Нѣтъ ни мыслей, ни думъ, все во власти природы. Чудная погода, жарко! Деревья всѣ распустились. Длинныя, строгія, высокія и стройныя ели стоятъ около нашей дачи въ красивомъ безпорядкѣ, группами: верхушки стройно качаются и шепчутъ другъ другу тайныя мысли и думы. «Стоимъ вѣка и видимъ все», говорятъ онѣ людямъ, «ваши дѣянія, вашу ненависть другъ къ другу. Учитесь у насъ, мы всѣ дружны между собою. Замираемъ, затѣмъ распускаемся, цвѣтемъ, умножаемся и снова, погибаемъ на время. Неизмѣнно подчиняемся закону природы. Вѣтеръ колышетъ наши вѣтви, сообщая намъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о невѣдомыхъ растеніяхъ».

Меня охватываютъ фантастическія грезы, а слухъ мой поражается колокольнымъ звономъ набата въ селѣ Пушкинѣ, по случаю пожара. Вѣтеръ раздуваетъ пламя, и дымъ уже виденъ съ нашего балкона. Всѣ всполошились, бѣгутъ, кричатъ: маляръ съ сосѣдней дачи взобрался на высокую ель и сообщаетъ оттуда внизъ товарищамъ свои впечатлѣнія. А звонъ все продолжается и тревожно зоветъ на помощь.

7 мая.

Сейчасъ получила визитную карточку одного пятигорскаго знакомаго драгуна, который не видѣлъ меня 4 года и проѣздомъ въ Москвѣ заѣхалъ ко мнѣ и не засталъ. При одномъ его имени, сколько всплыло разныхъ мыслей, воспоминаній, о мѣстности, о нашей жизни въ Пятигорскѣ. Сколько положено было желаній и трудовъ заставить читать господъ военныхъ. И все напрасно! Уѣхала, и все забыто.

8 мая.

Вчера получилось много новыхъ впечатлѣній. Была у меня М. К. Каблукова, съ которой я много говорила. Между прочимъ, она предлагала мнѣ выступить въ качествѣ секретаря на предстоящемъ съѣздѣ по техническому образованію. Съѣздъ состоится въ декабрѣ 1895-го года. Я, конечно, отказалась изъ страха за свое неумѣніе и. т. д., и. т. д. Много дѣла предлагаютъ на съѣздѣ. Я очень рада, готова все дѣлать, что могу, но страхъ за неумѣлость съ ума сводитъ.

Поэзія охватываетъ меня въ свои нѣжныя объятія. Лѣсъ кругомъ, птицы поютъ, вдали кукушка кукуетъ свою вѣчную пѣсню заунывнымъ напѣвомъ. Изрѣдка, свиснетъ и затрещитъ соловей. По вечерамъ раздается кваканье лягушекъ. Утромъ, днемъ, вечеромъ воздухъ напоенъ ароматомъ молодой распустившейся зелени. Сидишь на балконѣ и без-

сознательно смотришь на небо и высокія ели. Около балкона густая высокая ель прислоняется почти къ дому, а рядомъ группа мелкихъ сосенъ съ темной зеленью. Когда солнце заходитъ сзади дома, то ель высокая освѣщаетъ особымъ колоритомъ. Тишина вездѣ полная. Хорошо здѣсь, въ особенности для меня. Сколько лѣтъ я прожила въ Петровскомъ паркѣ въ пыли на шоссе.

— Въ «*Сѣверномъ Вѣстникѣ*» за май 1894 г. помѣщена статья сына графа Льва Толстого о впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ на собраніи «Арміи Спасенія» въ Парижѣ. Въ общемъ, идеи братьевъ «Арміи Спасенія» основаны на любви и помощи ближнему, но ихъ собранія, сопровождаемыя музыкой и пѣніемъ, не лишены битья на картинность и эффектъ. На эти собранія приглашаются присутствовать всѣ желающіе. Говорятся рѣчи въ религіозномъ духѣ и съ нѣкоторымъ пафосомъ и не всегда искренно. Графъ Толстой очень красиво описываетъ обстановку помѣщенія для собраній, гдѣ все на внѣшность. За право присутствія собираются деньги съ лицъ, не принадлежащихъ къ составу «Арміи Спасенія».

— Небо прояснилось, показалось солнце. Голубое лазурное небо надо мной, а по немъ мелкіе клочки облачковъ, какъ разбросанная вата, и рядомъ облачная, какъ будто пыль. Близъ крыльца нашей дачи образовалась группа изъ 30 мелкихъ сосенъ такъ близко стоящихъ другъ къ другу, что можно вообразить, что эта одна большая сосна, а между ними по землѣ пробиваются длинныя полоски свѣта отъ лучей солнца. Красиво это все замѣчательно! И при каждомъ взглядѣ направо или налѣво картины мѣняются отъ различнаго освѣщенія. Описать прямо невозможно.

Я не только никогда не жила въ лѣсу, но давно и не была въ немъ; проѣзжала по желѣзнымъ дорогамъ и только. Неудивительно, что мое вниманіе слишкомъ останавливается на окружающихъ меня картинахъ: все привлекаетъ меня и тянетъ къ себѣ.

10 мая.

Вчера Н. пробылъ у насъ цѣлый день. Симпатичный очень человѣкъ и не глупый, но мало развитой. Провинція сказывается на немъ вполнѣ. Банальные пустые разговоры, особые пріемы болтовни съ барышнями; однимъ словомъ офицеръ, типъ военнаго, хотя онъ лучшій изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ общемъ, съ нимъ очень скучно.

Интересно объясненіе Брюнетьера о причинахъ паденія драматической литературы (предисловіе къ 19-му тому «Annales du théâtre et de la musique»). Авторъ говоритъ, что процвѣтаніе драмы совпадаетъ съ проявленіемъ воли въ народѣ, націи или человѣкѣ. Когда въ странѣ господствуетъ фатализмъ или детерминизмъ, тогда воля слабѣетъ и лю-

ди подчиняются обстоятельствамъ, теряя силы для борьбы. Въ такое время процвѣтаетъ романъ. Во время-же подъема духа націи или индивидуума, появляются стремленія къ борьбѣ; это стремленіе не можетъ быть иначе, какъ при условіяхъ увѣренности свободы воли и желанія: умѣть хотѣть, «*Savoir vouloir*».

— Всѣ отстаиваютъ свою свободу, свою независимость, начиная съ націи и кончая каждымъ индивидомъ. Спускаясь по лѣстницѣ животнаго міра, то же самое видимъ и у всего живущаго на земномъ шарѣ. Націи воюютъ между собою, люди также. На западѣ борьба партій и рабочихъ съ буржуазіей или капитала съ трудомъ, у насъ тайно враждуютъ всѣ противъ всѣхъ, а главная характеристика времени это—борьба интеллигенціи съ властью. Орудіе первой—распространеніе образованія въ народѣ; вторая, т. е. власть, воздвигаетъ всевозможныя преграды для осуществленія стремленій интеллигенціи, употребляя, при случаѣ, и тайныя и явныя угрозы, въ видѣ шпіонства, доносовъ и вооруженной силы.

11 мая.

Ничего не хочется дѣлать! Природа, небо, теплота располагаютъ къ лѣни и къ безсознательному прозябанію. Привезена масса книгъ и я не знаю, когда примусь за нихъ. Начала Чернышевскаго читать; его «Критическія статьи» *). Между прочимъ, читаю въ настоящее время разборъ романовъ Авдѣева. Критическія статьи Чернышевскаго помѣщались въ «Современникѣ» въ 1854—1861 гг. почти 35 лѣтъ назадъ. Я тогда еще была юна и, конечно, не знала о существованіи не только журнала, но и Чернышевскаго. Романы Авдѣева въ 60-хъ г. я читала и восхищалась, въ особенности «Тамаринымъ». Что же оказывается? Романъ «Тамаринъ» есть ни что иное, какъ подражаніе «Герою нашего времени» Лермонтова.

— Нѣкоторыя, такъ называемыя любящія матери думаютъ, что онѣ исполняютъ свое назначеніе, опекая своего ребенка во всѣхъ его мысляхъ и движеніяхъ, не давая ему вздохнуть свободно, безъ любящаго окрика. Все это дѣлается съ любовью, но эта опека убиваетъ всякую самостоятельность. Не люди выходятъ отъ этого воспитанія, а маріонетки, если такія дѣти не обладаютъ пытливымъ умомъ и здравымъ смысломъ отъ природы. При послѣднихъ условіяхъ они вырываются изъ такой опеки по достиженіи извѣстнаго возраста и проклинаютъ своихъ опекуновъ, убивавшихъ въ раннемъ дѣтствѣ ихъ самостоятельность. Много говорятъ объ этомъ всѣ педагогическіе журналы, но какъ мало

*) Въ началѣ 1890-хъ годовъ впервые было разрѣшено издать нѣкоторыя сочиненія Н. Г. Чернышевскаго въ Россіи, послѣ долгаго запрета, но безъ имени автора, лишь съ указаніемъ, что книги—изданіе М. Н. Чернышевскаго (сына Н. Г—ча Чернышевскаго).

проникаютъ эти изданія въ общество и какъ мало интересуются ими родители.

— Читаю Чернышевскаго и все удивляюсь, что все это давно мнѣ знакомо, т. е. не сочиненія Чернышевскаго, критическія статьи котораго я не читала, а его мысли, взгляды. Все это такъ извѣстно мнѣ, какъ будто я выражаю свои мысли или повторяю ихъ при чтеніи. Быть можетъ, это потому такъ, что мысли и взгляды Чернышевскаго проникли въ общество и, въ особенности молодежь того времени, и задѣли меня. Иногда трудно бываетъ сказать, откуда взялись тѣ или другія убѣжденія; настолько все смѣшивается въ общее цѣлое, что, нерѣдко, многіе убѣждены, что все это «свое».

— Мысли Чернышевскаго о вліяніи общества на отдѣльнаго человѣка совершенно вѣрны. Тѣ мысли, понятія, традиціи, которыя бродятъ въ обществѣ отражаются и на отдѣльной личности. Нѣтъ общественныхъ интересовъ, нѣтъ общественной дѣятельности—люди вступаютъ въ пошлость, окутываются обыденными мелочами жизни, и общій духъ этой пошлости, дрязгъ, сплетень ложится на нихъ особымъ отпечаткомъ. Малѣйшее столкновеніе съ чѣмъ нибудь серьезнымъ и рѣшительнымъ пугаетъ ихъ, и они отступаютъ, поддаваясь трусости и привычкѣ къ мелочамъ. Вліяніе отдѣльныхъ личностей на общество всегда бываетъ исключеніемъ, такъ какъ вліяютъ въ такихъ случаяхъ только геніи, а ихъ немного; тогда какъ общество всегда затягиваетъ въ свою тину индивида. Каждое сословіе имѣетъ свои взгляды, традиціи, которыми оно живетъ и которое передаетъ своимъ потомкамъ. Вырваться могутъ, кромѣ великихъ людей и геніевъ, еще люди сильные, смѣлые, энергическіе, но и такихъ сравнительно немного. Большинство же дюжинныхъ и заурядныхъ людей плывутъ по теченію, какъ-бы ни былъ грязенъ потокъ, влекущій всѣхъ по одному направленію.

12 мая.

Какъ прекрасно очерчиваетъ произведенія и талантъ графа Л. Н. Толстого Чернышевскій. Въ то время это были произведенія еще молодого только что начинающаго писателя. Его разсказы «Дѣтство и Отрочество», «Военные разсказы», «Записки маркера», «Два гусара» возбудили столько мыслей, столько восторга его талантомъ у Чернышевскаго. Всѣ эти произведенія появились въ 50-хъ годахъ. Интересно онъ опредѣляетъ, въ чемъ именно заключается прелесть его произведеній. Съ одной стороны онъ видитъ необыкновенную способность къ психическому анализу графа, который, обладая даромъ наблюденія, занимается не результатомъ психическихъ чувствъ, а особенно самымъ процессомъ душевныхъ движеній, возникновенія мыслей и сцѣпленія ихъ въ

цѣломъ рядѣ звеньевъ между собою; такую способность, по мнѣнію Чернышевскаго, можно пріобрѣсти лишь черезъ посредство самонаблюденія, рядомъ съ наблюденіями надъ другими людьми. Съ другой стороны Чернышевскій говоритъ о необыкновенной чистотѣ нравственнаго чувства графа Толстого, чисто юношеской, которая ни чѣмъ не омрачилась, а напротивъ сохранилась и выразилась въ его произведеніяхъ. Эта не та чистота, которая пріобрѣтается цѣною страданій въ жизни, опыта, когда человѣкъ или падаетъ или возвышается, нравственно очищаясь и сознавая тотъ процессъ очищенія. Чистота нравственная графа Толстого вполнѣ непосредственная, юношеская, чистая, какъ мечта.

— Въ своемъ имѣніи «Ясная Поляна» графъ Толстой основалъ школу, при которой издавалъ педагогическій журналъ подъ названіемъ «Ясная Поляна». Изданіе журнала относится къ 1862 году. Разбирая этотъ журналъ и книжки, издающіяся при немъ, Чернышевскій касается многихъ статей, авторы которыхъ говорятъ о противодѣйствіи самихъ крестьянъ обученію грамотѣ дѣтей. Чернышевскій возмущается этимъ: противодѣйствіе, по его мнѣнію, не можетъ быть возведено въ правило, а представляетъ только исключеніе. При всякомъ нововведеніи всегда и вездѣ возникали споры двухъ партій, консервативной и прогрессивной. То и другое начало существуетъ въ людяхъ на основаніи психологическаго свойства человѣка подчиняться силѣ привычки или стремиться къ желанію улучшеній. Всѣ нововведенія, реформы законодательства у насъ и на Западѣ всѣ подвергались спорамъ и обсужденіямъ на основаніи вышеназванныхъ началъ: люди привыкшіе къ настоящему не желали измѣнять его, не зная лучшаго въ будущемъ и не довѣряя этому будущему. Прогрессисты наоборотъ ждали улучшенія отъ тѣхъ или другихъ реформъ. Эти начала существуютъ у всѣхъ людей націи и во всѣхъ сословіяхъ, выражаясь, какъ въ серьезномъ, такъ и въ мелочахъ обыденной жизни. Кромѣ того, прогрессисты и консерваторы могутъ быть различаемы и по возрасту человѣческой жизни; въ молодости всегда появляются стремленія къ лучшему; сила привычки не успѣла пустить глубокихъ корней. Жажда новаго лучшаго есть особенность молодости. Консерватизмъ или сила привычки—принадлежность пожившихъ людей или старыхъ, жаждущихъ покоя.

Въ журналѣ «Ясная Поляна» описывается и постановка народной школы, основанной графомъ Толстымъ. Въ школѣ отсутствуетъ дисциплина, награды, наказанія: все построено на интересѣ къ ученію и на полной свободѣ дѣтей въ отношеніяхъ къ учителю и между собою. Это описаніе относится къ 1862 году.

— Въ томъ-же журналѣ «Ясная Поляна» помѣщены статьи о пользѣ и вредѣ грамотности въ Россіи. Чернышевскій, цитируя эти статьи,

удивляется, какъ можно говоритъ объ этомъ. Никакихъ даже споровъ не должно быть по этому вопросу. Польза—основаніе (существованія) народныхъ школъ...

Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ 1862 году подымались споры о вредѣ грамотности. Дѣло народнаго обученія еще было только въ зародышѣ и сила привычки (къ безграмотности) могла породить такіе споры. Но что бы сказалъ Чернышевскій, если-бы онъ зналъ, что и черезъ 32 года возникаютъ споры о вредѣ или полезности грамотности. «*Московскія Вѣдомости*« и «*Гражданинъ*» не разъ поднимали эти вопросы. Чернышевскій скончался не болѣе 3-хъ, 4-хъ лѣтъ назадъ *). Несомнѣнно, онъ слышалъ и читалъ эти прискорбные споры и софизмы противъ образованія вообще, а народнаго въ особенности.

— Печальное явленіе! Сегодня въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» (1894 г. 12-го мая № 129) помѣщенъ отчетъ публичной читальни Островскаго въ Москвѣ 1893 г. По отчету читальни видно, что число читающихъ сократилось противъ 1892 г. на очень значительное количество. Причину сокращенія читателей видятъ въ томъ, что въ этомъ году читальня не выписывала журналы, почему студенты и вообще учащаяся молодежь прекратила посѣщенія читальни. Читальня Островскаго безплатная, слѣдовательно и неимущіе студенты лишены возможности пользоваться журналами, въ родѣ «*Русской Мысли*» и тому подобныхъ журналовъ. Какіе-бы то ни было комментаріи излишни. Печальное явленіе времени!

— Статья г. Джаншіева по поводу 20-ти-лѣтія установленія всеобщей воинской повинности («*Русскія Вѣдомости*» № 129, 12-го мая) указываетъ на дѣятельное участіе въ осуществленіи этого закона графа Милютина и на преграды многихъ вліятельныхъ лицъ, не признававшихъ цѣлесообразности этого нововведенія и видѣвшихъ вредъ соединенія сословій въ военномъ дѣлѣ. Дворяне не желали видѣть своихъ сыновей въ одной службѣ съ мужиками, купцы горевали о томъ, что при ихъ капиталахъ, они не могутъ освободиться отъ тяжелой и непріятной для нихъ повинности. Льготы по образованію имѣли значительную силу въ отбываніи воинской повинности. Въ настоящее время черезъ 20 лѣтъ многія льготы уже отмѣнены, и образованію не придается столько значенія, какъ прежде, при обнародованіи закона о воинской повинности.

13 мая.

Холодъ, дождикъ послѣ 30°/₀ жары. Измѣненіе температуры слишкомъ рѣзкое: вчера въ тѣни было 21°/₀, сегодня 6°/₀. Непріятно и грустно

*) Н. Г. Чернышевскій умеръ 17 октября 1889 г. въ Саратовѣ.

на душѣ. Несомнѣнно, что погода вліяетъ на состояніе духа человѣка. Яркій свѣтъ солнца, тепло располагаютъ къ веселому настроенію, дождикъ и холодъ—къ унынію и тоскѣ.

Вліяніе музыки на меня всегда грустное, угнетающее. Мысль засыпаетъ, а всплываетъ чувство, которое держитъ меня, отстраняя всякую дѣйствительность. Чувство это ни то пріятное, ни то безотчетное, трудно опредѣлить. Дѣлать что-либо въ это время невозможно. Сейчасъ играетъ М., а я сижу въ безсознательномъ грустномъ состояніи и пишу подъ музыку. И въ концѣ-концовъ чувствую, что я зарыдаю. О чемъ, почему? Не знаю. Мнѣ кажется, что музыка не можетъ возбуждать къ злому. Какъ-бы ни былъ дурно настроенъ человѣкъ, музыка обязательно навѣетъ на него бодрое, хорошее чувство, мягкое или безотчетную грусть. Веселая музыка настроитъ на веселье, на радость. И это все будетъ также безотчетно.

14 мая.

— Несомнѣнно, что связь физіологіи съ психологіею слишкомъ сильна, чтобы можно было-бы не замѣтить ее во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни. Малѣйшее недомоганіе отражается на психическомъ мірѣ внутренней жизни нашей. Тяжелое гнетущее настроеніе духа, потеря энергіи, слабость общая, вялость замѣчаются при малѣйшей ненормальности общей дѣятельности организма. Съ начала вѣковъ много было всевозможныхъ предположеній, что такое духъ. Въ древнія времена духъ отдѣляли отъ тѣла, теперь съ прогрессомъ науки подобное предположеніе теряетъ всякую почву. Общія наблюденія и самонаблюденіе привели къ другому предположенію, болѣе вѣрному и осязательному, такъ какъ оно основано на опытѣ, хотя и этотъ опытъ гадательный, но все же онъ менѣе отвлеченный, чѣмъ первый.

— Удивительно хорошее впечатлѣніе производятъ критическія статьи Чернышевскаго. Смягчаютъ сердце и умиротворяютъ. Доискивайтесь во всемъ причины; ничто не бываетъ безъ причинъ, ищите историческое начало во всякомъ фактѣ! Всматривайтесь глубже въ человѣка. Вотъ что говоритъ Чернышевскій. Найдете причины и будете снисходительнѣе относиться къ людямъ и больше помогать имъ и предотвращать ихъ неудачи путемъ образованія, которое, по нашему мнѣнію и по мнѣнію всякаго здравомыслящаго человѣка, одно можетъ уничтожить или уменьшить ряды дюжинныхъ людей, которые поступаютъ вездѣ и во всемъ «какъ заведено». Вселите въ нихъ образованіемъ смѣлость и способность къ личной иниціативѣ. А для этого нужна самоувѣренность въ дѣйствіяхъ, основанная на образованіи, на добытыхъ знаніяхъ. Разъ я ничего не знаю, то, несомнѣнно, буду поступать, какъ всѣ, «какъ заве-

дено». И какъ часто слышишь это правило только въ другихъ выраженіяхъ въ родѣ того, «споконъ вѣку такъ было». Иногда говорятъ: «всѣ такъ дѣлаютъ, иначе неприлично». И кто только избавленъ отъ этого гнета общественнаго? Никто, рѣшительно никто.

15 мая.

Холодно, неуютно на душѣ. Одиночество совсѣмъ истомило меня. Быть можетъ, всѣ люди чувствуютъ то же, что и я. Гюи де Мопассанъ говорилъ, что всѣ люди одиноки потому, что нѣтъ но одного человѣка, похожаго одинъ на другого. Можетъ быть, это и такъ. Пусто на душѣ! Нѣтъ ничего въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Что предстоитъ въ будущемъ. Еще болѣе жестокое одиночество, чѣмъ въ настощее время. Теперь, вокругъ меня раздается веселый смѣхъ, шутки, говоръ. Молодое жизнерадостное веселье оживляетъ меня. Наступитъ пора, когда Оля покинетъ меня, и тогда уже я и фактически буду одна и нравственно. И потекутъ мои дни уныло и однообразно, пока не наступитъ полное забвенье...

— Прочла одинъ томъ сочиненій Чернышевскаго. Хотѣла приняться для разнообразія за соч. Смайльса «Характеръ», «Умъ и Энергія». Боже, какъ это все мнѣ извѣстно и какъ скверно переведено. Какія торжественныя выраженія и фразы! Взяла «Очерки Гоголевскаго періода» Чернышевскаго. Хотя всѣ его сочиненія написаны болѣе 35 лѣтъ назадъ, но въ нихъ много интересныхъ мыслей, смѣлыхъ выводовъ и сопоставленій и заключеній.

— Мелкій осенній дождикъ мороситъ на дворѣ и вся иллюзія пропала. Нѣтъ весны, наступила словно осень. Скучно, небо сѣрое и на душѣ сырая мгла. Однообразіе во всемъ: сегодня, какъ вчера, вчера, какъ сегодня. Капли дождя мѣрно падаютъ подъ окномъ. Сумрачно послѣ чудной, лѣтней погоды, посѣтившей насъ на весь почти апрѣль и половину мая. Ландыши, сирень зацвѣли и, вдругъ, въ ночь на 13-е мая грянулъ морозъ. Температура воздуха ночью была на 1% выше нуля. Это послѣ 30% жары и дивныхъ вечеровъ.

16 мая.

Насколько физіологія зависитъ отъ психологіи въ жизни человѣка и обратно, можно уже видѣть изъ того, что малѣйшіе пустяки, какъ напримѣръ, мои нарывы, посѣщающіе два раза въ мѣсяцъ, вліяютъ на мою психику. Вчера вечеромъ былъ полнѣйшій упадокъ силъ духовныхъ; сегодня снова подъемъ духа. Ночью разрѣшился нарывъ и мнѣ лучше; нѣтъ жара, озноба, и я здорова. Не даромъ въ древнія времена мудрецы говорили: «въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ».

Погода сегодня ужасная: дождикъ, холодъ, сумракъ и все-таки на душѣ не такъ тяжело, какъ вчера. Хочется читать, писать и работать. Тянетъ впередъ и впередъ!

17 мая.

Мороситъ мелкая дождевая пыль, орошая деревья. Уныло кричатъ галки. Иногда зальются вдали птички и крикнетъ кукушка и снова все смолкнетъ. Небо сѣрое, сумрачное. Вотъ уже три дня, какъ не проглядывало солнце на небосклонѣ. Солнце—синонимъ весны; безъ него осень, сумракъ и давящее свинцовое небо. Въ воздухѣ тепло и влажно; запахъ душистой смолы разливается по нашему саду, врываясь въ комнаты, въ открытыя окна. Легкій вѣтерокъ порхаетъ по листьямъ, раскачивая вѣтки ели, сосны и березы. Жаль, что я не художница и никогда не занималась даже фотографіей. Сколько можно было-бы нарисовать или снять разнообразныхъ картинъ деревьевъ, безпорядочно и красиво расположенныхъ вокругъ дома! Темная и свѣтлая зелень чередуется въ красивыхъ очертаніяхъ и сочетаніяхъ. Запечатлѣть въ памяти кой-что возможно только на опредѣленное время, а потомъ и эти картины сгладятся и все исчезнетъ въ общемъ хаосѣ впечатлѣній.

Горько, очень горько—находиться всегда во власти чужихъ прегрѣшеній. Вычищать, исправлять прегрѣшенія своихъ дѣтей есть удѣлъ любящихъ матерей, посвятившихъ свою жизнь дѣтямъ. Нелюбящія матери этого не испытываютъ, тѣ живутъ эгоистично только для себя. Любящимъ матерямъ нѣтъ пощады ни въ чемъ; онѣ должны поступаться всѣмъ, своимъ самолюбіемъ, своимъ личнымъ достоинствомъ; однимъ словомъ всѣмъ и матеріально, и нравственно. Весь міръ духовный не спасенъ отъ жертвъ въ пользу дѣтей. А онѣ, эти матери, что должны онѣ дѣлать? Молчать и молчать и терпѣливо нести свой крестъ, чтобы на склонѣ дней своихъ ожидать отъ дѣтей, иногда, ласки. Ласка, ласка! О какое чудное магическое слово! Всѣ ли испытываютъ это чувство? О нѣтъ. Конечно, нѣтъ. А какъ сильна жажда ласки у всѣхъ людей. Разница только въ томъ, что одни высказываютъ и показываютъ эту жажду, другіе тщательно скрываютъ и гордо съ презрѣніемъ заявляютъ, что имъ не нужно ласки людской. Это неправда. Ласка всѣмъ нужна. Но нѣтъ ея и взять негдѣ! Дѣти даютъ ласку любящимъ матерямъ, пока не обзаведутся своими семьями и не перенесутъ туда все, что имѣютъ въ душѣ своей, а любящія матери отживаютъ въ сторонѣ свой вѣкъ. Зачѣмъ имъ ласки, нѣжность, онѣ стары, а кому нужны старые люди. Никому, ровно никому!

Слезы, слезы, облегчите меня, мою душу, снимите тяжесть, упавшую на грудь мою!

— Льются звуки музыки и плачутъ, и ропщутъ, и негодуютъ, и просятъ пощады, и любви, и шепчутъ эти звуки сладкія слова примиренія... Чего, чего не слышу я въ этихъ звукахъ, а въ саду поютъ птицы въ нѣсколько голосовъ, стараясь перекричать своимъ пѣніемъ звуки фортепіано. Дождь не перестаетъ: мороситъ, какъ изъ рѣшета. Птицы не смолкаютъ. Весна!. Онѣ исполняютъ законъ природы: плодятся и множатся, не зная другихъ заботъ.

Вершина высокой ели, стоящей передъ моимъ окномъ, гордо держитъ свою главу надъ всѣми деревьями ниже стоящими. Горделиво качаетъ своими вѣтвями эта ель, и на каждомъ сучкѣ остановилась капля дождя, чистая, какъ кристалъ. Капля падаетъ на землю, а другая собирается и останавливается, пока не спадетъ и эта, и такъ безъ конца. Небольшія липы и кустики глядятъ на высокую ель, думая дорости до нея, но когда это будетъ? Долго, долго ждать!

18 мая.

Волненіе вчерашняго дня отразилось на моемъ организмѣ. Все болитъ сегодня: руки, ноги, голова. Общее недомоганіе такъ и разливается по всему организму. Скверное состояніе! Погода сегодня лучше: не льетъ дождикъ безпрерывно, какъ вчера.

— В. Модестовъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Значеніе любимаго писателя» («*Новости*» № 134, 17-го мая) совѣтуетъ всѣмъ избрать любимаго писателя и въ минуты унынія и скорби отъ жизненной гадости искать утѣшенія въ чтеніи этого писателя, замѣняя тѣмъ общеніе съ нимъ. Прежде всего, эта опора, это утѣшеніе всегда будетъ съ лицомъ, избравшимъ писателя, и никто не можетъ разлучить съ нимъ, съ этимъ истиннымъ, вѣрнымъ и надежнымъ другомъ! Съ этимъ нельзя не согласиться, и многіе, очень многіе испытываютъ это чувство, если не въ лицѣ одного писателя, то въ бесѣдѣ вообще съ избранными книгами, подходящими и соотвѣтствующими направленію ума, характера, существующему складу убѣжденій. Это молчаливое общеніе съ писателями ободряетъ подтвержденіемъ излюбленныхъ мыслей, идей, и человѣкъ успокоивается и избавляется отъ надоѣдливаго жужжанія комара пустой обыденной пошлости жизни.

Модестовъ указываетъ на свое общеніе съ любимымъ писателемъ, которымъ былъ историкъ Тацитъ.

21 мая.

Чернышевскій говоритъ, что люди, утомленные жизнью и скучающіе съ людьми, съ двойной силой привязываются къ природѣ. Эта мысль очень вѣрна. Душа не находитъ удовлетворенія въ окружающемъ и стре-

мится къ наслажденію въ отвлеченномъ. Въ юности я не умѣла наслаждаться природой, я не понимала и не испытывала той радости, того удовлетворенія, которое, нерѣдко, наполняетъ меня въ настоящее время. Я забываюсь въ эти минуты и получаю духовное удовлетвореніе и даже счастье. Если что и было въ молодости, то только въ зародышѣ, безсознательно. Нравилась та или другая картина нечаянно, вдругъ, и если можно такъ выразиться, невольно, непремѣнно въ соединеніи съ чѣмъ нибудь житейскимъ, связывалось по ассоціаціи идей съ пріятнымъ воспоминаніемъ. Теперь не то: привлекаютъ картины природы сами по себѣ...

— Въ майской книжкѣ «*Русской Мысли*» 1894 г. помѣщена публичная лекція В. Гольцева подъ заглавіемъ «А. П. Чеховъ. Опытъ литературной характеристики». Гольцевъ приводитъ въ своей лекціи нѣсколько мнѣній критиковъ настоящаго времени о Чеховѣ. Въ общемъ, всѣ они склоняются къ признанію въ Чеховѣ талантливаго беллетриста и художника-человѣка, который является защитникомъ сирыхъ, несчастныхъ и обездоленныхъ. В. Гольцевъ находитъ, что Чеховъ слишкомъ мало касается общественныхъ золъ въ своихъ произведеніяхъ, почему онъ и изъявляетъ желаніе видѣть въ немъ не только художника-человѣка, но и художника-гражданина.

Не знаю, быть можетъ, лекція Гольцева напечатана съ урѣзками вслѣдствіе цензурныхъ условій, но она мало производитъ впечатлѣнія и кажется слишкомъ блѣдной и слабой. Одно лишь останется въ моей головѣ, это—мнѣніе г. Гольцева о Чеховѣ, и что это мнѣніе не дурное. Это общее, но частности, навѣрное, убѣгутъ, какъ бѣжитъ вода, налитая въ рѣшето. Рѣшето—моя голова, а вода—статья Гольцева.

— Сегодня получила очень пріятное письмо отъ сельскаго священника Московской губерніи В—го о результатахъ нашихъ дружныхъ съ нимъ усилій заставить читать народъ. Успѣхъ полный. Книгъ было куплено достаточное количество въ мартѣ мѣсяцѣ и за два мѣсяца эти книжки превратились отъ усиленнаго употребленія въ лапшу. Сначала читали дѣти-мальчики, потомъ пришли дѣвочки, наконецъ, потянулись за ними юноши, дѣвки, бабы, мужики и, наконецъ, самъ кабатчикъ зачиталъ, и не одинъ, а сталъ читать другимъ въ кабакѣ, т. е. своимъ посѣтителямъ. Дай Богъ, чтобы это дѣло продолжалось, и какъ-бы не нахлынули всевозможныя запрещенія, предупрежденія и т. далѣе.

Сколько добра могли-бы сдѣлать священники въ селахъ и деревняхъ, если-бы на крестьянъ они смотрѣли, какъ на настоящую паству, которую они должны просвѣщать, учить, а не обирать въ свою пользу всѣмъ, чѣмъ возможно. Оправданіе для священниковъ, конечно, есть. У нихъ семьи, нѣтъ опредѣленнаго положенія, но изъ этого ничего еще не слѣдуетъ. И у В—го большая семья, но онъ развитой человѣкъ, до-

статочно образованный, интересуется общественными дѣлами и желаетъ быть дѣйствительно пастыремъ своихъ духовныхъ овецъ. Пребываніе В—го въ селѣ считается не болѣе 4—5 мѣсяцевъ и результаты уже проявились: всѣ зачитали.

22 мая.

Полнѣйшее незнаніе природы! Вѣчная городская жизнь зимой. Лѣтомъ—предмѣстье Москвы, Петровскій паркъ составлялъ мое мѣстопребываніе. Долгіе, длинные годы продолжалось такимъ образомъ, за исключеніемъ поѣздокъ въ Крымъ, на Кавказъ. Подмосковныя дачи и тѣ отошли отъ меня со временъ моего дѣтства и юношества. Въ настоящее время, все удивляетъ меня. Я радуюсь на густыя ели, длинныя вѣтви которыхъ съ свѣтлозелеными кисточками напоминаютъ мнѣ темнозеленую бахрому, сотканную изъ синели съ шелковыми свѣтло-зелеными наконечностями, въ видѣ шарика. Словно дерево окутано такой широкой бахромой, которая въ красивомъ безпорядкѣ раскачивается отъ вѣтра.

Вчера я писала о значеніи сельскаго священника въ деревнѣ, сегодня прочла разсказъ Мамина-Сибиряка въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» (1894 г. № 139), подъ названіемъ «Ангелочки». Описываются ежедневные похороны массы грудныхъ младенцевъ, умирающихъ во время деревенской страды лѣтомъ, когда всѣ мужики и женщины находятся въ полѣ.

Въ разсказѣ описываются впечатлѣнія молодого священника, пріѣхавшаго изъ города на мѣсто въ село. Когда онъ ознакомился съ жизнью крестьянъ въ страдное время, когда бабы ежедневно массами приносили ему своихъ «упокойничковъ», онъ рѣшилъ не возвращаться болѣе въ городъ, а жить для крестьянъ, радоваться ихъ радости, и страдать ихъ скорбью. Ежедневно онъ говорилъ съ женою о своихъ планахъ для облегченія крестьянъ. Главное, чего онъ хотѣлъ начать, это—съ устройства яслей для ангелочковъ, чтобы не пропадало столько жизней безвинныхъ младенцевъ.

Давно мнѣ не приходилось читать ничего такого, что бы касалось именно этого вопроса. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ изъ журналовъ была напечатана повѣсть г. Потапенко «На дѣйствительной службѣ». Эта повѣсть представляла нѣчто подобное этому разсказу, но въ болѣе обширной формѣ, и широкихъ планахъ. Разсказы, какъ разсказъ Мамина-Сибиряка, напечатанные въ газетахъ, должны принести болѣе ощутительную пользу, они производятъ сильное впечатлѣніе.

23 мая.

Сегодня, читая петербургскія «*Новости*» (№ 138, отъ 21 мая) я встрѣтила статью г. Лукина, который подписывается XII, подъ назва-

ніемъ «Коленкоровая литература». Въ этой статьѣ разбирается книга Михаила Юрьева, псевдонима, подъ которымъ, какъ оказалось, по словамъ г. Лукина, скрывается имя купца, милліонера, торгующаго ситцемъ и подвизающагося на поприщѣ литературы и въ газетахъ. Въ какихъ, неизвѣстно. Боже, Боже! Какъ досталось этому купцу! Книга называется «Карлъ V и его время». Насколько справедливы историческія мнѣнія г. Юрьева, я судить не могу, не знаю его сочиненія и не считаю себя компетентной въ исторіи, но различныя вставки въ этой книгѣ, задѣвающія всѣхъ современныхъ критиковъ, ученыхъ, не только русскихъ, но и западныхъ, несомнѣнно производятъ впечатлѣніе вполнѣ неблагопріятное по нахальству высказанныхъ г. Юрьевымъ мнѣній.

Меня поразило не столько нахальство и брань г. Юрьева всѣхъ и вся, сколько ѣдкость г. Лукина. Чѣмъ она объясняется? Несомнѣнно, что онъ правъ во многомъ относительно купеческаго сословія: оно еще до сихъ поръ представляетъ темное царство, но въ его отзывахъ чувствуется слишкомъ рѣзкая субъективность, сильная личная ненависть, озлобленіе, и этимъ ослабляется впечатлѣніе отъ его статей противъ купцовъ. Читаешь статью г. Лукина и думаешь: «Какъ онъ обрадовался, что представился случай пощелкать купца, а съ нимъ вмѣстѣ и все сословіе!».

24 мая.

Что толковать о нравственномъ одиночествѣ въ 24 года! Вся жизнь впереди и одиночество можетъ замѣниться дружбой, любовью. Вотъ въ зрѣломъ возрастѣ пѣсня спѣта и ждать нечего. Опасенія и разсудочность, вѣчный анализъ всего окружающаго преобладаетъ надъ всѣмъ.

— Газеты пусты и безсодержательны. На третьей страницѣ начинаются уже объявленія. Многія повременныя изданія будутъ чрезвычайно довольны, если можно будетъ со 2-й страницы начинать печатать объявленія. Писать нечего, и читатель засыпаетъ, крѣпко спитъ все общество и пресса. Изданія книжныя тоже въ дремотѣ, словно въ «Робертѣ Дьяволѣ», когда Робертъ всѣхъ усыпляетъ, являясь къ Изабеллѣ. Долго-ли будетъ продолжаться подобное состояніе животнаго прозябанія? Кто-же усыпилъ насъ такъ крѣпко и продолжаетъ пѣть надъ нами колыбельную пѣсенку? Ужъ не *«Московскія-ли Вѣдомости»* со своимъ мѣрнымъ убаюкиваніемъ о томъ, что все обстоитъ благополучно. «Живите добрые граждане спокойно, плодитесь и множьтесь!».

25 мая.

Убійство и самоубійство на романической подкладкѣ въ Петербургѣ надѣлало много шуму. Всѣ газеты за неимѣніемъ матеріала бросились

развивать эту тему съ различными варіаціями. Убійца—молодая дѣвушка Ольга Палемъ—крещеная еврейка, она героиня, герой и убитый—г. Довнаръ. Молодые люди полюбили другъ друга, сошлись, потомъ начали ссориться, а потомъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что имъ надо разойтись. Однимъ словомъ: «Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu». Онъ умеръ, она умираетъ, но подаетъ надежды на выздоровленіе. Вотъ и все.

Нѣкоторыя газеты, какъ напр. петербургскія *«Новости»*, обратились къ женщинамъ съ просьбою написать свое мнѣніе по этому поводу. Многія написали и обвинили ее, нѣкоторыя его, а нѣкоторыя нашли корень зла въ воспитаніи, средѣ и наслѣдственности. Можетъ быть, послѣднія и правы. Наблюденія и опытъ показываютъ, что двѣ стороны, соединившія себя любовными узами, никогда не находятся въ полномъ равновѣсіи въ своемъ чувствѣ; одна сторона любитъ, а другая позволяетъ себя любить. Большею частью любящая сторона—женщина, а дозволяющая себя любить—мужчина. При возникновеніи чувства, всѣ симптомы любви на сторонѣ мужчины. Страсть кипитъ въ немъ, бушуетъ, онъ увлекается, любитъ и этими порывами любви увлекаетъ и женщину. Становясь женою, уже она обращается въ любящую сторону, а онъ, удовлетворивъ свои порывы страсти, охладѣваетъ и дозволяетъ себя любить, въ силу, пожалуй, привычки, семейныхъ связей, приличія, общественнаго мнѣнія и проч. Большинство женщинъ покоряются своей участи; однѣ плачутъ, стонутъ, дѣлаютъ мужьямъ или любовникамъ сцены, обвиняютъ ихъ въ охлажденіи; другія всѣ силы своей души направляютъ на дѣтей; третьи заболѣваютъ, а нѣкоторыя даже и умираютъ. А къ 4-й категоріи принадлежатъ такія, какъ Ольга Палемъ. Она не могла отрѣшиться отъ своей любви и въ минуту аффекта или самозабвенія она рѣшается на убійство и самоубійство. Месть женщины. Она вѣрила ему, она любила и разстаться съ этимъ чувствомъ не можетъ безъ борьбы. Такая самоотверженная и безумная любовь надоѣдаетъ мужчинамъ и такія женщины въ глазахъ ихъ подвергаются насмѣшкамъ и. т. д., и. т. д. Выигрываютъ лишь тѣ, которыя сами не любятъ, а позволяютъ себя любить.

Мораль сей басни такова: или люби и страдай, или не люби совсѣмъ и показывай, что любишь, или-же люби и тщательно скрывай свою любовь.

26 мая.

Люди, живущіе подъ вліяніемъ минуты, интересные, пожалуй, люди, но многое зависитъ отъ среды, въ которой они живутъ. Если съ ними ласковы, то нерѣдко они забываются и позволяютъ себѣ слишкомъ силь-

но проявлять свои порывы и, тѣмъ самымъ, оскорблять другихъ. При другихъ условіяхъ, ихъ искренность и непосредственность очень симпатичны, если все направлено въ хорошую сторону. Иначе все гибнетъ для нихъ самихъ, такъ и для окружающихъ. Очертя голову бросаются они въ пучину и влекутъ за собой и другихъ въ силу обстоятельствъ, семейныхъ связей и проч., проч.

27 мая.

Какимъ холодомъ вѣетъ отъ людей. Я, иногда, теряюсь въ догадкахъ, почему это такъ. Все какъ будто и ничего, когда отношенія завязываются на интересахъ хозяйственной или обыденной жизни. Какъ только выйдешь изъ этого круга, какъ холодный тонъ, и начинаются изреканія истинъ, давно всѣмъ извѣстныхъ. «Скучно и грустно и некому руку подать».

Что же ныть объ одиночествѣ? Должно-быть и всѣ такъ живутъ люди, сродные мнѣ по характеру, обстоятельствамъ сложившейся жизни и по духу убѣжденій и взглядовъ.

Дни текутъ однообразно. Всегда въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ я скучаю. Занятія не спорятся; сказывается утомленіе зимы, а безъ занятій скучно, а порою и тяжело. Всплываетъ въ памяти все прошлое, горькое, глупое; прозябаніе настоящаго давитъ, а въ будущемъ представляется безплодная пустота, съ добавленіемъ, пожалуй, какой нибудь хронической болѣзни, которая поведетъ въ могилу. Начнется, конечно, сопротивленіе, борьба жизни съ смертью, съ помощью докторовъ, а конецъ одинъ—смерть, какъ ни борись.

— Кто-же объ этомъ споритъ, что одна природа не можетъ замѣнить людей, но что-же дѣлать, когда нѣтъ ихъ, а если и есть, то это—люди скучные и извѣданные, какъ прочитанная книга. Какую страницу ни открой—все знакомо, все извѣстно! Природа не можетъ быть такъ извѣдана, какъ человѣкъ, живущій подъ однимъ кровомъ; одна и та же картина природы, смотря по освѣщенію, мѣняется не только ежедневно, но и ежечасно, съ какой стороны взглянуть на нее. Одно небо, какое разнообразіе формъ и красокъ въ вѣчно измѣнчивыхъ облакахъ, тихо плывущихъ по своду небесному. Люди также интересны по своему разнообразію типовъ, но они не могутъ мѣняться предъ глазами, какъ камни въ калейдоскопѣ.

29 мая.

Система воспитанія и образованія Эразма Роттердамскаго («*Сѣверный Вѣстникъ*» 1894 г. № 3. Статья профессора Шепелевича. «Первый публицистъ въ Европѣ»).

Первоначальное обученіе должно начинаться, по мнѣнію Эразма, съ ранняго дѣтства. Руководитель наставникъ или учитель долженъ обладать мягкостью въ обращеніи, кротостью и педагогическимъ тактомъ. «Надо учить ребенка, говоритъ Эразмъ, исподволь и, выбирая образцовыя произведенія, примѣняться къ возрасту, который болѣе любитъ удовольствія, чѣмъ тонкости. Надо искусно стараться сдѣлать изъ обученія игру, а не утомленіе. Учителя должны быть любимы учениками. Это первый шагъ къ успѣшному обученію. Любя учителя, ученикъ полюбить и предметъ». Чтобы успѣшно вліять на дѣтей, Эразмъ рекомендуетъ ровное и ласковое обращеніе, поощреніе самолюбія, развитіе чувства стыда и категорически отрицаетъ тѣлесныя наказанія. «Если ребенка можно заставить учиться лишь съ помощью розогъ, то лучше отправить его на мельницу или обучать ремеслу». Свои взгляды на обученіе наукамъ Эразмъ попытался систематически изложить въ руководствѣ для учителей «о способахъ преподаванія». Обученіе по Эразму слѣдуетъ начинать съ языковъ, къ которымъ у дѣтей особенная способность. Затѣмъ читать съ ними басни и сказочные разсказы, отличающіеся образцовымъ слогомъ; потомъ перейти къ музыкѣ, ариѳметикѣ и географіи. Свѣдѣнія по зоологіи и ботаникѣ должны быть сообщаемы при помощи рисунковъ.

— Всѣ эти мнѣнія высказывались Эразмомъ Роттердамскимъ въ XVI вѣкѣ, а мы живемъ въ концѣ XIX вѣка и поднимается вопросъ о пользѣ тѣлеснаго наказанія, конечно, только въ Россіи и княземъ Мещерскимъ въ его изданіи «Гражданинъ».

30 мая.

Съ утра встала, а слезы такъ и подступаютъ. М. М. говоритъ, что она одинока. Боже, что же я должна сказать про себя! Ей 54 года и у нея есть мужъ, который ее любитъ и всѣмъ готовъ для нея пожертвовать. Должно-быть, это одиночество она видитъ въ томъ, что дѣти не близки съ ней. Такъ и должно быть; она давно его любила, и всѣ помыслы сосредоточивались на немъ одномъ. Для дѣтей былъ лишь долгъ, а для мужа чувство, а дѣти почувствовали это и оцѣниваютъ мать состороны долга и только, тѣмъ болѣе, что этотъ мужъ не отецъ ихъ.

И это называютъ одиночествомъ, когда на склонѣ дней есть человѣкъ, другъ, которому близка, дорога, а у меня никого нѣтъ. Я одна, одна и одна. Ну, довольно распускать себя!

— Какъ надоѣли, однако, эти письма женщинъ, подъ названіемъ: «Судъ женщинъ», помѣщаемыя въ «*Новостяхъ*» по поводу трагедіи г. Довнаръ и г-жи Палемъ. Нечего писать въ газетахъ, вотъ и помѣщаютъ письма дамъ, желающихъ видѣть свои слова напечатанными въ газе-

тахъ. Именно слова, такъ какъ дѣйствительно судить о такихъ предметахъ нужно быть не только образованной, но и ученой, да и то не всегда можно разобраться въ такихъ фактахъ современной жизни, которые имѣютъ свое начало въ душевномъ строѣ человѣка, наслѣдственности и проч., что далеко еще не изслѣдовано наукой. Судятъ обыкновенно все по фактамъ, не вникая въ причины, по которымъ человѣкъ, быть можетъ, и не могъ не поступить такъ, какъ онъ и поступилъ въ данную минуту. Душевный міръ человѣка такъ сложенъ и такъ великъ, что и самъ онъ не всегда сознаетъ мотивы своихъ поступковъ. Самонаблюденія могутъ, положимъ, оказать большую услугу въ изслѣдованіи дѣятельности нашей души, но для этого нуженъ интересъ, самоуглубленіе и орудіе, въ формѣ образованія, широкаго развитія, серьезнаго мышленія и привычка къ послѣднему. Но обладаютъ ли этимъ женщины, тѣ именно, которыя пишутъ (эти письма); навѣрное, нѣтъ!

1 іюня.

Статьи Лукина въ «*Новостяхъ*» подъ названіемъ «Коленкоровая литература» гвоздятъ мой мозгъ. Названіе своихъ статей г. Лукинъ опредѣлилъ такъ потому, что разбираемыя имъ книги написаны фабрикантомъ ситцевъ Морозовымъ подъ псевдонимомъ Михаила Юрьева. Несомнѣнно, г. Морозовъ стоитъ быть осмѣяннымъ за свои историческія произведенія, какъ нахалъ. Но зачѣмъ-же примѣшивать сюда производство коленкора и начинать первую статью глумленіемъ надъ всѣми купцами, что они двинулись въ область литературы, мысли, искусства и меценатства? Неужели, по мнѣнію г. Лукина, эта каста купечества никогда не должна выходить изъ своихъ рамокъ «Темнаго царства»? Развѣ дѣйствительное образованіе и развитіе не можетъ двинуть эту темную силу на что-либо полезное для своего отечества? Развѣ тяготѣетъ проклятіе надъ ними? Надъ этимъ сословіемъ тяготѣетъ, по моему мнѣнію, одно пятно, это—недостатокъ настоящаго образованія и развитія дѣйствительно. За послѣднее 25-тилѣтіе все же свѣтъ, хотя неяснымъ лучемъ, проникъ въ эту тьму кромѣшную. Одно уже можетъ служить доказательствомъ этого просвѣтленія, это—стремленіе благотворительствовать на пользу искусствъ и наукъ. Пусть это будетъ также тщеславіе, но во всякомъ случаѣ это тщеславіе выше литья колоколовъ и пожертвованій серебра и злата на украшеніе храмовъ. Появленіе такихъ историковъ и ученыхъ, какъ Михаилъ Юрьевъ, имѣетъ также свою хорошую сторону, это—стремленіе тщеславія и честолюбія на научный путь, но не на битье зеркалъ и проч., и проч. Вреда такой господинъ, какъ г. Юрьевъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ исторіи, конечно, сдѣлать не мо-

жетъ, такъ какъ всегда настоящіе ученые историки не допустятъ до искаженія научныхъ данныхъ.

2 іюня.

Барометръ падаетъ. Воздухъ тяжелый. Дождь льетъ, не переставая. Въ саду такъ сыро, такъ трудно двигаться по дорожкамъ. Живемъ въ Пушкинѣ, втроемъ, тихо и однообразно. Я, Оля и Ал. М. сидимъ по своимъ комнатамъ, пишемъ, читаемъ и играемъ въ двѣ и четыре руки. Дождикъ разобщаетъ насъ съ людьми.

— (*«Новости»*, 1894 г., № 149). Въ этомъ № помѣщена интересная статья Леонида Е. Оболенскаго, подъ заглавіемъ «Искусство—какъ соціальная влюбленность. Это оригинальное опредѣленіе ускусства принадлежитъ Тарду, который сказалъ: «l'art c' est l' amour social».

Оболенскій, развивая эту мысль, указываетъ массу примѣровъ того, что общество способно коллективно влюбляться въ различныя произведенія художественнаго творчества, напр., Шекспира, Байрона, Гете, Гейне и другихъ. Чувство наше къ этимъ художникамъ напоминаетъ чувство влюбленныхъ, они при встрѣчѣ съ любимымъ существомъ наслаждаются его рѣчами, запоминаютъ выраженія, каждый оттѣнокъ, чтобы впослѣдствіи повторять и вспоминать все сказанное.

Дѣйствительно, это вѣрно. Далѣе авторъ говоритъ, что мы, несмотря на наше поклоненіе великимъ художникамъ, постоянно стремимся къ новымъ впечатлѣніямъ, читаемъ произведенія другихъ писателей, посѣщаемъ ежегодныя художественныя выставки. Этимъ мы какъ бы измѣняемъ своимъ кумирамъ, но эта измѣна только временная. Послѣ всѣхъ попытокъ къ новымъ впечатлѣніямъ мы съ особеннымъ восторгомъ возвращаемся къ своимъ прежнимъ богамъ и восхваляемъ ихъ, любуемся ими. Говоря о чистомъ искусствѣ, Оболенскій доказываетъ, что вполнѣ чистое искусство едва-ли и можетъ быть, искусство по большей части сливается съ другими эмоціями моральными или общественными.

Художественно можетъ быть изображено и воспѣто, какъ добро, такъ и зло, почему и для художественныхъ произведеній нуженъ не только критикъ-эстетикъ, но и критикъ публицистъ.

4 іюня.

— Въ *«Новостяхъ»* (1894 г., № 150, 2 іюня), въ статьѣ Скабичевскаго «Литературная хроника» помѣщенъ разборъ статей М. Меньшикова подъ названіемъ «Думы о счастьѣ» (Книжки *«Недѣли»*, 1894 г., №№ 3, 4, 5), Меньшиковъ говоритъ въ началѣ своей статьи, что счастье зависитъ отъ индивидуальной жизни человѣка. Достаточно, по его мнѣ-

нію, человѣку въ городѣ или въ деревнѣ собрать около себя группу людей по-душѣ, и живя съ ними, стремиться къ осуществленію личныхъ идеаловъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ Меньшиковъ приходитъ къ тому заключенію, что несчастье русскаго человѣка-интеллигента зависитъ отъ его разобщенности съ народомъ. Началомъ этой разобщенности послужили новшества Петра Великаго, который насильственно привилъ къ Россіи западную культуру, а все искусственное всегда плохо даетъ ростъ, почему и произошелъ такой разладъ въ общественныхъ отношеніяхъ въ настоящее время. Прежде, говоритъ Меньшиковъ, русскій боярин пѣлъ однѣ пѣсни съ народомъ, выполнялъ тѣ-же религіозные обряды, тѣ-же соблюдалъ посты, такъ-же веселился, а теперь, все идетъ на иностранный ладъ.

Скабичевскій исторически разъясняетъ этотъ вопросъ, указывая на культуру народовъ древнихъ и среднихъ вѣковъ, когда разныя племена, приходившія въ страны, сливались съ побѣдителями или съ побѣжденными, принимая ихъ культуру. То-же самое случилось и съ Россіей, которая приняла западную культуру. Въ началѣ, конечно, прививается внѣшняя сторона, а потомъ уже и внутренняя. Народъ русскій, въ настоящее время, также начинаетъ заимствовать внѣшнюю сторону городской жизни, подражая горожанамъ въ одеждѣ, увеселеніяхъ и проч. Несомнѣнно, что это выходитъ смѣшно, но историческій ходъ событій имѣетъ свою силу, и всякое новшество всегда въ своемъ первоначальномъ видѣ является каррикатурою, но потомъ съ теченіемъ вѣковъ принимаетъ надлежащую форму. Скабичевскій находитъ, что и интеллигенція русская не проникласъ еще вполнѣ западно-европейской культурой даже съ внѣшней стороны: «точно также она упивается до запоя сивухою, тузитъ до полусмерти женъ и дѣтей, не любитъ что-либо начинать въ тяжелые дни, боится просыпать соль на столѣ и едва успѣла замѣнить домовыхъ духами спиритовъ». Конечно, въ эту картинку Скабичевскій не включаетъ истинно интеллигентныхъ людей, дѣйствительно проникнутыхъ западно-европейской культурой.

5 іюня.

Въ Россіи гражданамъ предписывается, когда веселиться, когда молиться. Сегодня, напримѣръ, въ газетахъ появилось приказаніе оберъ-полиціймейстера Власовскаго въ Москвѣ (а также и въ Петербургѣ и другихъ городахъ), чтобы полиція смотрѣла, чтобъ сегодня вечеромъ, наканунѣ Духова дня, никто не смѣлъ бы веселиться. Повелѣвается всѣ учрежденія увеселительныя закрыть, даже бѣга и тѣ закрыты. Граждане русскіе—дѣти, за которыми необходимъ надзоръ, который и исполняетъ полиція. Чудно, что и религіозныя чувства навязываются по приказанію полиціи.

Родительская власть возстанавливается такъ же. При обсужденіи новой паспортной системы возникъ споръ, можно-ли незамужнимъ дѣвушкамъ и пріемышамъ женскаго пола выдавать отдѣльный видъ для прожитья. По новому проекту нельзя: незамужнія дѣвушки и пріемыши должны быть вписаны въ паспортъ родителей и безъ ихъ разрѣшенія выписываться не могутъ даже при достиженіи совершеннолѣтія. Однимъ словомъ, бѣжимъ назадъ, и скоро, быть можетъ, мы по приказанію полиціи, объявленному въ газетахъ, надѣнемъ кафтаны и сарафаны и будемъ водить хороводы. Меньшиковъ и «*Московскія Вѣдомости*» возликуютъ. «Наконецъ-то, скажутъ они, наступило торжество русской національности!»

6 іюня.

У насъ всѣ силы употребляютъ, чтобы возстановить дворянство, возвысить его, образовать, обогатить; однимъ словомъ возвести его на степень прежней силы. За послѣднее 10-ти-лѣтіе предприняты всевозможныя мѣры, въ видѣ учрежденія Дворянскаго Банка, запрещенія продавать земельныя имущества и проч. Остальныя сословія въ загонѣ. Вчера, напримѣръ, опубликованы новыя правила института правовѣдѣнія въ Петербургѣ; туда, въ настоящее время, могутъ поступать только потомственные дворяне и то съ ограниченіемъ, въ видѣ значительной платы, назначенной за ученье. Но, однако, возвеличеніе дворянства ни къ чему еще, пока, не привело.

— Чуть не ежегодно въ концѣ мая мѣсяца и въ началѣ іюня начинается скачка съ препятствіями прогрессивной и ретроградной печати. Недавно въ «*Рус. Вѣд.*» появилась статья Ермилова подъ названіемъ «Муки памяти». Авторъ разбираетъ вопросъ объ экзаменахъ и говоритъ, что всѣ эти запоминанія именъ и событій не даютъ учащимся никакой пищи для развитія ихъ умственнаго кругозора, а только загромождаютъ память и затемняютъ ее. Кому нужны и зачѣмъ всѣ эти мудреныя имена городовъ, древнихъ воиновъ и проч.? Потеря времени, которое можно и должно употребить на что нибудь болѣе полезное и необходимое для развитія ума. «*Московскія Вѣдомости*», въ формѣ письма отца къ издателю, плачутъ о томъ, что статьи, подобныя статьѣ Ермилова, не даютъ молодежи спокойнаго настроенія для экзаменовъ, а только разстраиваютъ, смущаютъ и т. д., и т. д. Въ заключеніе «*Москов. Вѣд.*» добавляютъ, что «*Русскимъ Вѣд.*» съ Ермиловымъ нужно, по всей вѣроятности, чтобы дипломы давали даромъ. «*Новое Время*» подхватываетъ тонъ «*Москв. Вѣд.*» и говоритъ то же самое, а «*Кіевлянинъ*» дошелъ уже до того, что началъ поэтизировать время экзаменовъ и отрицать, что это—мука и страда для учащихся. Напротивъ, по мнѣнію

«*Кіевлянина*», экзамены есть удовольствіе, которое вызываетъ столько пріятныхъ радостныхъ минутъ во время и по окончаніи ихъ, что впослѣдствіи остаются только радостныя воспоминанія.

Мнѣ кажется, нѣтъ ни одного учившагося, давно уже перешедшаго юношескіе годы, который съ удовольствіемъ бы вспоминалъ экзамены. Большинство говорятъ о прошломъ съ отвращеніемъ, а нѣкоторыя впечатлительныя натуры со страхомъ и невольнымъ безсознательнымъ трепетомъ вспоминаютъ это тяжелое время.

8 іюня.

— Статья Іордана «Ученики-ремесленники», помѣщенная въ «*Русской Мысли*» (1894 г. апрѣль, № 4), представляетъ интересный и обильный фактами очеркъ о положеніи учениковъ въ ремесленныхъ мастерскихъ; дѣйствительно, это нѣчто ужасное! И сколько вѣковъ, иногда, продолжаютъ свое существованіе извѣстные законы и обычаи, учрежденные при своемъ основаніи для пользы гражданъ и, при извѣстныхъ условіяхъ времени, быть можетъ, и приносившіе желаемые результаты, а потомъ, съ теченіемъ жизни, основанія этихъ законовъ теряютъ свою силу и являются, иногда, впослѣдствіи, даже вредными.

Прежде нужны были ремесленники, а обучать ихъ было негдѣ, кромѣ мастерскихъ, гдѣ все ученіе сводилось къ такимъ ужаснымъ мукамъ и лишеніямъ, что ужасно читать объ этомъ. Но эти муки не были такъ ощутительны для многихъ крестьянъ, находящихся въ крѣпостной зависимости. Родители дѣтей, отданныхъ господами для изученія какого нибудь ремесла, сами терпѣли всякія истязанія, предполагая, что это такъ и должно быть, и иначе и не можетъ существовать міръ, какъ онъ существовалъ тогда, раздѣленный на господъ и рабовъ. Потомъ «порвалась цѣпь великая», а узаконенія о ремесленникахъ остались тѣ же. Какія картины описываетъ г. Іорданъ житья несчастныхъ дѣтей въ ученіи! Очень многіе примѣры взяты имъ изъ процессовъ послѣднихъ лѣтъ, во время разбирательства которыхъ выяснились такіе возмутительные факты, что приводили въ содроганіе присутствовавшихъ.

Въ заключеніе своей статьи г. Іорданъ говоритъ, что въ настоящее время правительство обратило вниманіе на бѣдныхъ дѣтей-мучениковъ... И дѣятельное вмѣшательство правительства въ ремесленное дѣло упорядочитъ его, и вздохнутъ дѣти и родители крестьяне.

10 іюня.

Во 2-й книжкѣ журнала «*Вопросы Философіи и Психологіи*» помѣщена статья Э. Радлова «Вольтеръ и Руссо» (Годъ I, книга 2, 1890 г.).

По нѣкоторымъ положеніямъ ученія Руссо, можно найти однородныя мысли и у Толстого, который все зло видитъ въ цивилизаціи и наукѣ,

которую осмѣиваетъ: цивилизація и наука есть достояніе меньшинства, а большинство далеко отъ всего этого. Положимъ, что съ одной стороны это вѣрно, но съ другой цивилизація и наука лишь постепенно проникаютъ въ человѣчество и медленно прививаются, какъ и всякія новшества. Заимствованія происходятъ съ внѣшней стороны, т. е. принимаются только блестки, мишура, а вслѣдъ затѣмъ съ вѣками привьется и настоящая цивилизація.

12 Іюня.

Мы здѣсь въ Пушкинѣ радуемся на природу; восхищаемся деревьями, ихъ очертаніями, пѣніемъ птицъ и проч. прелестями деревенской жизни. И вдругъ урядникъ! Распрашиваетъ у всѣхъ дворниковъ, кто живетъ на дачахъ, изъ какихъ членовъ состоитъ семья, чѣмъ занимаются и проч. Возмутительно! Нигдѣ нѣтъ покоя: шпіоны грубые, невѣжественные, полуграмотные...

— Вольтеръ и Руссо были непримиримыми врагами между собою, и первая причина этой вражды была ненависть и оскорбленное самолюбіе того и другого. Въ особенности съ непривлекательной стороны описывается Вольтеръ; его мщеніе Руссо было жестоко; тогда какъ послѣдній относился къ Вольтеру болѣе объективно, отдѣляя его дѣятельность на литературной почвѣ, какъ мыслителя и философа, отъ его личности. Вольтеръ умѣлъ во время кривить душою и, нерѣдко, отказывался отъ своихъ анонимныхъ произведеній, если видѣлъ, что они опасны для него. Руссо напротивъ былъ благороднѣе и открыто и честно проповѣдывалъ свои идеи. Несмотря на ошибочные взгляды Руссо, на его мечтанія, фантазіи, онъ симпатичнѣе Вольтера. Руссо много страдалъ за свои, и въ общемъ онъ былъ, дѣйствительно, несчастнымъ мечтателемъ-неудачникомъ.

13 іюня.

Хотя и мало грамотности и стремленія къ чтенію въ народѣ, но все-таки въ общемъ получается отрадная картина. Статья въ «*Сѣверномъ Вѣстникѣ*» за іюнь 1894 г., «Сельскія библіотеки» В. Вахтерова, обстоятельно знакомитъ съ нѣкоторыми цифровыми данными о количествѣ библіотекъ, книгъ и читающихъ малолѣтнихъ подросткахъ и взрослыхъ. Положимъ, что всего этого слишкомъ недостаточно по сравненію съ хроническимъ невѣжествомъ народа, но все-же это лучъ въ темномъ царствѣ и яркій, свѣтлый лучъ свѣта. Что было лѣтъ 25-ть назадъ? Какъ сильно проявились за это время результаты дѣятельности по народному образованію земствъ и интеллигенціи! Всѣ эти благія данныя еще въ зачаткѣ, но когда есть зачатокъ, то можно ждать и развитія плода.

Странное явленіе! По Пушкину носятъ икону или мощи, которыя предлагаются живущимъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ жизненные продукты. На большое разстояніе впереди идетъ монахъ и по заборамъ предлагаетъ принять икону; вслѣдствіе дурной погоды окна и двери во многихъ дачахъ закрыты, и монахъ кричитъ, что икону несутъ и могутъ занести къ желающимъ. Кажется, можно было-бы сдѣлать иначе, не въ такой грубой формѣ!

— Въ статьѣ въ «*Русскомъ Богатствѣ*» подъ названіемъ «Заброшенныя дѣти», В. Бинштокъ знакомитъ съ положеніемъ этого вопроса въ Россіи («*Рус. Бог.*» 1894 г., № 5, Май) (начало статьи). Законъ объ исправительныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ обнародованъ лишь 5-го декабря 1866 года. Ранѣе въ Россіи существовало нѣсколько пріютовъ для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, учрежденныхъ частными лицами. Первое воспитательное заведеніе для нравственно-испорченныхъ дѣтей было основано въ г. Нарвѣ въ 1848 году. Второе такое-же заведеніе открыто въ Ревелѣ въ 1850 году. Третье для дѣтей женскаго пола учреждено въ Петербургѣ въ 1864 г. Въ Москвѣ открыта Московскимъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ исправительная школа для малолѣтнихъ преступниковъ въ 1864 году. Впослѣдствіи, съ обнародованіемъ новаго закона отъ 5-го декабря 1866 года, эта школа преобразовалась, и директоромъ ея избранъ Ник. Вас. Рукавишниковъ. Имѣя отъ роду 24 года, Н. Вас. принялся за дѣло перевоспитанія малолѣтнихъ преступниковъ съ такой энергіею и преданностью дѣлу, что результаты не замедлили оказаться очень скоро. Но директоръ скончался 30 лѣтъ, черезъ 6 лѣтъ своей дѣятельности. Рукавишниковъ дѣйствовалъ на своихъ питомцевъ, прежде всего, любовью, и это чувство въ большинствѣ воспитанниковъ пробуждало добрыя, хорошія чувства и любовь и привязанность къ воспитателю.

— Вчера, 14-го іюня, въ газетахъ появилось извѣстіе объ убійствѣ президента Французской республики Карно анархистомъ-итальянцемъ, убившимъ его кинжаломъ на улицѣ во время его катанья въ коляскѣ въ Ліонѣ. Карно былъ всѣми любимъ въ своей странѣ, и его президентство не ознаменовалось никакими дурными событіями во Франціи въ теченіе 7-ми лѣтъ. Въ этомъ году истекалъ срокъ его избранія. Сообщаютъ, что убилъ его анархистъ, мстившій за казнь двоихъ анархистовъ въ нынѣшнемъ году,—Анри и Вальяно. Дѣйствительно, это прискорбное явленіе! Интересны причины нарожденія анархизма на Западѣ. За послѣдніе годы движеніе анархистовъ съ ихъ разрушительной маніей все усиливается, почему начинается борьба государствъ противъ нихъ. Гдѣ-же корень этого явленія? Гдѣ его искать? Въ борьбѣ-ли капитала съ тру-

домъ и протестахъ послѣдняго, или въ физіологическомъ перерожденіи человѣческаго мозга, какъ болѣзненномъ явленіи? Что это, мщеніе или болѣзненная манія разрушенія? Быть можетъ, это—извѣстная форма сумашествія? Не правъ-ли Максъ Нордау съ своей теоріей вырожденія? «*Московскія Вѣдомости*» въ № отъ 14-го іюня 1894 г. не упустили случая указать, что Франція сама виновата въ этомъ несчастіи. Все зло, по мнѣнію «*Московскихъ Вѣдомостей*», произошло по тому, что правительство Французское потворствовало различнымъ партіямъ въ странѣ. Такъ-ли это?

— Въ «*Вѣстникѣ Европы*» помѣщенъ романъ г. Боборыкина подъ названіемъ «Перевалъ». Разсказываютъ, что этотъ писатель ѣздилъ по домамъ московскаго купечества, знакомился съ болѣе выдающимися изъ нихъ, и описываетъ ихъ со всѣми деталями, какъ въ фотографіи. Новая, вполнѣ реальная школа! Реализмъ г. Боборыкина близокъ къ сплетнѣ.

16 іюня.

Дождь льетъ не переставая нѣсколько дней подъ рядъ. На душѣ мрачно. Снова гнетущія мысли свинцовымъ гнетомъ охватываютъ мозгъ. Вѣчный страхъ, въ ожиданіи какого нибудь новаго горя. За послѣднее время живется покойно; есть возможность и время для занятій. Но не вѣрится въ это счастье, что оно можетъ быть продолжительно.

— Въ понедѣльникъ, 13-го іюня, Государь Александръ III проѣхалъ мимо Москвы на освященіе храма на станціи Борки по Курско-Харьковской жел. дорогѣ, построеннаго въ память избавленія царскаго семейства отъ смерти. Очевидцы разсказываютъ, что по всему полотну желѣзной дороги были разставлены солдаты съ заряженными ружьями, направленными на близъ лежащія дачи. Всѣмъ дачникамъ было приказано не выходить во время проѣзда Государя изъ своихъ домовъ, не отворять оконъ и балконовъ, при чемъ было заявлено: въ случаѣ непослушанія, солдаты уполномочены стрѣлять. Въ подмосковномъ селѣ Царицынѣ, въ одномъ мѣстѣ близъ полотна ж. д., построены дачи цѣлымъ рядомъ; дачи отдѣляются отъ полотна ж. д. кустарникомъ, съ одной стороны котораго стояли солдаты съ ружьями, а съ другой ближе къ дачѣ сотскіе. У одного изъ живущихъ дачниковъ 2-хлѣтній маленькій сынъ выбѣжалъ изъ дома. Отецъ и мать не знали, что имъ дѣлать, т. к. выйти боялись. Одинъ изъ сотскихъ взялъ ребенка на руки и принесъ его на дачу къ родителямъ. Отецъ обратился къ сотскому съ просьбой, чтобы онъ уже по-строже самъ внушилъ шалуну не выходить изъ дома, когда не позволено. Сотскій отвѣтилъ, что дитя есть ангельская душа, которой нельзя говорить строго.

Въ этой же мѣстности, въ одной изъ дачъ, хозяйка торопила ут-

ромъ кухарку подавать самоваръ для барина, которому нужно было ѣхать въ Москву, какъ служащему въ одномъ изъ учрежденій. Кухарка заявила, что баринъ сегодня въ Москву не поѣдетъ, т. к. и коровъ въ 4 час. утра не пустила въ стадо потому, что Государь проѣдетъ. Такого рода курьезныхъ случаевъ, навѣрное, было очень много, они передаются съ комментаріями изъ устъ въ уста.

На одной изъ ближайшихъ станцій, занимаемой дачниками по Курской ж. д., близъ Москвы одинъ очевидецъ разсказываетъ, что въ понедѣльникъ 13-го и въ среду 15-го іюня, когда Государь проѣхалъ обратно, поѣздъ, наполненный пассажирами, отвели на задній путь, заперли окна, двери, завѣсили шторы и окружили солдатами съ заряженными ружьями, направленными на вагоны. Затѣмъ по всѣмъ вагонамъ прошелъ офицеръ и заявилъ пассажирамъ, что кто осмѣлится отворить окно, въ того будутъ стрѣлять. Такимъ образомъ, т. е. подъ такой охраной и съ такими угрозами поѣздъ простоялъ 4 часа. Отведеніе поѣзда на задній путь и закрываніе оконъ и дверей во время проѣзда Государя практиковалось лѣтъ 8—9 назадъ, но тогда дѣло обходилось безъ солдатъ, заряженныхъ ружей и офицеровъ съ угрозами.

17 іюня.

Въ «*Русскомъ Богатствѣ*» (1894 г. май, № 5) во «*Внутреннемъ Обозрѣніи*» помѣщено сообщеніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ Россіи; оно уже отмѣнено въ различныхъ сферахъ, а за послѣднее время изъято изъ употребленія относительно ссыльныхъ женщинъ и кавказскихъ горцевъ. Единственно, гдѣ оно еще осталось—у ремесленниковъ подъ названіемъ обычнаго права. У ремесленниковъ въ контрактахъ есть пунктъ, которымъ передается родительское право тѣлеснаго наказанія хозяевамъ мастерскихъ; они злоупотребляютъ этимъ правомъ и сѣкутъ взрослыхъ даже дѣвушекъ. Авторъ описываетъ много возмутительныхъ примѣровъ подобнаго права, касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго положенія ремесленниковъ-учениковъ, отданныхъ на выучку. Примѣры всѣ взяты изъ судебныхъ разбирательствъ по этимъ дѣламъ. Не особенно красива дѣятельность ремесленныхъ управъ, которыя призваны охранять учениковъ отъ насилія хозяевъ: онѣ на сторонѣ хозяевъ мастерскихъ, а не беззащитныхъ дѣтей.

— «*Новое Время*» № 6567, 1894 г. Письмо въ редакцію, содержащее нѣсколько иллюстрацій къ трудности поступленія учащейся молодежи въ учебныя заведенія; за неимѣніемъ вакансій въ нихъ, поступленіе изъ года въ годъ становится для молодыхъ людей чуть-ли не лотереею.

Сколько отчаянія въ письмѣ несчастнаго отца! Разъ въ обществѣ

существуетъ потребность къ образованію, то обязанность государства расширять средне-учебныя заведенія путемъ ли казенныхъ средствъ или допущеніемъ и размноженіемъ частныхъ заведеній для учащихся. Частной иниціативѣ слѣдуетъ дать полную свободу учреждать учебныя заведенія, соотвѣтствующія спросу даннаго времени.

Нерѣдко упрекаютъ общество въ закоснѣломъ эгоизмѣ, въ замкнутости, въ стремленіи къ наживѣ. Общій строй настоящаго времени сложился такимъ образомъ, что каждый гражданинъ отмахивается отъ всего руками, со страхомъ говоря: «моя изба съ краю, и я ничего не знаю».

19 іюня.

Еще разсказы о подробностяхъ проѣзда Государя черезъ Москву на станцію Борки. Многіе служащіе съ фабрики Гужонъ живутъ на дачѣ въ Царицынѣ и каждое утро отправляются на мѣсто своей службы по желѣзной дорогѣ. 15-го іюня они вышли, по обыкновенію, на поѣздъ, но ихъ не пропустили, тогда многіе изъ нихъ пошли обратно, но одинъ, чувствуя себя нездоровымъ, попросилъ желѣзнодорожнаго сторожа посидѣть у него въ сторожкѣ, такъ какъ въ это время шелъ дождикъ. Сторожъ, не видя въ этомъ ничего противозаконнаго, пустилъ молодого человѣка переждать дождь. Въ это время появляется околоточный и начинаетъ кричать, употребляя слѣдующія нецензурныя слова: «Это что за сволочь здѣсь сидитъ?» Молодой человѣкъ возмутился подобнымъ обращеніемъ и смѣло отвѣтилъ: «Я изъ бывшихъ околоточныхъ». Околоточнаго этотъ отвѣтъ смутилъ сначала, но потомъ онъ арестовалъ юношу, который просидѣлъ цѣлый день, пока навели справки и успокоились, что онъ дѣйствительно служащій на фабрикѣ Гужона.

«У страха глаза велики», русская пословица вполнѣ вѣрная. На фабрикѣ Гужона, которая находится вблизи Курской ж. д., въ день проѣзда Государя, рабочіе не выпускались въ 12 час. дня обѣдать. Ворота были кругомъ заперты. Однимъ словомъ, приняты были всѣ мѣры, чтобы людей не было на разстояніи нѣсколькихъ саженъ около полотна ж. д. Окна заперли во всѣхъ домахъ, и никто не смѣлъ выходить изъ домовъ до тѣхъ поръ, пока проѣхалъ Государь.

22 іюня.

По праву родства люди вмѣшиваются въ чужую жизнь, входятъ въ душу и безъ разумѣнія распоряжаются тамъ, какъ у себя дома, дотрогиваясь грязными руками до больныхъ мѣстъ. Они видятъ факты тѣхъ или иныхъ дѣйствій, не понимая причинъ, для объясненія которыхъ требуется умъ, а онъ отсутствуетъ, почему и происходитъ, нѣчто отвратительное, издѣвательство...

— «Очеркъ внутренней жизни Лермонтова въ его произведеніяхъ», О. Герасимова. «*Вопросы философіи и психологіи*», 1890 г., № 3. Мнѣ кажется, что каждый мыслящій, развитой и образованный человѣкъ долженъ пройти эти стадіи душевной жизни, которыя прошелъ Лермонтовъ. Разница только въ томъ, что у генія они проходятъ съ большей силой, выражаясь въ художественныхъ образахъ, а у обыкновеннаго человѣка менѣе рельефно и скрыто отъ всѣхъ. Кто въ ранней юности, начиная съ дѣтства, не испытывалъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, стремленій къ добру, къ самосовершенствованію, и кто постепенно не разочаровался сначала въ окружающихъ, а потомъ и въ другихъ людяхъ? Противорѣчія слова съ дѣломъ у старшихъ и близкихъ людей постепенно приводятъ къ потерѣ вѣры въ нравственный идеалъ. Далѣе, у однихъ людей наступаетъ озлобленіе, у другихъ стремленіе къ наслажденіямъ согласно уму и развитію, у третьихъ равнодушіе ко всему и ко всѣмъ; послѣднее близко граничитъ съ безцвѣтнымъ прозябаніемъ изо дня въ день. Къ четвертой категоріи принадлежатъ люди, которые рѣдки, не остывшіе въ своихъ стремленіяхъ къ добру, къ труду на пользу ближнихъ. Но постоянное столкновеніе съ этими ближними ослабляетъ, нерѣдко, энергію и у этихъ рѣдкихъ людей.

Салтыковъ-Щедринъ *) на склонѣ своихъ дней сомнѣвался въ пользѣ своихъ литературныхъ произведеній для общества. Онъ жаждалъ знать, какимъ образомъ дѣйствуютъ его мнѣнія на читателя, соглашается ли онъ съ нимъ и понимаетъ ли его.

— Религія христіанская учитъ людей забывать зло, имъ сдѣланное, и прощать все дурное. Это прощеніе можетъ быть понятно только въ смыслѣ недопущенія мщенія за зло, нанесенное однимъ другому. Но впечатлѣнія, оставленныя оскорбленіемъ или ненавистью, сгладиться окончательно не могутъ; слѣдъ долженъ остаться... Простить и забыть— громадная разница. Понять, объяснить поступокъ и простить его можно, но понять, усвоить и даже расчленить фактъ и затѣмъ забыть— невозможно!

23 іюня.

«*Московскія Вѣдомости*» отвратительны въ своей напускной наивности, которой они желаютъ прикрыться. Всѣ замѣчанія и языкъ «*Московск. Вѣд.*» отличаются нерѣдко пошлостью и жаргономъ, недостойнымъ литературнаго органа. «*Гражданинъ*», газета вполнѣ любезная «*Моск. Вѣд.*», иногда говоритъ такія несообразности, что голова кругомъ идетъ.

«*Моск. Вѣд.*» защищаютъ учрежденіе церковно-приходскихъ школъ

*) Умеръ 28 апрѣля 1889 г.

и порицаютъ земскія школы, забывая, гдѣ правда, гдѣ ложь, и часто игнорируютъ факты всѣмъ извѣстные. «*Русск. Вѣд.*» уличаютъ ихъ въ этомъ, напоминая о томъ, что вовсе не интеллигенція управляетъ школами земства, а лица изъ бюрократіи, поставленныя самимъ правительствомъ.

26 іюня.

Мелочность, эгоизмъ людей являются, по большинству случаевъ, первымъ стимуломъ, руководящимъ ихъ поступками. Всѣ качества человѣческія, все лучшее въ человѣкѣ—все скрывается и отодвигается на задній планъ передъ эгоизмомъ. Иногда люди кажутся такими доброжелательными, услужливыми, любящими, и это все искренно, это не ложь, но это только мимолетные порывы, которые проходятъ, какъ вода весною. Гуманныя рѣчи, забота о людяхъ и проч., и проч. И вдругъ одно слово, одинъ жестъ, и обожгло душу, больно, тяжело...

29 іюня.

Говорятъ, говорятъ, много говорятъ. На-дняхъ разсказывали, что на могилѣ писателя Астырева, умершаго отъ огорченія, вслѣдствіе высылки его изъ Москвы въ сѣверныя губерніи по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, кто-то послѣ окончанія рѣчей выступилъ и сказалъ слово слѣдующаго содержанія: «Вы желаете знать, господа, кто убійца покойнаго Астырева? Это—небольшой кружокъ, называемый правительствомъ!..» Вся рѣчь была въ этомъ духѣ. Господинъ, говорящій рѣчь, былъ уже немолодой, съ большой бородой. И все это было только на видъ. Въ дѣйствительности говорящій былъ молодой человѣкъ и студентъ. По окончаніи рѣчи, которая отъ неожиданности всѣхъ присутствующихъ ошеломила, нѣкоторые изъ полицейскихъ бросились схватить дерзновеннаго, но онъ замѣшался въ толпѣ, и вмѣсто говорящаго, оказался студентъ, но того, кого искали, не было нигдѣ—у всѣхъ другія были лица, а тотъ исчезъ *).

— Говорятъ, что 20 апрѣля 1894 г. въ Петербургѣ были многочисленные аресты ночью, преимущественно учащейся молодежи. Причины—открытіе подкопа въ Смоленскѣ и тайной типографіи. Открыто, офиціально ничего неизвѣстно...

4 іюля.

Пресса дѣлится, въ настоящее время, на два лагеря. Къ лагерю охраняющихъ принадлежатъ «*Московск. Вѣдомости*», «*Гражданинъ*», и дру-

*) Н. М. Астыревъ (авторъ „Въ волостныхъ писаряхъ") скончался 3-го іюня 1894 г. послѣ тяжелой болѣзни, задержанный ею въ Москвѣ, при пересылкѣ въ вологодскую губернію.

нія газеты, какъ «*Новое Время*». «*Московскія Вѣдомости*», издаваемыя Сергѣемъ Алек. Петровскимъ, получаютъ правительственную субсидію, въ формѣ дозволенія печатать казенныя объявленія. «*Гражданинъ*», съ княземъ Мещерскимъ во главѣ, дѣятельно защищаетъ дворянъ, желая возстановить ихъ прежнее величіе. Отъ времени до времени раздаются звуки треснувшей лиры о возстановленіи, въ замаскированномъ видѣ, крѣпостного права. «*Новое Время*», прозванное Щедринымъ-Салтыковымъ—газета «Чего изволите», держится золотой середины между двумя газетами крайняго охранительнаго направленія. Правило, отъ своихъ не отстать и къ чужимъ не пристать, соблюдается «*Новымъ Временемъ*» свято и непоколебимо: въ случаѣ надобности, газета склоняетъ свою голову до полу, а то поднимаетъ ее тихонько, выглядывая изъ щелей, въ какую сторону удобнѣе повернуться. Излюбленная тема «*Новаго Времени*»—гоненіе евреевъ. Травля эта разнообразится во всѣхъ видахъ.

Но главные и незыблемые органы охраны это—«*Московск. Вѣд.*» и «*Гражданинъ*». Когда было можно и не стыдно передъ Европой, эти газеты открыто возставали противъ народнаго просвѣщенія, руководствуясь той великой истиной, что править невѣжественнымъ народомъ легче, чѣмъ просвѣщеннымъ. Безсмысленное стадо рогатаго скота управляется однимъ пастухомъ съ кнутомъ въ рукахъ. Кнутъ есть сила для стада-народа, почему для обузданія послѣдняго необходимо тѣлесное наказаніе. «*Московскія Вѣдомости*», «*Гражданинъ*» сильно проповѣдуютъ о необходимости розогъ, и многіе изъ общества безсмысленно повторяютъ эти слова...

Недавно въ московской городской думѣ былъ поднятъ вопросъ о массѣ дѣтей, ежегодно ломящихся въ двери городскихъ начальныхъ училищъ и остающихся за дверьми за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ. Дума затруднилась этимъ вопросомъ, не имѣя достаточныхъ денежныхъ средствъ для исполненія желаемаго и необходимаго. «*Московскія Вѣдомости*» ехидно предложили, соглашаясь, конечно, съ думой, назначить плату за ученіе, и такую, которая бы пополнила недостающія средства. «*Русскія Вѣдомости*» выступили съ защитой просвѣщенія, разоблачая невѣжество «*Московскихъ Вѣд.*» въ школьномъ вопросѣ. Хотя это вовсе не невѣжество, а продуманный пріемъ, но «*Русскія Вѣдомости*» показываютъ видъ, что его не понимаютъ и оспариваютъ лишь по существу дѣла, съ нѣкоторыми насмѣшками и намеками, ясно указывающими тайную цѣль «*Московскихъ Вѣдомостей*» («*Русскія Вѣдомости*», 4-го іюля, № 181).

Къ другому лагерю принадлежатъ «*Русскія Вѣдомости*» и «*Новости*», къ нимъ отчасти присоединяется и «*Русская Жизнь*». Газеты держатся на тоненькой шелковинкѣ, которая, того и гляди, оборвется: объ газеты

имѣютъ уже по два предостереженія. Изъ журналовъ также торжествуютъ гасительные. Къ числу просвѣтительныхъ относятся: «*Русская Мысль*» (Москва), «*Русское Богатство*», «*Вѣстникъ Европы*» и «*Сѣверный Вѣстникъ*» (Петербургъ). Далѣе пойдутъ уже: «*Наблюдатель*», относящійся къ болѣе индиферентнымъ, и другіе ему подобные органы. Затѣмъ къ торжествующимъ принадлежатъ: «*Русское Обозрѣніе*», «*Русскій Вѣстникъ*» и, наконецъ, выступаетъ цѣлый длинный рядъ чисто спеціальныхъ журналовъ и журнальчиковъ.

8 іюля.

Въ Антверпенѣ на выставкѣ состоялся международный съѣздъ журналистовъ. Представителемъ отъ Россіи состоялъ какой-то Загуляевъ, котораго въ печати до сего времени никто и не зналъ. Въ «*Новомъ Времени*», отъ 6-го іюля, помѣщенъ отчетъ Загуляева о конгрессѣ. Статья написана, положимъ, дѣльно и недурно, но странно, что всегда, когда составляются международные конгрессы за-границей, нашими представителями прессы фигурируютъ люди, съ такими маленькими именами въ литературѣ или совсѣмъ безъ нихъ, что совѣстно и смѣшно дѣлается за Россію. Какъ будто у насъ нѣтъ настоящихъ, дѣйствительно извѣстныхъ и заслуженныхъ, литературныхъ дѣятелей! Нѣтъ дружной связи между пишущими, нѣтъ учрежденія, которое бы сплачивало литераторовъ.

9 іюля.

«*Московскія Вѣдомости*» (9 іюля, № 186) печатаютъ статью съ цѣлью увѣрить общество, устами Іоанна Кронштадскаго, въ зловредности анархистовъ. «Будь они прокляты, съ силою воскликнулъ о. Іоаннъ,—эти злодѣи!». Проклинать легче, чѣмъ принять и осуществить дѣйствительно радикальныя мѣры, клонящіяся къ благу человѣчества, тѣмъ болѣе, что и результаты этихъ мѣръ не могутъ быть осуществимы въ короткое время. Образованіе, воспитаніе и возвышеніе труда—вотъ настоящія орудія для борьбы противъ анархизма. Воспитаніе и образованіе народа, путемъ наслѣдственной эволюціи людей, приведетъ людей къ стремленію къ добру, миру и покою; послѣднее будетъ прививаться къ людямъ сильнѣе, когда они не будутъ принуждены вести борьбу за существованіе, и ихъ трудъ будетъ оцѣниваться по достоинству. Образованіе будетъ способствовать богатству страны; чрезъ посредство образованія улучшатся многіе пріемы производства, добываніе богатствъ изъ земли и проч. и проч. При такихъ условіяхъ, немыслимы будутъ и анархисты.

12 іюля.

Много было вчера народа у насъ, и я люблю людей, но когда я съ ними, то всегда чувствую себя совершенно одинокой. Постоянно мнѣ

хочется крикнуть: «Опять одинъ, опять одинъ!». Или въ мысляхъ кружится слѣдующій стихъ: «И скучно, и грустно, и некому руку подать!» Вѣчно ощущаешь какую-то преграду: то боишься инстинктивно сказать что-нибудь, чтобы не быть смѣшной, то думается, что меня не поймутъ и что я мало интересна съ моими душевными движеніями; ограничиваешься банальными фразами или такой-же улыбкой, когда слушаешь рѣчи совсѣмъ чуждыя и неинтересныя. И всегда это такъ! Когда-же можетъ быть иначе? По всей вѣроятности, нѣтъ. Должно-быть, большинство людей, за рѣдкими исключеніями, ощущаютъ то-же самое, что и я.

19 іюля.

Гостей много у насъ въ домѣ, но какъ скучно съ ними! Изо дня въ день они разсказываютъ всевозможные маленькіе разсказы изъ жизни другихъ людей, и на всякій случай есть у нихъ и соотвѣтствующее повѣствованіе. На первомъ планѣ въ разсказахъ поведеніе женщинъ и мужчинъ. И Боже, Боже, какой грязью обливаются всѣ эти люди! Будничная и обыденная жизнь, скучная и сѣренькая, своя и другихъ людей, подвергается разбору. И странно, что у нихъ даже не эгоизмъ руководитъ въ этомъ обливаніи грязью другихъ людей, а просто стремленіе злословить, которое замѣняетъ имъ необходимую пищу для ума.

5 августа.

«Русскія Вѣдомости» частенько помѣщаютъ сочувственныя біографіи только что умершихъ дѣятелей или живущихъ и дѣйствующихъ на пользу ближняго или страны. Между прочимъ, слѣдуетъ указать на статью Н. Ал. Каблукова о Колюпановѣ, В. Острогорскомъ и о Ядринцевѣ. Несомнѣнно, что такія статьи дѣйствуютъ на читателя и вызываютъ въ немъ хорошія, добрыя чувства. Изъ тысячи, быть можетъ, одинъ перейдетъ отъ теоретическихъ мечтаній къ практическимъ дѣйствіямъ. И то хорошо! Жаль, что мало примѣровъ въ настоящее время; какъ оазисъ въ пустынѣ, мелькаютъ.

— Промелькнуло въ *«Новомъ Времени»* извѣстіе о томъ, что въ скоромъ времени предполагается ввести обязательное обученіе въ трехъ губерніяхъ для пробы. Прогрессивныя изданія подхватили эту мысль и начали развивать ее. Но «слухъ оказался преждевременнымъ», и всѣ снова повѣсили носы.

13 августа.

Интересны нравы въ купеческой средѣ и въ настоящее время. Меньшая часть этого сословія развивается, образовывается. Большая же половина коснѣетъ въ невѣжествѣ или схватываетъ для тщеславія верхушки, отрывки знаній и кичится ими. Въ одной семьѣ есть дочка, учив-

шаяся въ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ. Когда эта дѣвица дошла до 5-го или 6-го класса, ее взяли изъ гимназіи. Прошло 3—4 года, пора и замужъ выходить; нашли ей жениха, изъ купеческой среды, но образованнаго молодого человѣка, окончившаго курсъ въ университетѣ. Состоялось знакомство между дѣвушкой и N. Мать, увидѣвъ, что дочка предъ «образованнымъ» «оконфузилась», и не желая потерять выгоднаго жениха, пригласила скорѣй профессоровъ, съ платой 5—10 рублей въ часъ. Дѣвица начала учиться, и каждый разъ, когда видѣла N., стала передавать ему цѣликомъ чуть не весь урокъ. Но молодой человѣкъ не увлекся этими неожиданными знаніями и прекратилъ свои посѣщенія. Такъ и кончилось это сватовство, къ большому огорченію мамаши.

Традиціи прошлаго добраго стараго времени глубоко вкоренились и въ потомствѣ и переходятъ изъ рода въ родъ. Вотъ сценка изъ жизни купцовъ въ 1894 г., въ концѣ текущаго вѣка.

Онъ, молодой человѣкъ 31 года, учившійся, но не кончившій средняго образованія; не выдержалъ экзамена зрѣлости. Она, окончившая курсъ женской гимназіи, 28-ми лѣтъ. Супруги живутъ въ бракѣ 10 лѣтъ, и 10-ть лѣтъ онъ ее тиранитъ по знаменитому изреченію Островскаго. «Жена, чего моя нога хочетъ». Весь домъ дрожитъ, при появленіи самодура, властнаго, дерзкаго, домой. Прислуга не смѣетъ не только шевельнутся, но и вздохнуть. Жена дрожитъ и постоянно находится въ напряженномъ состояніи, ежеминутно ожидая крика, ругательствъ, оскорбленій, грязныхъ поношеній, эпитетовъ, незаслуженныхъ попрековъ кускомъ хлѣба, и проч., и проч. Когда мужа нѣтъ дома, она въ часъ пріѣзда прислушивается къ малѣйшему шуму, чтобы выбѣжать встрѣтить самодура, въ противномъ случаѣ она подвергается такимъ возмутительнымъ ругательствамъ, что волосъ дыбомъ встанетъ, а иногда и побоямъ. Въ минуты гнѣва самодура, изъ ушей жены летятъ и ломаются серьги; лицо послѣдней покрывается синяками. И за что-же это такой гнѣвъ? Пережарено или недожарено мясо, испорчено пирожное, забыта какая нибудь мелочь и т. д., и т. д. Такіе нравы были въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, такіе же существуютъ и понынѣ, въ 1894 году. Несомнѣнно, что количество этихъ примѣровъ уменьшается съ теченіемъ времени, но они есть, они извѣстны, они видимы и осязательны, и это ужасно.

14 августа.

Впечатлѣнія прошлаго ярко возстаютъ въ воображеніи при легкомъ къ нимъ прикосновеніи. Сердце сжимается, а разумъ подсказываетъ: «Зачѣмъ воспоминанія?» Да, не надо ихъ, не надо! Вспоминать—значитъ вновь переживать. Слезы подступаютъ къ горлу. Все прошло, все

пережито, но не забыто. Да и забыть нельзя... Жизнь была полна надеждами, теперь—пустота и пустота. Не нужна была моя душа тогда, никто не понялъ и не желалъ понять меня. Всю жизнь просила ласки, любви у близкихъ людей и никто мнѣ не далъ этого нектара... Можетъ быть, во всемъ виновата я сама, быть можетъ, это—общій удѣлъ матерей оставаться въ запасѣ, за штатомъ, когда дѣти вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ. Я еще въ лучшемъ положеніи, чѣмъ другія матери...

15 августа.

Смѣшно и грустно изъ года въ годъ читать въ газетахъ въ концѣ лѣта, что въ такое-то учрежденіе или другое подано 200—300 прошеній, а свободныхъ мѣстъ 50. Куда-же дѣваться несчастнымъ юношамъ, окончившимъ курсъ средняго учебнаго заведенія? Несомнѣнно, что подобныя явленія зависятъ не отъ недостатка средства въ государствѣ, а прямо отъ тайнаго намѣренія ослабить просвѣщеніе, погасить, потушить стремленія молодежи учиться. Конечно, въ стремленіяхъ молодежи поступать въ высшія учебныя заведенія нельзя видѣть лишь жажды въ наукѣ: это стремленіе объясняется и экономическимъ положеніемъ. Но каковы-бы ни были мотивы стремленія молодыхъ людей къ наукѣ, во всякомъ случаѣ, лучи ея часто освѣщаютъ плодородную почву и производятъ полное и хорошее зерно.

— Въ августѣ были назначены маневры подъ Смоленскомъ, о которыхъ, по слухамъ, было извѣстно годъ или два назадъ. Въ началѣ августа объ этихъ маневрахъ печатали въ газетахъ, назначались дни для передвиженія войскъ и, вдругъ, появилось объявленіе, что маневры отмѣнены. Подкопъ подъ Смоленскомъ, который передавался, какъ слухъ, по всей вѣроятности, былъ не только слухъ, но и фактъ.

— Разсказываютъ, что въ Харьковѣ, когда Государь Александръ III пріѣзжалъ на освященіе храма въ Борки, доктора, которые его видѣли, пришли въ ужасъ отъ его вида. Полнота его исчезла, появилась сгорбленность, мрачность физіономіи, темный оливковый цвѣтъ лица. Видно, что его нервы разбиты. Доктора пришли къ тому заключенію, что въ такомъ состояніи долго жить нельзя.

25 ноября.

Какъ я давно ничего не писала! Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ и сколько новаго и грустнаго, и веселаго протекло въ эти мѣсяцы. Перемѣнился Царь. Сколько тревожныхъ ожиданій пережило общество! Сколько перемѣнъ и въ семьѣ нашей! Сколько прошло и возникло новыхъ впечатлѣній, прошло, но не исчезло, и сколько слезъ я пролила!

Весною моей жизни была горечь, лѣто горечь, и осень встрѣчена горечью и переполнена ею. Слезы льются, льются, и я не въ силахъ

удержать ихъ. И все должно быть скрыто, иначе, иначе—я могу показаться смѣшной. Терпи и молчи! Что кому за дѣло, что твоя душа изранена, измучена всей жизнью, что каждое грубое прикосновеніе къ ней отражается мучительной болью! Бѣдная больная душа требуетъ успокоенія, требуетъ покоя и молитъ только всѣхъ, чтобы не трогали ея болѣзненныхъ ранъ. Нѣтъ, люди эгоисты! Если тебѣ больно, то прикосновеніемъ къ твоимъ ранамъ мы сдѣлаемъ еще больнѣе...

1896.

24 января.

Писать, что чувствуешь—единственное средство для успокоенія себя, а главное, это—средство для приведенія своихъ мыслей въ порядокъ.

На черноземной полосѣ была засѣяна нива пшеницы. Сѣмена взошли и обѣщали обильный урожай. Ярко свѣтило солнце, обдавая своей теплотой засѣянную ниву, и сѣмя зрѣло отъ тепла, появился колосъ и колосъ тяжелый: все предвѣщало хорошую жатву. И вдругъ на горизонтѣ появилась небольшая тучка. Небо покрылось облаками, тучами, раздался громъ, молнія, поднялся вихрь, а затѣмъ хлынулъ дождь и градъ. Застучали градины по стекламъ въ окнахъ, по желѣзной крышѣ, засыпали лѣсъ, землю, ниву. Прошла гроза, небо прояснилось, а на нивѣ глыбы песку, града, соломы—все смѣшалось въ одну массу, и все пропало. И слѣда не осталось, что было. Взошло солнце и начало дѣлать свое дѣло—обогрѣвать жалкую ниву своими лучами, но она безмолвна на это тепло. Нѣтъ силъ подняться—убито все—раздавлено грозой.

Нечего ждать, не на что надѣяться—не на чемъ строить новыя иллюзіи, надежды; слѣдовательно и опасаться безполезно. Все задавлено, все убито.

1897.

7 февраля.

Силы измѣняютъ мнѣ; усталость доходитъ иногда до полнаго равнодушія ко всему, что занимало и интересовало меня. Не умственныя занятія утомляютъ меня; въ нихъ я нахожу отдыхъ, а вѣчное и напряженное состояніе, ожиданіе какихъ нибудь непріятностей и заботъ незамѣтно подрываютъ мое здоровье. Часто я стараюсь забыться въ разговорѣ, чтеніи, все напрасно: на время я достигаю цѣли, а затѣмъ, снова, грозно встаютъ передъ мной тѣни прошлаго, прожитая жизнь, вѣчное одиночество души и борьба, борьба за право быть одинокой во всѣхъ отношеніяхъ. Мое одиночество духовное создало мнѣ отдѣльное царство въ моихъ мысляхъ и помышленіяхъ, и тамъ я свободна

отъ всѣхъ путъ, налагаемыхъ жизнью. Развѣ это не счастье, что я могу жить въ этомъ мірѣ и не нуждаюсь ни въ комъ? Не нужно мнѣ ни ласкъ, ни состраданья, ни сожалѣнія людей: все равно никто другъ друга не понимаетъ..

19 августа. Осорьино.

Лѣто прошло. Все здѣсь доставляло мнѣ удовольствіе: лѣсъ, зелень, вода, свѣтъ и воздухъ. А эта тишина, которая такъ успокоительно на меня дѣйствовала, въ особенности вечерняя, при свѣтлыхъ и темныхъ ночахъ, когда вдали раздавалось пѣніе малороссовъ-рабочихъ, строящихъ вблизи насъ Брянскую ж. дорогу. По временамъ слышенъ шорохъ въ густомъ паркѣ, то отъ пролета птицы, то отъ шуршанія червей на листвѣ, и затѣмъ опять все тихо. Днемъ картины измѣнялись безпрестанно отъ свѣтовыхъ лучей, направлявшихся то въ одну, то въ другую сторону. Замѣчательны эти свѣтовые эффекты! Одна и таже мѣстность при нихъ совершенно измѣняетъ картину и являетъ новое впечатлѣніе. На площадкѣ выстроенъ каменный флигель съ большими каменными колоннами съ одной стороны. Стиль постройки относится въ Екатерининской эпохѣ, концу XVIII вѣка. Съ другой стороны пристроенъ къ флигелю жалкій балконъ съ маленькой лѣстницей и желѣзной крышей. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ балконъ, который прилѣпился къ массивному строенію. Окна и двери внутри флигеля защищены массивными желѣзными ставнями. Здѣсь, по словамъ старожиловъ, хранилась библіотека Ермолова, которому принадлежало это имѣніе подъ названіемъ Осорьино. Этотъ флигель повѣствуетъ проходящимъ или живущимъ въ немъ о вкусахъ и свойствахъ одного владѣльца, а площадка другого—Катуаръ. У послѣднихъ, т. е. у супруговъ Катуаръ, имѣется также библіотека, состоящая преимущественно изъ французскихъ книгъ беллетристическаго и историческаго содержанія. Для этой библіотеки сдѣланъ роскошный шкафъ въ новѣйшемъ духѣ. Книги, по большей части, непереплетенныя и неразрѣзанныя, за исключеніемъ повѣстей, романовъ и разсказовъ. Супруги Катуаръ—французы купили это имѣніе лѣтъ 20-ть и умерли нѣсколько лѣтъ назадъ. Послѣ нихъ остался сынъ, которому и досталось это имѣніе, но онъ живетъ почти постоянно за-границей съ женой; все, что поддерживалось матерью здѣсь въ Осорьинѣ, уничтожено, т. е. уничтожено то, что требовало расходовъ, остальное разрушается постепенно. Домъ и обстановка носятъ отпечатокъ культурности, комфорта, хозяйственности и даже роскоши. Вездѣ въ саду передъ домомъ клумбы, подсаженныя деревья, чистота; но умственная культура не на очень высокомъ уровнѣ, если судить по массѣ французскихъ романовъ

и историческихъ книгъ, неразрѣзанныхъ для употребленія. Такія изданія, какъ «Фигаро» съ преміями и «Нива», преобладаютъ; во многихъ комнатахъ развѣшаны преміи этихъ изданій и на нижнихъ полкахъ библіотечнаго шкафа покоятся эти журналы, переплетенные и уложенные другъ около друга.

Домъ расположенъ на пригоркѣ, который оканчивается прудомъ, раздѣленнымъ плотиной и мостомъ; на той сторонѣ небольшая роща и на самомъ краю берега около пруда громадная ива, въ нѣсколько стволовъ. Крупныя и густыя вѣтви свѣшиваются на воду; вода, какъ зеркало, отражаетъ вѣтви. Много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ива и прудъ соединились вмѣстѣ и перешептываются обо всемъ, что видѣли и слышали. Рядомъ съ ивой стоятъ тоненькія березки, но въ почтительномъ отъ нея отдаленіи, чтобы не мѣшать ей раскинуться во всю ширину. Кудрявая, раскидистая ива, какъ глубоко образъ твой врѣзался въ моей памяти! Зимой, когда снѣгъ окутаетъ землю, я буду вспоминать тебя...

20 августа.

Сегодня мы перебрались въ паркъ, гдѣ жизнь потекла по старому. Мой садикъ весь обгорѣлъ отъ удручающей жары, которая держалась въ нынѣшнемъ году все лѣто. Листья облетѣли, трава желтая; въ общемъ садикъ представляетъ собой картину природы въ позднюю осень.

21 августа.

Сегодня жарко: въ тѣни 22 градуса тепла. Пыль летитъ съ шоссе и покрываетъ все цѣлымъ слоемъ. Вѣтеръ бушуетъ и сметаетъ послѣдніе листья съ деревьевъ. Ходынка покрыта пылью густою, какъ туманъ. Настроеніе у меня скверное: тоска, грусть совсѣмъ меня съ ума свели за послѣднее время.

1898.

13 апрѣля.

Сколько разъ собиралась я писать свой дневникъ и оставляла это намѣреніе! Надо на этотъ разъ не оставлять и продолжать. Интересно прослѣдить свою дѣятельность бѣлки въ колесѣ, которая мечется, ищетъ выхода, воображая, что она чего нибудь добьется въ своихъ хлопотахъ, а она бьется только въ колесѣ, пока не упадетъ отъ изнеможенія. «Что день грядущій мнѣ покажетъ?» Хлопоты, заботы, угожденія всѣмъ и исполненіе приказаній во всѣхъ видахъ... Какъ я бываю довольна, когда остаюсь одна со своими думами! Хотѣла сказать мечтами. Какія могутъ быть мечты у меня? Единственная мечта не оставляетъ меня, которая вполнѣ осуществима: оставаться одной и больше ра-

ботать и читать. Жизнь двигается постепенно и неуклонно къ закату, и это сильно поддерживаетъ меня; со смертью окончится и дѣятельность бѣлки въ колесѣ... Есть и радость у меня; это созерцаніе, именно созерцаніе природы. Наступаетъ весна, все оживетъ, запоютъ птицы, и я вздохну свободнѣе.

25 апрѣля.

Какъ много существуетъ на свѣтѣ сосудовъ безъ содержимаго. На видъ, видишь благообразный сосудъ, именуемый человѣкъ, а внутри его нѣтъ ничего... И такихъ людей большинство; одни изъ нихъ откровенны въ своихъ дѣйствіяхъ, другіе прикрываются покрываломъ, сшитымъ изъ кусковъ добродѣтели, гуманности и прочихъ «забытыхъ словъ».

— Сегодня *«Русскія Вѣдомости»* извѣстили, что онѣ наказаны 3-мъ предостереженіемъ и запрещеніемъ изданія на два мѣсяца. Вина *«Русскихъ Вѣдомостей»* заключается въ томъ, что онѣ, вопреки запрещенію губернатора, осмѣлились публиковать о пожертвованіяхъ въ пользу несчастныхъ и измученныхъ духоборовъ. Теперь и читать нечего. Однимъ словомъ: «всюду темно, всюду глухо. Что-то будетъ, что-то будетъ!».

26 апрѣля.

Слухи о закрытіи *«Русскихъ Вѣдомостей»* циркулируютъ по Москвѣ въ различныхъ варіантахъ. Одна единственная газета, *«Русскія Вѣдомости»*, за послѣднее время помѣщала въ своемъ изданіи многочисленныя свѣдѣнія о голодѣ въ 13-ти или 14-ти губерніяхъ Россіи.

30 апрѣля.

Красивая тетрадь, купленная за-границей; изящная внѣшность, но пустое будетъ въ ней содержаніе, а писать хочется и мысли толпятся въ головѣ. О чемъ писать? Зачѣмъ писать? Кому это нужно? Впрочемъ, пройдутъ годы, и интересно будетъ прочесть о томъ, что волновало, безпокоило и радовало; послѣднее, впрочемъ, есть призрачная мечта. Чему радоваться въ настоящее время? Въ деревняхъ мужики голодаютъ и умираютъ отъ голоднаго тифа, а съ ними ихъ жены и дѣти страдаютъ. Газеты взываютъ о помощи, но все это далеко отъ насъ... Пожертвованія хотя и льются, но недостаточно.

— Деньги, деньги! Всесильна власть ихъ надъ людьми. Сколько дѣлается на свѣтѣ всевозможныхъ мерзостей изъ-за нихъ, униженій и даже преступленій. Но не всегда эти преступленія явныя, иногда бываютъ они и тайныя, закономъ не предусмотрѣнныя. Паукъ плететъ свою паутину, медленно, прочно и осторожно и достигаетъ цѣли, ло-

витъ мухъ и питается ими. То же дѣлаетъ и человѣкъ, но сѣти, раскинутыя имъ, опаснѣе. И жертвы гибнутъ. Окружающіе ищутъ причинъ, по обыкновенію, въ ближайшихъ фактахъ: въ болѣзни, простудѣ, и и проч., и проч., а корень скрытъ глубоко въ землѣ, но его никто не видитъ... И гибнутъ не только взрослые, но и дѣти, въ особенности если они представляютъ собою въ отдаленномъ будущемъ наслѣдниковъ громаднаго состоянія. Какъ это все старо, однако! Сколько романовъ и разсказовъ было написано на эту тему! Время бѣжитъ, цивилизація растетъ, прогрессъ двигается, а люди-пауки живутъ и множатся, только дѣйствія ихъ получаютъ другую окраску, болѣе утонченную, менѣе замѣтную для глазъ постороннихъ лицъ. Пауки одѣваются въ мантію добродѣтели, пропагандируютъ себя благотворительными дѣлами, и проч., и проч.

27 апрѣля.

Сколько на свѣтѣ живетъ и благоденствуетъ людей, которые глупы, самонадѣянны, нахальны и дерзки! Какая истина! Кто-же этого не знаетъ? Это такъ же старо, какъ и міръ. Но глупость людская лѣзетъ въ носъ, глаза, въ ротъ, въ уши и надоѣдаетъ и мучитъ. Рядомъ съ глупостью всегда почти стоитъ высокомѣріе, которое признаетъ только свое «Я» непогрѣшимымъ...

9 мая.

Наконецъ, всѣми правдами и неправдами удалось мнѣ прочесть «Парижъ» Зола. Иногда я, дѣйствительно, превращаюсь въ бѣлку въ колесѣ, которая мечется между пустыми разговорами съ гостями и интересной книгой. Если гости налетные, тогда еще можно уловить свободные часы, но когда появляются хроническіе гости, которые посѣщаютъ на мѣсяцъ и болѣе, то положеніе мое дѣлается безвыходнымъ, и я изнемогаю подъ давленіемъ пустоты, пошлости и проч., проч. Положимъ, что со многими изъ нихъ я не церемонюсь и заявляю, при ихъ пріѣздѣ, о своемъ исчезновеніи на нѣсколько часовъ въ день въ свою комнату. Но нѣкоторые, подъ видомъ любви, поцѣлуевъ, объятій, жалкихъ, льстивыхъ словъ, деспотически требуютъ моего присутствія, забивая мою голову...

20 августа.

Осень наступаетъ, и деревья измѣнили свой цвѣтъ. Побурѣла и ива, стоящая на семи корняхъ. Давно-ли было время, когда она рѣзко отличалась цвѣтомъ отъ рядомъ стоящей темно-зеленой сосны, а теперь разница не велика. Листья еще цѣлы, и вѣтви обременены ими, въ видѣ шапки; также склонились они низко на прудъ, еще немного и вѣт-

ви будутъ купаться въ водѣ. Погода хорошая, теплая; небо голубое; тихо, ясно, но солнце не грѣетъ, не припекаетъ такъ, какъ лѣтомъ. Все проходитъ; все временно въ природѣ; одно смѣняется другимъ и такъ безъ конца, пока существуетъ міръ. Какъ смѣняется растительность, перемѣняются животныя, птицы и насѣкомыя, такъ и люди, одни родятся, другіе умираютъ. Жизнь не ждетъ и смѣна идетъ быстро. И мысли человѣка постепенно, смотря по обстоятельствамъ, также измѣняются: мечты и надежды молодости превращаются въ зрѣлости и старости въ разочарованіе и сомнѣніе. Зрѣетъ разумъ и указываетъ пустоту мечтаній и несбыточныхъ надеждъ. Идеалъ свергается въ пропасть, а на мѣстѣ его образуется пустырь, заросшій бурьяномъ: все сѣро, туманно и грустно кругомъ. Одна надежда остается въ старости у человѣка, это то, что онъ смертенъ, и путь его уже близокъ къ концу.

— Развивается промышленность, растетъ и буржуазія съ неизмѣннымъ капитализмомъ. Дворянство давило крестьянство крѣпостнымъ трудомъ и паразитствовало, утопая въ роскоши, на его счетъ, буржуазія также пользуется трудомъ крестьянъ и давитъ ихъ капиталомъ. Протестъ первыхъ выражался въ убійствахъ и поджогахъ, хотя бы въ тѣхъ только случаяхъ, когда помѣщики превышали свою власть и доходили до неистовствъ, а время шло и шло. Вопросъ объ освобожденіи рабовъ отъ ига дворянства тихо и крѣпко созрѣвалъ въ сознаніи правительства и общества и, наконецъ, настала минута, когда порвалась великая и тяжелая цѣпь, связывавшая крестьянъ и помѣщиковъ. Настанетъ время, когда образованіе посѣетъ въ сознаніи рабочихъ, тѣхъ же крестьянъ, сѣмена освобожденія отъ ига капитализма. Что для этого нужно? Прежде всего сознаніе несправедливости ига, затѣмъ матеріальное благосостояніе и коллективная сила протестующихъ. И въ данное время этотъ вопросъ назрѣваетъ тихо. Сознаніе этого пробуждается и у правительства, что выражается въ различныхъ мѣропріятіяхъ и постановленіяхъ закона объ урегулированіи и облегченіи рабочаго труда въ промышленныхъ учрежденіяхъ. Промышленники тоже сознаютъ необходимость облегченія труда рабочихъ, что видно изъ ихъ стремленія устраивать на фабрикахъ и заводахъ школы, больницы и проч. То и другое, несомнѣнно, вытекаетъ не изъ человѣколюбивыхъ чувствъ правительства и промышленниковъ, а прямо только изъ простого чувства самосохраненія, тѣмъ болѣе, что и наша Россія начала подражать Западу въ организаціи стачекъ...

28 августа.

Если счесть, сколько дней останется въ мѣсяцѣ, когда я бываю свободна отъ сюрпризовъ, налетающихъ на меня, какъ ураганъ, то и 10-ти

не найдешь. Сюрпризы дѣлаютъ свое дѣло и подтачиваютъ мое существованіе; они не даютъ оправиться организму. Образуется въ концѣ-концовъ полное равнодушіе ко всему на свѣтѣ или вѣчное ожиданіе чего то новаго, и это новое—дурное, но не хорошее. Смѣшно было бы ждать чего-нибудь хорошаго. Да есть ли оно на свѣтѣ? Это вопросъ. Трудно представить себѣ это хорошее, когда его не испыталъ. Обстоятельства жизни осложняются и производятъ новыя мученія, новыя заботы, а одиночество всегда остается неизмѣннымъ...

1899.

1 января.

Первый день новаго года ознаменовался очень печальнымъ извѣстіемъ о смерти писательницы, Екатерины Оскаровны Дубровиной. Она скончалась отъ разрыва сердца; смерть послѣдовала моментально. На дняхъ я получила письмо, въ которомъ она писала, что въ воскресенье, 3-го, она будетъ въ Москвѣ, и заѣдетъ ко мнѣ. Замѣчательная была женщина Е. О. по своимъ убѣжденіямъ, взглядамъ и самоотверженію. Какъ писательница, она была извѣстна въ началѣ своей литературной дѣятельности за очень талантливую особу и писала въ лучшихъ журналахъ (*«Дѣло»*, и во многихъ другихъ). Затѣмъ, позднѣе, она была вынуждена работать на спѣхъ...

— Сегодня получила непріятное извѣстіе о новыхъ разговорахъ, раздорахъ, въ которыхъ силой обстоятельствъ должна принимать участіе. Дѣло идетъ о нашихъ конторскихъ дѣлахъ, которыя много вызываютъ непріятностей, вслѣдствіе разрозненности интересовъ компаньоновъ, связанныхъ между собою договоромъ...

2 января.

Сейчасъ просматривала итоги прошедшаго года и бюджетъ государственныхъ доходовъ на 1899 годъ. Въ ассигнованіи средствъ на народное образованіе произошелъ ощутительный прогрессъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, на народное образованіе полагалось 9.000.000, на 1899 г. назначено 28.761.171 р. На военное министерство ассигнована крупная величина—323.791.710 р.; на морское министерство назначено 83.065.000 р. Въ общемъ составляется цифра — 406.856.710 рублей. По сравненію смѣты, назначенной на народное просвѣщеніе, эта цифра очень велика. Но вооруженіе всей Европы вынуждаетъ и Россію принимать участіе въ общемъ концертѣ. Когда мы доживемъ до счастливаго времени, когда эти суммы будутъ измѣнены въ своемъ назначеніи въ обратномъ направленіи? Тогда только наступитъ настоящій прогрессъ въ Европейскихъ странахъ, когда вооруженіе замѣнится просвѣщеніемъ.

Избитая истина, которая повторяется всѣми націями устно и печатно, но фактъ остается фактомъ. Каждая страна увѣряетъ другую въ мирѣ, согласіи и проч., но вооруженіе идетъ своимъ чередомъ и прибавляется съ каждымъ годомъ.

3 января.

Открываю газеты и читаю, что Е. О. Дубровина жива и здорова. Я очень обрадовалась этому извѣстію.

— 1899 годъ былъ встрѣченъ, по распоряженію митрополита Владиміра, въ 12 час. ночи колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ. Звонъ призывалъ всѣхъ къ молебну. Такая встрѣча новаго года была обыкновеннымъ явленіемъ у нашихъ предковъ, въ до Петровской Руси. Этотъ обычай давно былъ оставленъ, и вдругъ, въ послѣдній годъ XX в., возобновленъ снова. Предполагали, что церкви будутъ пустынны во время молебна, но къ великому удивленію оказалось, что онѣ были переполнены народомъ.

— Прочла разсказъ Антона Чехова, подъ названіемъ «Новая дача» (*«Русск. Вѣдом.»*, № 3). Этотъ разсказъ напоминаетъ мнѣ одно изъ произведеній Гарина, въ которомъ ярко представлена картина розни и недовѣрія крестьянъ къ интеллигенціи. Чеховъ, который принадлежитъ къ партіи неомарксистовъ, намѣренно подчеркиваетъ невѣжество крестьянъ и тщетныя усилія интеллигенціи къ ихъ просвѣщенію. Спасеніе крестьянъ и разрѣшеніе этого вопроса марксисты видятъ въ привлеченіи ихъ на фабрики, гдѣ они пріобщаются къ цивилизаціи и развиваются. Народники говорятъ, что фабрики, столицы и центральные города развращаютъ крестьянъ, а неомарксисты толкуютъ обратное. Не зная этой теоріи, можно подумать, что этотъ разсказъ написанъ ярымъ консерваторомъ и даже крѣпостникомъ, который съ презрѣніемъ смотритъ на крестьянъ, усматривая въ каждомъ ихъ поступкѣ гадость, низость, обманъ, пошлость, развратъ и т. д., и видитъ исцѣленіе этихъ недуговъ въ кулакѣ и розгѣ. Или же онъ смѣется надъ интеллигентами, говорящими литературнымъ языкомъ съ крестьянами и предлагающими имъ деньги, школы и больницы. Люди, полагающіе всѣ свои надежды на просвѣщеніе народа, поймутъ этотъ разсказъ именно въ томъ смыслѣ, что надо больше заботиться объ образованіи народа, чтобы не было этой жизни, чтобы народъ и интеллигенція больше понимали другъ друга.

13 января.

Весь день прошелъ безъ занятій: точно тяжесть непосильная лежитъ на моей груди, и нѣтъ силъ сбросить съ себя гнетъ, который давитъ меня. Можетъ быть, завтра я буду чувствовать себя лучше. Всѣ эти неожиданные сюрпризы всегда вызываютъ во мнѣ воспоминанія про-

шлаго и страхъ за будущее. Трудно ждать хорошаго, когда его не было. Лучше ждать дурного уже потому, чтобы легче къ нему приготовиться и заранѣе обдумать планъ дѣйствій для борьбы съ нимъ.

10 февраля.

Не писала болѣе мѣсяца: не было времени присѣсть и подѣлиться съ бумагой своими мыслями и впечатлѣніями, а послѣднихъ было не мало.

Писать больше не могу: глаза болятъ и просятъ отдыха въ вечерній часъ: сейчасъ 9 съ половиной ч. Слабѣютъ винты въ машинѣ отъ постояннаго тренія; ослабѣли и мои глаза отъ постоянныхъ занятій, и порой усиленныхъ. Я, какъ пьяница, который заливаетъ свое горе въ водкѣ, а я заливаю его въ чтеніи и письмѣ, которыя составляютъ для меня высшее наслажденіе.

11 февраля.

Удивительно, какъ люди умѣютъ портить себѣ жизнь, тонко и безсознательно сплетая паутину, которая въ концѣ-концовъ запутываетъ ихъ самихъ.

Искренность есть цѣнное качество людей, которое несовмѣстимо съ чувствомъ самосохраненія, присущимъ всѣмъ животнымъ такъ же, какъ и роду человѣческому. Искренность возможна въ дѣтствѣ и юношествѣ, а затѣмъ она постепенно уничтожается жизненнымъ опытомъ, который учитъ слишкомъ многому и часто портитъ людей, превращая ихъ въ фальшивыхъ.

Вчера слышала интересный разсказъ. У насъ въ Москвѣ свирѣпствуетъ, хотя нѣкоторые его и хвалятъ, оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Дѣло въ томъ, что театръ, содержимый Саввой Ив. Мамонтовымъ, долго не допускался къ открытію властями, вслѣдствіе нежеланія конкурренціи съ большимъ Императорскимъ оперным театромъ. Наконецъ, разрѣшеніе послѣдовало. Въ день открытія театра, управляющіе этимъ учрежденіемъ пожелали пропѣть на сценѣ гимнъ: «Боже Царя храни», для чего и обратились за разрѣшеніемъ къ оберъ-полицеймейстеру, но его не оказалось дома; тогда было рѣшено пропѣть гимнъ безъ разрѣшенія, такъ какъ здравый смыслъ указывалъ, что противозаконнаго въ этомъ ничего нѣтъ. На другой день содержательница театра К. С. Винтеръ и завѣдующій Малининъ были вызваны къ оберъ-полицеймейстеру, и имъ было объявлено, чтобы первая за сопротивленіе властямъ закрыла театръ, а второй выселился бы въ 24 часа изъ Москвы. Пораженные такой неожиданностью, они вернулись въ театръ и не знали, что имъ дѣлать, тѣмъ болѣе, что время было уже позднее, спектакль объявленъ и всѣ билеты распроданы. Одинъ изъ полицейскихъ, присутствовавшихъ въ театрѣ, заявилъ, что есть выходъ изъ такого положенія, если принять во вниманіе

трусость Трепова, но просилъ только не выдавать его. Прежде всего, онъ представилъ на видъ завѣдующимъ, что они имѣютъ право объявить публикѣ, почему театръ закрывается и она приглашается взять деньги обратно. Затѣмъ онъ предложилъ отправиться самому къ Трепову и подъ секретомъ сообщить ему это. Такъ и было сдѣлано. Треповъ испугался. Полицейскій объявилъ, что было одно недоразумѣніе, такъ какъ въ телефонъ о запрещеніи пѣть гимнъ было сказано въ кассу, а не въ театръ; артельщикъ, хотя и сообщилъ объ этомъ запрещеніи, но ему никто не повѣрилъ, предполагая, что онъ ошибся или не разобралъ сказаннаго. Все пошло своимъ чередомъ.

— Былъ сейчасъ у меня докторъ Титовъ. Я его спросила, читалъ ли онъ мою статью въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» подъ заглавіемъ: «Новый типъ средней школы во Франціи». Оказалось, что нѣтъ; я дала ему газету. Онъ выразилъ одобреніе, которое всегда бываетъ пріятно получать отъ умныхъ людей. Кстати объ этой статьѣ. Французскій педагогъ г. Демоленъ организуетъ съ помощью многихъ сочувствующихъ этому дѣлу новый видъ средней школы, по типу англо-саксонскихъ. Этотъ видъ представляетъ много новаго и интереснаго и для насъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что наши среднія школы поставлены возмутительно.

— Сегодня у О. родилась дочь. Отецъ не желалъ имѣть дочь, тѣмъ болѣе, что одна уже есть. Свое нежеланіе онъ объясняетъ труднымъ положеніемъ женщины въ мірѣ вообще, а въ русскомъ обществѣ въ особенности. Несомнѣнно, что онъ правъ. Какъ ни двигаются женщины впередъ вездѣ, такъ же, какъ и у насъ въ Россіи, но это движеніе слишкомъ незначительно въ смыслѣ не только правъ, но и образованія. У насъ открытъ, положимъ, медицинскій институтъ для женщинъ, но доступъ туда очень ограниченъ. Существуютъ курсы—одни единственные, Бестужевскіе въ Петербургѣ, затѣмъ такъ называемые коллективные уроки въ Москвѣ, и больше ничего нѣтъ для высшаго образованія женщинъ. И это образованіе, за исключеніемъ медицинскаго института, никакихъ правъ женщинѣ не даетъ. Безспорно, что по сравненію съ тѣмъ, что было 30—40 лѣтъ назадъ, женщины сильно двинулись по образованію впередъ, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы отцамъ можно было быть вполнѣ спокойными за будущность дочерей. Въ общемъ, въ настоящее время почти все то же, что было и раньше, когда родители стремились отдавать дочерей замужъ, не зная другого исхода для ихъ обезпеченія. Что нужно дѣвушкѣ? Все то же, что и прежде: хорошенькое личико и деньги; отсутствіе того и другого оставляетъ ее уже за штатомъ въ жизни; одно личико также не имѣетъ большой цѣны; но безъ него уже и совсѣмъ плохо. Умъ и другія душевныя качества—все это аксессуары къ хорошенькому личику и деньгамъ. Будемъ надѣяться, что къ тому времени,

когда подрастутъ мои внучки, въ Россіи будутъ существовать университеты женскіе или женщины получатъ доступъ къ высшему образованію въ мужскихъ университетахъ. Дѣло все въ томъ, чтобы женскій удѣлъ не заключался бы только въ одномъ замужествѣ, которому не можетъ мѣшать образованіе. Пусть выборъ профессіи будетъ также свободенъ для женщины, какъ и для мужчины. Пусть и бракъ будетъ такимъ-же простымъ актомъ и равно необходимъ, какъ для мужчины, такъ и для женщины; послѣдняя вступая въ бракъ, несомнѣнно, будетъ понимать свои обязанности воспитательницы своихъ дѣтей, какъ понимаетъ это и хорошій отецъ въ настоящее время. Желающія или бездѣтныя будутъ посвящать себя тому или другому труду, сообразно образованію и выбору профессіи. Пусть дѣвушка некрасивая и старая пользуется уваженіемъ общества, согласно своему уму, развитію и образованію.

7 марта.

Слишкомъ осложнилась моя жизнь, слишкомъ тяжело быть центромъ, который долженъ все нести на своихъ плечахъ. Когда-же сломится моя несокрушимая сила и меня не станетъ? Долженъ же, наконецъ, наступить вѣчный покой и для меня! Со всѣхъ сторонъ сыпятся на меня огромныя еловыя шишки и больно бьютъ меня по головѣ, плечамъ и спинѣ и т. д. Отстраняю ихъ, сбрасываю, закрываю голову, глаза отъ нихъ, разбрасывая руками, ногами, и все напрасно.

— Послѣдняя студенческая исторія *) измѣнила взгляды на студентовъ совершенно въ противоположную сторону, сравнительно не только съ прошлымъ, но съ недавнимъ временемъ. 1-го января 1899 г. на нашемъ обѣдѣ **) присутствовалъ М., профессоръ Лазаревскаго Института. Этотъ господинъ, состоя въ чинѣ генерала, громилъ все либеральное, выставлялъ централизацію, какъ нѣчто совершенное; порицалъ молодежь; требовалъ обрусѣнія завоеванныхъ странъ; однимъ словомъ, говорилъ все то, что и подобаетъ генералу. Раньше, когда онъ еще не находился въ этомъ чинѣ, и рѣчь его была сдержаннѣе, мягче; онъ сообразовался съ мнѣніемъ лицъ, которые были его собесѣдниками. Теперь—не то; онъ важная птица, заслуженный профессоръ, генералъ, слѣдовательно ему все возможно, онъ чувствуетъ себя столбомъ Россійскаго Государства. И вдругъ, во время студенческой послѣдней исторіи (дѣло склонилось въ пользу студентовъ, въ эту же сторону) бросились и всѣ подвѣдомственные служащіе, въ лицѣ профессоровъ и проч. Полились рѣкой другія рѣчи. Вчерашніе ретрограды, ненавидящіе молодежь, сегодня толкуютъ о сту-

*) Студенческія волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ весною 1899 года. Въ одной изъ тетрадей А. И. Волковой записаны сообщенія, разсказы и слухи объ этихъ волненіяхъ.

**) Традиціонный обѣдъ 1-го января, въ день рожденія А. И. Волковой.

денческой организаціи по факультетамъ, о невмѣшательствѣ полиціи, о дозволеніи сходокъ. Корпораціи, по ихъ мнѣнію, возможны и даже необходимы, такъ же, какъ и сходки и университетскій судъ. Сегодня, 7-го марта, все это я слышала изъ устъ М., который горячился и волновался, говоря объ этомъ; точно такъ же онъ выходилъ изъ себя, какъ 1-го января, когда говорилъ совершенно противоположное. Я слушала и удивлялась, какъ быстро мѣняются взгляды и убѣжденія у 60-тилѣтнихъ старцевъ подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній свыше. Окончивъ свою горячую рѣчь, М. добавилъ, что онъ вчера еще говорилъ объ этомъ въ обществѣ многихъ профессоровъ московскаго университета. Я увѣрена, что если бы онъ слышалъ что нибудь подобное, что самъ говоритъ теперь, осенью или зимой отъ своихъ коллегъ, принадлежащихъ къ другому лагерю, то онъ бы донесъ о нихъ, куда слѣдуетъ, чтобы выслужиться...

8 марта.

Маминъ-Сибирякъ говоритъ, что исторія каждаго человѣка есть сказка интересная для него одного. И это вѣрно. Кому нужны всѣ эти мученія и страданія, которыя испытываетъ человѣкъ во всѣхъ возможныхъ видахъ и съ различными варіаціями. «Зачѣмъ мнѣ знать твои печали, зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?» говоритъ Тамара Демону. Люди, вообще, вполнѣ равнодушны къ страданіямъ ближнихъ; своихъ много; время только подумать о нихъ. Есть, которые, благодаря личнымъ невзгодамъ, отзывчивы и къ несчастьямъ другихъ. Но такіе субъекты рѣдки.

9 марта.

День за днемъ и сутки прочь. Сегодня походила въ первый разъ по комнатамъ послѣ бронхита, который терзалъ меня цѣлый мѣсяцъ. Хожденіе продолжалось три-четверти часа съ тремя перерывами, а къ вечеру ноги снова отекли, въ особенности по обыкновенію лѣвая. Должно быть, такъ и будетъ постоянно: «носъ завязилъ, хвостъ вытащилъ и т. д.» Да не все-ли равно? лишь бы не было сильныхъ недомоганій, которыя могутъ мѣшать занятіямъ, убивать энергію, а это самое ужасное.

10 марта.

Чѣмъ ближе подходитъ лѣто, тѣмъ грустнѣе для меня, что я не увижу природы въ нынѣшнемъ году, такъ какъ должна жить въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ, кромѣ пыли и ресторановъ, ничего нѣтъ. Какъ надоѣло мнѣ это слово: «должна!»

Единственное мое утѣшеніе и спокойствіе духа, это — природа, и этого я лишена въ силу обстоятельствъ. Я даже не могу жить на дачахъ въ родѣ Останкина, Кунцова и т. д., гдѣ все-таки есть что нибудь, что напоминаетъ природу. Въ паркѣ, кромѣ ящика, именуемаго садомъ,

ничего больше нѣтъ. Въ самомъ паркѣ можно еще гулять утромъ. Впрочемъ, что-же я печалюсь. Изъ 35-ти лѣтъ моего замужества я жила 30 лѣтъ въ паркѣ и 5-ть послѣднихъ лѣтъ въ деревнѣ: два года въ Пушкинѣ, годъ въ Семенковѣ и два года въ Осорьинѣ; послѣднія двѣ мѣстности представляютъ собою настоящую деревню, и первая тоже дачное мѣсто, которое во всякомъ случаѣ лучше Петровскаго парка. И то хорошо, что я 5 лѣтъ видѣла природу.

Сегодня всѣ газеты извѣщаютъ, что высланные и исключенные студенты въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ возвращены по прнказанію министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова. Молодцы студенты, добились своего. Пора дѣйствовать коллективно, а не вразсыпную. Для насъ, гражданъ, такъ ново и неожиданно читать въ газетахъ о возвращеніи студентовъ. Да когда-же это было, чтобы правительство извѣщало объ этомъ гражданъ газетами? Родители не знали, гдѣ ихъ дѣти и за что они исключены или высланы. Будемъ надѣяться, что этотъ первый шагъ есть начало конца безправія и грубости относительно студентовъ.

8 апрѣля.

Сегодня въ «*Рус. Вѣд.*» помѣщены выдержки изъ статьи Арсеньева о печати. Интересно то, что безцензурныхъ періодическихъ, еженедѣльныхъ и ежедневныхъ, изданій почти нѣтъ въ данное время въ столицахъ. Въ Москвѣ «*Московскія Вѣдомости*» выходятъ только безъ предварительной цензуры, остальныя, какъ напримѣръ: «*Русскія Вѣдомости*», «*Курьеръ*» находятся подъ цензурой. Въ Петербургѣ почти то же самое: «*Правительственный Вѣстникъ*», «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» освобождены отъ цензуры; другія, какъ «*Новости*» и, кажется, «*Новое Время*», хотя и считаются безцензурными, но на нихъ лежитъ два предостереженія, а за третьимъ уже слѣдуетъ по закону цензура.

Въ Петербургѣ издается второй годъ подъ покровительствомъ В. С. Миролюбова «*Журналъ для всѣхъ*». Цѣна журнала 1 рубль въ годъ, съ доставкой и пересылкой. Дешевизна эта имѣетъ цѣлью привлечь большое количество подписчиковъ, но не съ желаніемъ наживы, такъ какъ для послѣдней необходимо имѣть по меньшей мѣрѣ 70,000 или 80,000 подписчиковъ. Въ 1898 г., по слухамъ, подписка не достигла болѣе 15,000 человѣкъ, почему этотъ журналъ не можетъ даже окупить себя, тѣмъ болѣе, что участвующіе въ немъ принадлежатъ къ научнымъ и литературнымъ извѣстностямъ. В. С. Миролюбовъ изъ духовнаго званія; образованіе окончилъ, кажется, въ университетѣ, хотя я это не навѣрное знаю. Затѣмъ у него оказался голосъ, почему онъ учился пѣть и поступилъ на сцену, но за недостаткомъ здоровья, долженъ былъ оставить эту

карьеру. Основная цѣль изданія «Журнала для всѣхъ» очень симпатичная: предполагается доставить разумное чтеніе всѣмъ желающимъ и за дешевую цѣну. Въ этомъ изданіи принимаютъ участіе профессора, которые помѣщаютъ въ немъ статьи по своимъ спеціальностямъ, но въ популярной формѣ, доступной пониманію людей съ среднимъ и низшимъ образованіемъ. Журналъ знакомитъ съ строеніемъ человѣка, съ воспитаніемъ дѣтей, съ естественными науками, съ исторіей и проч. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ въ первыхъ трехъ книжкахъ былъ помѣщенъ разсказъ Н. Тимковскаго «Среди людей». Отношенія людей между собой слишкомъ холодны, черствы, и человѣкъ «среди людей» можетъ умереть съ голода. Герой этого разсказа нѣкто Еременъ, получившій среднее образованіе, но не окончившій его за недостатокъ средствъ, ищетъ занятій и нигдѣ не находитъ ихъ; въ числѣ лицъ, къ которымъ онъ обращался, представлены различные слои общества, и вездѣ его преслѣдовала черствость, сухость или смѣшная, или глупая благотворительность. Въ концѣ-концовъ, онъ рѣшилъ броситься подъ поѣздъ, но не успѣлъ исполнить свое намѣреніе, онъ замерзъ. Этотъ разсказъ, навѣрное, заставилъ многихъ покраснѣть или вспомнить изъ своей жизни однородные случаи обращенія съ бѣдными.

Въ нынѣшнемъ году, т. е. въ 1899 г., подписка на журналъ увеличилась, хотя достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ я не имѣю. Подписка, вслѣдствіе дешевизны, проникаетъ и въ деревни, что, несомнѣнно, принесетъ большую пользу всѣмъ грамотнымъ. Очень было бы прискорбно, если этотъ журналъ, не достигнувъ цѣли, заглохъ бы за недостатокъ средствъ.

— Л. Н. Толстой написалъ романъ подъ названіемъ: «Воскресеніе», который онъ продалъ Марксу, издателю журнала «Нива», за 12,000 руб. Печатаніе романа началось съ 2 № «Нивы». Благодаря этому роману подписчиковъ прибавилось въ этомъ 1899 г. громадное количество. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, чуть не въ каждомъ домѣ получаютъ «Ниву». Въ началѣ многія газеты, какъ: «*Курьеръ*», «*Новости Дня*» и нѣкоторыя петербургскія изданія, пользуясь, что Толстой отказался отъ издательскихъ правъ, начали перепечатывать этотъ романъ, но затѣмъ Марксъ обратился къ Толстому за разъясненіемъ вопроса; послѣдній отвѣтилъ печатно, что онъ находитъ это несправедливымъ, такъ какъ Марксъ пріобрѣлъ романъ за извѣстную цѣну. Разъ онъ будетъ свободно вездѣ перепечатываться, то всякій можетъ читать этотъ романъ во всѣхъ изданіяхъ, не подписываясь на «Ниву», и слѣдовательно издатель будетъ въ убыткѣ. Въ настоящее время, я прочла только четыре № «Нивы» и могу сказать, что впечатлѣніе отъ начала романа очень сильное. Несмотря на ожиданіе продолженія въ теченіе недѣли, все прочитанное не сглаживается въ памяти, а всѣ лица стоятъ, какъ живые передъ вами. Иногда,

кажется, что слышишь разговоръ, видишь выраженіе лица князя Нехлюдова и Катюши. Интересъ вырастаетъ съ каждымъ прочитаннымъ номеромъ. Говорятъ, что въ іюнѣ романъ будетъ оконченъ.

10 апрѣля.

Вышла новая книжка подъ названіемъ: «Воспоминанія студенческой жизни». Эти воспоминанія принадлежатъ профессорамъ Ключевскому, Соловьеву, Кирпичникову, Буслаеву и другимъ лицамъ, какъ, напр.: Обнинскому, Свербѣеву, Гольцеву, Деркачеву и Митропольскому. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ статьи Ключевскаго о Соловьевѣ, Обнинскаго и Соловьева. Послѣдній, вспоминая о попечителѣ Московскаго учебнаго округа С. Гр. Строгановѣ, разбудилъ въ моей памяти нѣкоторыя картины моего дѣтства. Графъ Строгановъ жилъ въ Кунцевѣ въ имѣніи Нарышкиныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, гдѣ жилъ мой отецъ при жизни матери. У графа были взрослые сыновья, дочери и внучата; къ этимъ послѣднимъ насъ, дѣтей, брата и меня, приглашали играть. Графъ былъ высокаго роста, сѣдой и съ ласковыми глазами, когда онъ смотрѣлъ на насъ, дѣтей. Графиня, старая старушка съ сѣдыми локонами, всегда сидѣла на балконѣ и при нашемъ появленіи гладила насъ по головамъ и всегда чѣмъ нибудь угощала. Графа я очень боялась и всегда пряталась куда нибудь въ уголъ или въ саду за кусты. Сынъ графа Строганова, Николай Сергѣевичъ, крестилъ съ моей матерью ребенка у кр-на изъ Мазилова, деревни, находящейся близъ Кунцева. Молодой офицеръ, въ то время, онъ былъ веселый, изящный и живой. Часто приходилъ онъ къ намъ, и я до сихъ поръ помню его смѣхъ и пріятный голосъ, которые раздавались по комнатамъ. Сильно запечатлѣлась въ дѣтской памяти ласка графини, въ первый годъ послѣ смерти матери, когда мы снова жили въ Кунцевѣ лѣтомъ и отецъ былъ уже женатъ на Вѣрѣ Ѳедосѣевнѣ Какушкиной. Графиня и няня ея внучатъ цѣловали насъ съ братомъ, ласкали и даже плакали. Должно быть, эти слезы были вызваны рѣзкимъ контрастомъ нашего положенія при матери и безъ нея. Контрастъ этотъ выражался во всемъ: въ нашей одеждѣ, въ поступкахъ, въ робости и проч.

4 мая.

Облегчилъ ты когда-нибудь
Скорбь угнетеннаго?
Осушилъ ли когда-нибудь
Слезы страдавшаго?

Это четверостишіе Гете, думаю, подходитъ ко многимъ въ буржуазномъ сословіи, въ которомъ, несмотря на XX в., сильно еще господствуетъ принципъ: «Нраву моему не препятствуй!». Недавно проф. Овсянико-Куликовскій написалъ статью въ «*Журналѣ для всѣхъ*» (1899 г.)

о Чеховѣ, гдѣ упомянулъ о типахъ Островскаго и сказалъ, что они уже почти исчезли въ настоящее время. Профессоръ живетъ въ Петербургѣ и, конечно, мало знаетъ Москву, почему и говоритъ такъ; тѣмъ болѣе, что онъ живетъ и дѣйствуетъ въ интеллигентной средѣ и не можетъ даже представить себѣ той дикости нравовъ, которая существуетъ и благоденствуетъ въ Москвѣ между именитыми купцами. Многіе изъ молодыхъ людей превосходятъ старыхъ Титъ Титычей по своему деспотизму. Разница только въ томъ, что старики свои дѣйствія считали въ порядкѣ вещей и не скрывали ихъ отъ людскихъ взоровъ, а молодые прикрываютъ все внѣшнимъ блескомъ, который выражается, какъ роскошью, ихъ обстановки, такъ и умѣньемъ болтать на иностранныхъ языкахъ и проч., и проч.

8 мая.

Конецъ XIX в. ознаменовался событіемъ великой важности, мирною конференціею въ Гаагѣ, въ Голландіи, въ текущемъ мѣсяцѣ. Несомнѣнно, что рѣшеніе державъ относительно разоруженія послѣдовать не можетъ въ данное время. Трудно себѣ даже представить, чтобы могло совершиться подобное явленіе. Знаменательно то, что всѣ державы собрались на эту конференцію для обсужденія вопросовъ о всеобщемъ мирѣ. Многія газеты высказывали опасенія, какъ-бы эта мирная конференція не привела къ вооруженію. Дѣйствительно, это была бы горькая насмѣшка. Люди собрались обсуждать миръ, а пришли къ соглашенію относительно войны....

9 мая.

Сегодня годовщина смерти моей матери, которой я обязана всѣмъ, что я есть, несмотря на то, что мнѣ было только 9 лѣтъ, какъ она умерла. Мать скончалась въ 1856 году, слѣдовательно сегодня 43 года, какъ ея нѣтъ, а память о ней живетъ во мнѣ. Эти 9-ть лѣтъ моей жизни протекли совсѣмъ иначе, чѣмъ послѣдующіе до моего замужества 7-мь лѣтъ. Тогда трудно было понять измѣненіе жизни, которое отражалось во всѣхъ мелочахъ, а теперь оно ясно и понятно. Контрастъ былъ слишкомъ рѣзкій, чтобы не замѣтить его. Грустно и горько вспоминать обо всемъ, что было и прошло, но слѣдъ этого прошлаго остался и глубоко запечатлѣлся въ памяти.

5 іюня.

Невеселый, несладкій мой удѣлъ. Кто окружаетъ меня? Ненужныя, ископаемыя древности, какъ говоритъ В. Вездѣ ископаемыя древности бываютъ интересы, а у меня и этого нѣтъ. Собесѣдники мои дорогіе, это —книги и тетрадки. У дѣтей моихъ свои семьи, и всѣ озабочены своимъ дѣломъ, да иначе и быть не можетъ...

5 сентября.

Дрейфуса снова осудилъ военный судъ и вся Европа возмутилась по поводу этого тяжелаго событія. Невиновный осужденъ, а виновный торжествуетъ. Чудное письмо Зола уясняетъ положеніе дѣлъ послѣ Реннскаго приговора. Какое чудное письмо, какая горячая защита чести націи и справедливости въ мірѣ! Такое письмо можетъ успокоить и обновить душу человѣка, измученную равнодушіемъ людскимъ. «Къ добру и злу постыдно равнодушны». О это равнодушіе, какъ оно мучительно отзывается на сердечныхъ людяхъ и какъ оно распространено между людьми. Все выходящее изъ рамокъ равнодушія считается ненормальнымъ, болѣзненнымъ, эксцентричнымъ. Медицина нашла даже названіе этому состоянію: въ данное время всѣ такіе люди называются неврастениками и истеричными; первый эпитетъ налагается на мужчинъ, второй для женщинъ. Несомнѣнно, что въ нашъ нервный вѣкъ эти болѣзни существуютъ, но подъ нихъ подводятъ и здоровыхъ людей, но горячихъ, отзывчивыхъ и энергичныхъ. О Зола тоже говорятъ, что онъ ненормаленъ, въ смыслѣ общаго шаблона людей. Это равнодушіе прикрываютъ, называя его умомъ, спокойно и хладнокровно разбирающимъ событія дня.

— Какое странное чувство ощущаю я сегодня! Точно я отчего-то отрѣшилась и что-то пережила. Это ощущеніе я почувствовала еще вчера. Несомнѣнно, что это—реакція послѣ тяжело и мучительно проведенной недѣли. Чувство отступило назадъ, и на первомъ планѣ выступилъ разумъ, который все взвѣсилъ, разсудилъ и успокоилъ. Но иллюзія, за которую я цѣплялась, разсыпалась, какъ песокъ, и разметалась вѣтромъ въ разныя стороны. Неужели я опять создамъ себѣ иллюзію и затѣмъ опять стремительно слечу съ облаковъ?...

13 сентября.

За послѣднее время я сильно поддавалась вліянію семейныхъ невзгодъ и погружалась въ это чувство съ головой, если такъ можно только выразиться. Сегодня я опомнилась подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго разсказа Вильгельма Либкнехта подъ названіемъ «Комедія смерти». Сущность въ томъ, что одна жена, любившая своего мужа и прожившая съ нимъ болѣе 25 лѣтъ, скрыла свою болѣзнь, исходъ которой она хорошо знала, ради любви къ семьѣ («*Русск. Вѣд.*», 13 сентября 1899). Давно извѣстно, что женщина болѣе способна на самоотверженіе, нежели мужчина, но я слишкомъ утонула въ горестяхъ. Надо жить и терпѣть, ничего не требуя и ни о чемъ не помышляя. Между мною и женою доктора разница только та, что она была любима своимъ му-

жемъ и срокъ ея страданій былъ ограниченъ, а у меня нѣтъ ни того, ни другого. Моимъ мученіямъ нѣтъ также другого исхода, какъ смерть; каторга безъ выслуги лѣтъ. Но я стала озлобляться за послѣднее время, приходить въ отчаяніе, а этотъ разсказъ умиротворилъ меня. Я точно нашла откликъ своимъ мученіямъ и вздохнула свободнѣе.

22 сентября.

Какъ мелки и пусты разговоры женщинъ во всѣхъ слояхъ общества. Сейчасъ за столомъ со мною сидѣли двѣ дамы: одна старая, вдова инженера, другая, молодая, вдова офицера, и о чемъ-же онѣ говорили? Та и другая перебирали чуть не всѣхъ живущихъ въ Пятигорскѣ и не только ихъ, но и всѣхъ родственниковъ, которые только пріѣзжали по временамъ въ этотъ городъ. И какая память! Всѣ мельчайшія подробности въ отношеніяхъ этихъ лицъ между собою, ихъ родословныя и проч., все это высыпалось изъ ихъ устъ съ необыкновенной быстротой; по временамъ онѣ спорили, доказывая другъ другу ошибку, напримѣръ, въ томъ, что тотъ-то жилъ съ этой-то, а не съ той и т. д. И какъ оживленно велся этотъ споръ, какъ горѣли ихъ глаза, какъ усердно жестикулировали эти дамы! Положимъ, что обѣ дамы—провинціалки. Но и въ Москвѣ такіе экземпляры совсѣмъ не рѣдки. Чѣмъ интересуются женщины, что онѣ читаютъ? Въ лучшихъ случаяхъ романы безъ разбора, а въ худшихъ—и совсѣмъ ничего. Есть дѣльныя женщины, но какъ ихъ еще мало! Хотѣлось бы видѣть ихъ, слышать въ возможно большемъ количествѣ, но видно скоро ничего не дѣлается. И то хорошо, что есть, сравнительно съ тѣмъ, что было 30—40 лѣтъ назадъ. Тогда умныя, развитыя женщины встрѣчались только единицами.

Сегодня погода измѣнилась къ худшему: затуманился горизонтъ и, затѣмъ, пошелъ дождь. Но съ 15-го сентября до настоящаго дня мы пользовались лѣтней температурой и ясными солнечными днями. Ежедневно мы путешествовали съ Д. И. въ паркъ, совсѣмъ пустынный въ настоящее время, что особенно намъ было пріятно, такъ какъ свободно можно было ходить по аллеямъ и дышать хорошимъ воздухомъ, не обращая на себя вниманія другихъ людей. Многіе деревья облетѣли, какъ, напримѣръ, липы, но зато тополя, березы еще только пожелтѣли. Хвойные гиганты стоятъ во всей своей красѣ, лиственница, сосна, пихта и ель. Какія чудныя есть аллеи въ паркѣ изъ елей и лиственницы; первая, положимъ, небольшая, но очень красивая. Взглянешь на вершины этихъ деревьевъ и вздохнешь свободнѣе. Невольно хочется повѣдать свое горе этимъ нѣмымъ свидѣтелямъ человѣческихъ драмъ. Гордо стоятъ эти пирамиды и снисходительно смотрятъ на жалкаго человѣка внизу: иногда налетитъ вѣтерокъ и громадныя, тяжелыя вѣтви закачаются въ

отвѣтъ и снова затѣмъ примутъ прежнее положеніе. Вотъ заходитъ осеннее солнце, превращая окружающее небо въ золотой коверъ, съ ярко краснымъ блескомъ, который передвигается по верхушкамъ деревьевъ. И какая это чудная картина!

24 сентября.

Чудная погода послѣднихъ дней смѣнилась сегодня дождемъ и туманомъ, который виситъ надъ землей. Барометръ падаетъ. Должно быть, придется намъ перебираться изъ Петровскаго парка въ Москву на Волхонку, гдѣ шумно, суетливо. Нервы и безъ того плохи, а неистовый шумъ городскихъ улицъ еще болѣе раздражитъ ихъ.

25 сентября.

Люди, преслѣдующіе свои интересы въ жизни, всегда счастливѣе тѣхъ, которые ставятъ цѣлью своего существованія интересы другихъ. Странно, дѣйствительно, что человѣкъ съ большимъ уваженіемъ относится къ первымъ, нежели къ послѣднимъ: ихъ, хотя и бранятъ заглаза, но осторожны съ ними, въ силу страха или чего другого; послѣдніе же всегда подвергаются эксплоатаціи или даже насмѣшкамъ, когда ихъ самоотверженіе въ пользу другихъ переходитъ условныя границы.

29 сентября.

Кончилась хорошая погода; наступила настоящая осень, и пронесся циклонъ надъ Москвою въ ночь на 27-е сентября и принесъ съ собою много бѣдъ въ городѣ и въ окружающихъ городахъ. Поломаны телефонные и телеграфные столбы; разорваны сѣти, и сообщеніе между Петербургомъ и Москвой остановилось. Вѣтеръ, или скорѣе ураганъ, снѣгъ и дождь соединились вмѣстѣ и произвели нѣчто невообразимое. Мы сидѣли на дачѣ въ паркѣ и боялись, что ураганъ сорветъ крышу, но рощица сада спасла отъ этого. Выйти на дворъ было немыслимо, такъ какъ все крутило, вертѣло, и снѣгъ залѣплялъ глаза. Съ ужасомъ смотрѣли мы изъ окна на разбушевавшуюся природу. На слѣдующій день появились снова снѣгъ и морозъ, но теперь мы вступаемъ въ мокрую осень съ неизмѣнной изморозью, темнотою и сыростью. Завтра переѣзжаемъ изъ Петровскаго парка въ Москву на Волхонку, на зимнее сидѣнье.

Что-то будетъ, что-то будетъ?!

10 октября.

Прочла какой-то разсказъ, гдѣ героиней является забытая, но любимая когда-то жена, и поднялись въ душѣ воспоминанія своей жизни, въ которой ничего не было хорошаго. Полились горькія, неудержимыя слезы. Зачѣмъ это? Какъ это глупо! Да, наконецъ, смѣшно и поздно плакать о томъ, чего нѣтъ и никогда не было. Давно, давно прудъ заросъ тиной, а разсказъ явился, въ видѣ камня, брошеннаго въ прудъ.

Тина заколебалась, замутилась; на моментъ встрепенулся прудъ, и опять все заглохнетъ. Какъ велика и сильна жажда ласки, нѣжности, заботъ людскихъ, если и годы не могутъ заглушить этой потребности, и разумъ бываетъ, иногда, безсиленъ съ своими логическими разсужденіями и требованіями! Одиночество очень тяжело во всѣ возрасты жизни, а на склонѣ дней оно еще сильнѣе ощущается, такъ какъ впереди нѣтъ надежды ни на что: всѣ иллюзіи давно исчезли, какъ метеоръ въ лѣтнюю ночь.

1900.

12 марта.

Люди очень часто относятся другъ къ другу—съ совершеннымъ почтеніемъ, вмѣстѣ съ совершеннымъ равнодушіемъ. Эту смѣсь отношеній я давно подмѣтила у многихъ людей, стоящихъ даже на высокой ступени умственнаго развитія. Это отношеніе давно душитъ мой внутренній міръ...

Кто-то позвонился, и я должна оставить изслѣдованіе причинъ этого вопроса и заняться пустыми разговорами, показывая видъ, что ихъ слушаешь, а самой думать совсѣмъ о другомъ. Сегодня воскресенье, слѣдовательно, нужно выносить эту пытку.

18 марта.

Англичане воюютъ съ бурами или съ голландцами. Эту войну называютъ войной капиталистовъ. Въ Трансваалѣ оказалось золото, и буржуа пожелали имъ воспользоваться. Интеллигенція англійская возмущается этой рѣзней мирныхъ бюргеровъ, живущихъ въ южной Африкѣ, но правительство и капиталисты дѣлаютъ свое скверное дѣло на посрамленіе себѣ передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Однако, какъ ни привыкли люди къ тому, что добродѣтель наказывается, а порокъ торжествуетъ, а въ данномъ случаѣ совершается наоборотъ. Бѣдные буры такъ стойко отстаиваютъ свою независимость, что англичане не могутъ сладить съ ними. Одно время и очень непродолжительное побѣда была на сторонѣ англичанъ, но не надолго, буры снова одержали верхъ.

Въ настоящее время въ Москвѣ только и разговора во всѣхъ слояхъ общества, что на страстной недѣлѣ пріѣдетъ Государь Николай II, и объявитъ войну *). Военныя приготовленія не скрываются: Брестскій вокзалъ переполненъ войскомъ, которое отправляется на западную границу. Многіе утѣшаютъ себя и другихъ, что это неправда, что всѣ эти слухи не имѣютъ никакого основанія, но людская молва, какъ морская волна, бѣжитъ впередъ безъ оглядки и пугаетъ всѣхъ. Нѣтъ семьи, гдѣ не будетъ слезъ. Прольются слезы, быть можетъ, и у насъ...

*) Слухи оказались неосновательны.

Какъ горько, грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно вспоминать про Гаагскую конференцію, обсуждавшую всеобщій міръ по иниціативѣ нашего Государя. Давно-ли это было? Еще года нѣтъ. Не успѣла окончиться конференція, какъ англичане начали свое вопіющее дѣло съ бурами. Съ самаго начала этой войны (съ октября 1899 г.), мнѣ казалось, что будетъ въ концѣ-концовъ общая европейская война. Такое усиленное вооруженіе и безумная трата на него денегъ, чуть не всѣхъ державъ, не можетъ, наконецъ, не дойти до крайнихъ предѣловъ и не разразиться надъ всѣми, какъ грозовая туча, повисшая надъ землей. И сколько лѣтъ продолжается это безумное вооруженіе? Почти 30 лѣтъ, безъ нѣсколькихъ годовъ для Россіи, и ровно 30 для Франціи и Германіи, которыя воевали въ 1870 г., а въ 1873 году нѣмецкія войска возвращались съ ликованіемъ въ Германію, что мнѣ пришлось видѣть случайно, когда я жила на курортѣ въ Крейцнахѣ. Путь отъ Меца въ Пруссію идетъ чрезъ Крейцнахъ. Надо было видѣть безуміе ликующихъ нѣмцевъ: войска проѣзжали по желѣзной дорогѣ и махали въ окна платками, а жители неистовствовали, падали на землю, прыгали, плакали и проч. Всѣ дома въ Крейцнахѣ были убраны въ этотъ день флагами, а хозяйки угощали своихъ жильцовъ, больныхъ, особенно лакомыми блюдами, въ родѣ «Lax-fisch» (лососина) или разными необыкновенными пудингами. Мы, иностранцы, невольно участвовали въ этомъ торжествѣ, хотя многіе, быть можетъ, изъ насъ и не раздѣляли этого ликованія. Кончилось ликованіе, и началось вооруженіе. Французы не могутъ забыть своего униженія, и глубоко таятъ въ душѣ «revanche», а германцы тоже готовятся къ войнѣ изъ года въ годъ.

Въ теченіе моей жизни я была свидѣтельницей двухъ войнъ, въ которыхъ участвовала Россія. Первая была Севастопольская, когда мнѣ было 6 лѣтъ, т.-е въ 1853 г., во время объявленія войны. Воспоминанія этой войны очень смутны; одно запечатлѣлось только въ памяти слишкомъ рѣзко, это—щипаніе корпіи для раненыхъ; этимъ занимались въ то время буквально вездѣ *). Вторая война съ участіемъ Россіи была въ 1876 году, когда мнѣ было 29 лѣтъ. Эта война, хотя и производила на меня впечатлѣніе ужаса, горя и слезъ, но душа не проникалась такимъ глубокимъ чувствомъ жалости и отвращенія, какъ въ данное время, при однихъ только еще разговорахъ о войнѣ Россіи съ англичанами. Въ то время, я слишкомъ была поглощена семействомъ и болѣзнями, почему и театръ военныхъ дѣйствій былъ далекъ отъ меня, тѣмъ болѣе, что я не могла даже слѣдить за всѣмъ ходомъ событій по газетамъ, т. к. мало приходилось читать ихъ по нездоровью. Общій духъ патріотизма, несо-

*) См. „Воспоминанія дѣтства“, стр. 20—21.

мнѣнно, былъ и выражался только въ желаніи, чтобы русскіе побѣдили, а чего эти побѣды стоятъ, и сколько слезъ и горя расѣяно въ странѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, этого въ голову не приходило, и навѣрное потому, что эгоистическія убѣжденія преобладали. Иной разъ въ тишинѣ ночной и представлялись картины плачущихъ матерей, женъ и сестеръ о погибшихъ сыновьяхъ, мужьяхъ и братьяхъ, но эти картины были слабы, сравнительно съ настоящимъ временемъ, когда одни только слухи волнуютъ и заставляютъ трепетать сердце.

19 марта.

Время бѣжитъ не останавливаясь. Молодое поколѣніе вытѣсняетъ старыхъ, и такъ безъ конца, пока существуетъ міръ. «Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu!»

— Капитализмъ дѣлаетъ свое дѣло и не знаетъ никакихъ другихъ интересовъ, за исключеніемъ прирещенія собственныхъ капиталовъ. Вчера, 18-го марта, въ газеты проникъ слухъ, что писчебумажные фабриканты намѣреваются устроить между собою синдикатъ и набавить 10% лишнихъ на стоимость бумаги. Возвышая цѣну на бумагу, они тѣмъ самымъ возвысятъ цѣну и на книги, и, слѣдовательно, уменьшатъ ея распространеніе. Фабриканты мотивируютъ этотъ проектъ недостаткомъ лѣса, изъ котораго дѣлается бумага, и новымъ лѣсоохранительнымъ закономъ, препятствующимъ истреблять древесину. За-границей эти законы давно существуютъ, но бумага дешевѣетъ, а не дѣлается дороже. Капитализмъ растетъ, положимъ, вездѣ, и на Западѣ даже болѣе, чѣмъ въ Россіи, но тамъ растетъ и просвѣщеніе, а у насъ господствуетъ косность и невѣжество, а послѣднее, вообще, склонно не только распространять просвѣщеніе, но смѣяться надъ нимъ и препятствовать ему.

20 марта.

Вчера прочла разсказъ Михѣева «На выставкѣ» (*«Р. Богатство»*, № 1, 1900 г.). Авторъ описываетъ Нижегородскую выставку, рядомъ съ различными впечатлѣніями и типами. Между прочимъ, онъ указываетъ одинъ очень интересный типъ молодого человѣка, который вынесъ сильное горе, нужду и разомъ преобразился изъ живого веселаго студента въ аскета. Этотъ молодой человѣкъ находитъ красоту жизни въ сознаніи своей правоты передъ всѣми людьми. Это сознаніе проникаетъ его душу настолько, что онъ чувствуетъ себя выше своего горя. Рядомъ онъ занимается самоусовершенствованіемъ и самовоздержаніемъ. Это все, вмѣстѣ взятое, поддерживаетъ его духъ и не даетъ погибнуть. Положимъ, этимъ сознаніемъ, что я никому не сдѣлалъ зла, что никто не плакалъ отъ меня, можно жить и дышать, но только въ молодости. Мнѣ кажется, что многіе люди, испытавшіе горе, поддерживаютъ себя этимъ

сознаніемъ. Я это испытывала и испытываю до-нынѣ, хотя, въ данное время, на склонѣ дней моихъ, это сознаніе тускнѣетъ; нѣтъ въ немъ той силы и яркости, какъ это было въ молодости. Теперь, моментами появляется озлобленіе рядомъ съ равнодушіемъ, и сознаніе своей правоты передъ людьми не вызываетъ подъема духа, какъ прежде. Все равно, скоро умирать. Въ старости сознаніе близкаго конца больше поддерживаетъ, чѣмъ сознаніе своей правоты передъ людьми.

21 марта.

Вчера окончился съѣздъ ремесленниковъ въ Петербургѣ; этотъ съѣздъ былъ первымъ въ Россіи, и результаты его оказались довольно плачевными. Съѣздъ, состоявшій изъ 1500 членовъ, довольно ярко указалъ, какъ низокъ уровень нравственнаго и умственнаго развитія ремесленниковъ въ данное время. Да оно и не удивительно! Кто составляетъ ряды ремесленниковъ въ Россіи въ настоящее время? Крестьяне, пришедшіе въ города учиться ремесламъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ и вынесшіе всю муку ремесленнаго обученія. Люди эти состарились и закалились въ жизни, сознавая только одно, что деньги все, почему и цѣль оправдываетъ средства, слѣдовательно, если меня давили, то и я буду давить слабыхъ и тѣмъ пріобрѣту средства къ существованію. Ремесленникъ по опыту видѣлъ, что сила не въ грамотѣ, а въ деньгахъ, почему и на съѣздѣ все, что касалось ремесленныхъ учениковъ, ихъ обученія и лучшаго съ ними обращенія, ему казалось пустяками, или «философіей», какъ выражались нѣкоторые, когда кто-нибудь изъ интеллигенціи говорилъ объ образованіи ремесленныхъ учениковъ. Интересно описываютъ этотъ съѣздъ газеты. Всякое умное слово, раздающееся съ каѳедры, осыпалось со стороны ремесленниковъ слѣдующими словами: «довольно!», «будетъ болтать!», «похерить!» и т. д. Многіе ревнители просвѣщенія и защитники малолѣтнихъ преступниковъ должны были на полусловѣ остановить свои рѣчи и удалиться съ каѳедры. Положимъ, что удалось добиться постановленій объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о позволеніи обучаться ремесленникамъ-ученикамъ по воскресеньямъ, о требованіи, чтобы поступающіе въ ремесленное заведеніе окончили курсъ въ начальномъ одноклассномъ училищѣ. Но какихъ усилій потребовалось на это со стороны интеллигенціи! Ремесленникамъ до этого нѣтъ дѣла, что будетъ впереди; они живутъ настоящимъ, своимъ личнымъ «я», а «après nous le déluge». Борьба ремесленниковъ съ механическимъ трудомъ многихъ производствъ и сейчасъ даетъ себя знать, но орудій для этой борьбы ремесленники ищутъ не въ грамотѣ, не въ образованіи, не въ сплоченіи другъ съ другомъ, а во всемъ постороннемъ, какъ напримѣръ, въ эксплоатаціи ремесленныхъ учениковъ, въ ярой конкуррен-

ціи между собою и т. д. Всѣ указанія въ этомъ направленіи были плохо поняты ремесленниками.

Въ общемъ, съѣздъ былъ дикій, ясно выразилась рознь интеллигенціи и ремесленнаго класса.

1901.

14 февраля.

Наступилъ новый вѣкъ и все осталось по-старому для каждаго, кто несъ свой крестъ такъ или иначе...

15 февраля.

Если бы я вздумала записывать свои впечатлѣнія ежедневно, то мнѣ кажется, это было бы ужасно для меня. Переживать приходится такъ много непріятнаго и тяжелаго, что не выдержали бы и нервы. Лучше забываться и переносить свои мысли на что-нибудь другое. Самое лучшее средство въ этомъ случаѣ это—чтеніе, но серьезное. Мысль начинаетъ работать въ другомъ направленіи и легче на душѣ, такъ какъ незамѣтно для себя попадаешь въ другую сферу и отдыхаешь. Не всегда бываетъ полезно выливать свое горе на бумагу. Есть горе, которое лучше тушить въ душѣ...

14 декабря.

Сейчасъ прочла некрологъ Лидіи Парменовны Лесевичъ. Много грусти навѣялъ на мою душу этотъ некрологъ, въ которомъ я нашла много общаго съ своей жизнью, съ своими стремленіями. И лѣта Лид. Пар. почти одинаковы; она родилась въ 1844 г., а я въ 1847 г., слѣдовательно, жили и расли въ одну эпоху. Разница только въ томъ, что она была дочь директора кадетскаго корпуса, а я купца. Она вышла замужъ за В. В. Лесевича, извѣстнаго писателя въ настоящее время. Въ то время Лесевичъ былъ еще молодой человѣкъ, только что выступившій на литературное поприще, но уже съ прочно сложившимися общественными воззрѣніями. Я вышла замужъ за купца Волкова безъ всякихъ воззрѣній. Лид. Парменовна пошла впередъ подъ руку съ мужемъ, и я тоже пошла впередъ, но одна и тихонько, чтобы не загромождали путь. Сколько было пережито, пока я сознательно вступила на этотъ путь, хотя и тайкомъ. Помощи, поддержки ждать было не отъ кого, почему масса была ошибокъ при чтеніи книгъ. Самообразованіе получалось на этомъ основаніи лишь только каплями, а стремленіе все расло и расло, а рядомъ и расла борьба съ окружающими...

16 декабря.

Сейчасъ прочла содержаніе новой драмы С. Найденова, подъ названіемъ «Дѣти Ванюшина». Эта драма поставлена въ театрѣ Корша, и взята изъ жизни купцовъ, которая такъ хорошо описана въ комеді-

яхъ Островскаго и въ разборѣ послѣднихъ Добролюбовымъ. Драма изображаетъ то же «темное царство», но въ новѣйшей формаціи. Годы, неизмѣнно текущій прогрессъ, цивилизація отразились и на представителяхъ «темнаго царства», но только внѣшнимъ образомъ. Дѣти въ такихъ семьяхъ учатся въ гимназіяхъ, въ университетахъ; отцы стремятся дать образованіе своимъ потомкамъ, но въ общемъ, въ сущности, все тотъ же деспотизмъ господствуетъ въ тихихъ семейныхъ очагахъ, тотъ же гнетъ, какъ и прежде. Разница только въ томъ, что прежде дѣти за недостаткомъ развитія и образованія признавали этотъ деспотизмъ, хотя и страдали отъ него. Родительская власть была освящена религіей. Теперь разладъ въ семьѣ между членами обрисовывается еще рѣзче, чѣмъ прежде. Душевной связи между старшими и младшими не существуетъ; нѣтъ ни дружбы, ни единенія между дѣтьми. Вездѣ разладъ, и всякій въ семьѣ самъ по себѣ. Въ концѣ-концовъ, дѣти вырастаютъ и оказываются безнравственными людьми. Отецъ удивляется такому явленію. Развѣ онъ не думалъ о нихъ, не старался образовать ихъ? И какіе же результаты получились? Отецъ недоумѣваетъ и не можетъ понять причины. А причины ясны. Прежде былъ деспотизмъ грубый, выражавшійся въ ударахъ хлыста, розогъ и проч., ради блага дѣтей, а теперь въ молчаніи, отчужденіи и видимомъ равнодушіи къ дѣтямъ—и тоже ради ихъ пользы. Развѣ не для дѣтей сколачиваетъ отецъ капиталы, обманывая, обмѣривая и обвѣшивая кого попало? Или не для нихъ онъ служитъ и занимаетъ разные посты въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ? И все ничего не выходитъ. Дѣти не понимаютъ трудовъ отца, а отцы не понимаютъ, что дѣтямъ нужно нѣчто другое. Отцы и дѣти—чужіе другъ другу. Отцы не интересуются дѣтьми, не вникаютъ въ ихъ души, не приближаютъ къ себѣ, а напротивъ, отталкиваютъ своимъ величіемъ. Какъ прежде, дѣти не смѣли пикнуть передъ отцомъ, такъ и теперь то же самое. Но тогда дѣти были приказчиками въ лавкѣ отца, а теперь они студенты, техники и проч.

Въ общемъ же, выходитъ одно и то же. Мало желать только образовать дѣтей, надо умѣть развить ихъ душевныя способности, руководить ими, направлять къ добру не только словами, но и собственнымъ примѣромъ. Но для этого нужно самому развиваться и умѣть любить ближняго. Надо постоянно слѣдить за собой и выработать себя; тогда только можетъ получиться примѣръ, достойный подражанія. А въ этомъ и вся сила!

Тотъ же методъ воспитанія господствуетъ не только въ современномъ «темномъ царствѣ», но и въ другихъ слояхъ общества. Мать и отецъ, въ большинствѣ случаевъ, развѣ только за очень рѣдкими исключеніями, живутъ для себя, почти не сознавая своей обязанности и от-

вѣтственности передъ дѣтьми; они ихъ родятъ, кормятъ, учатъ и только; остальное все дѣлается само собою...

30 декабря.

Въ Москвѣ существуетъ общество покровительства животнымъ, которое издаетъ, или скорѣе, издавало журналъ «Другъ Животныхъ». Въ этомъ журналѣ и я участвовала около двухъ лѣтъ, въ качествѣ сотрудницы и редактора. Хотя идея, положенная въ основу общества и журнала, очень высокая, гуманная, но не для Россіи; для насъ еще она преждевременна. Если у насъ на Руси въ началѣ XX вѣка бьютъ мужика, по приказанію начальства, то смѣшно и странно требовать, чтобы этотъ мужикъ не колотилъ бы свою лошадь, или вообще домашнюю скотину. Кажется, достаточно извѣстно, что чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ лучше обращеніе съ животными. Тамъ, гдѣ заботятся о людяхъ, тамъ пожалѣютъ и животное.

Мнѣ пришлось работать въ этомъ журналѣ изъ деликатности и вѣжливости передъ лицами, которые просили меня принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Но каждый разъ, когда мнѣ приходилось за недостаткомъ времени оставлять мои педагогическія занятія, я чувствовала себя виноватой передъ дѣтьми, учащимися и женщинами, къ которымъ притягиваются моя симпатія и сила. Несчастные дѣти—фабричные, ремесленники, сироты, брошенные, значительно несчастнѣе животныхъ. Члены этой категоріи дѣтей также безотвѣтны и безсильны въ борьбѣ съ взрослыми, какъ и животныя. Дѣтей мучатъ и эксплоатируютъ, какъ и животныхъ, для наживы, а также и для удовольствія и проч., и проч. Масса причинъ, которыми руководятся мучители въ примѣненіи своей силы надъ слабыми. Вотъ, напримѣръ, фактъ. Въ Петербургѣ показываютъ дѣтей-великановъ.

«Знаете-ли вы, что это за улыбающіяся дѣти-толстяки, которымъ «художественная реклама» соорудила такія румяныя, круглыя, какъ у трубачей, щеки? Это несчастнѣйшія въ мірѣ дѣти. Это маленькіе мученики, терпящіе ежедневно пытку. Сироты, отданные жестокосердыми опекунами, или дѣти голодныхъ, холодныхъ, нищихъ родителей, эти дѣти по контракту закабалены антрепренеру, увеселителю зѣвающей, коптящей небо и бременящей землю, уличной части рода человѣческаго. Это просто доведенныя до чудовищнаго ожирѣнія, путемъ особаго откармливанія, обыкновенныя дѣти. Такъ откармливаютъ каплуновъ, утокъ, индѣекъ, свиней и т. д. Ихъ лаской и хлыстомъ заставляютъ проглатывать огромныя количества по особому рецепту заготовленной пищи. Въ ихъ «меню» входитъ, между прочимъ, рубленое сырое мясо, разные жирные, сладкіе и мучнистые составы. Понятно, что они должны глотать черезъ силу, давясь отъ отвращенія. Имъ запрещаютъ двигаться. Къ тому же, всякое движеніе вызываетъ удушье. Они сидятъ неподвижно. Тяжкая сонливость овладѣваетъ ими. И такъ влачатъ они свое жалкое существова-

ніе. Хозяинъ таскаетъ ихъ изъ города въ городъ, но жизнь ихъ недолга. Лѣтъ пять-шесть показываются дѣти-великаны и умираютъ» («*Курьеръ*», № 359, 1901 г.).

Кого-же больше слѣдуетъ жалѣть? Дѣтей или животныхъ? Дѣти—это будущіе люди, которые и могутъ быть только тѣмъ, что посѣятъ въ нихъ старшіе. А что-же могутъ посѣять такіе образцы людей, которыхъ мы видимъ въ этой замѣткѣ? Большинство дѣтей, поставленныхъ такимъ образомъ, или умираютъ, или превращаются въ озлобленныхъ бродягъ и преступниковъ. Надо устроить общество и журналъ, подъ названіемъ «*Другъ Дѣтей*». Обществъ, которыя заботятся о дѣтяхъ, у насъ много, но мало они дѣлаютъ сравнительно съ тѣмъ, что надо дѣлать. Съ нынѣшняго года появилось объявленіе о журналѣ «*Другъ Дѣтей*», но что это будетъ за журналъ, пока еще неизвѣстно. По всей вѣроятности, онъ будетъ предназначенъ для дѣтскаго чтенія, а не для защиты дѣтей, не для смягченія общества и не для того, чтобы разсѣять равнодушіе сильныхъ ко всему окружающему, а также и къ дѣтямъ. Если-бы больше сплотилось сочувствующихъ лицъ дѣтскому горю и дѣтскимъ слезамъ, то меньше было-бы несчастныхъ. Надо смотрѣть и впередъ. Нельзя же жить по знаменитому изреченію Людовика XIV «aprѐs nous le dѐluge». Забываютъ эти люди въ своемъ эгоизмѣ, что эти дѣти вырастутъ порочными людьми и будутъ вредить ихъ потомкамъ. Затѣмъ, когда-же, наконецъ, общество сознаетъ свой долгъ относительно бѣдныхъ и несчастныхъ дѣтей? Но это должно-быть будетъ не скоро.

А учащіе мужчины и женщины, развѣ не плебеи въ обществѣ? Если что и дѣлается для нихъ въ послѣднее время, то это только капли. Учебный персоналъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ низшихъ и кончая высшими, долженъ бы быть особенно уважаемъ обществомъ и правительствомъ. Учитель—великое слово, и каждый носящій это имя, долженъ соотвѣтствовать этому названію по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, а для этого и образованіе должно быть поставлено иначе, чѣмъ это существуетъ въ настоящее время. Заниматься учительствомъ—честь, а не безчестье и не униженіе. А въ учителя идутъ люди не изъ любви къ этому дѣлу, а только ради стремленія пристроиться къ тепленькому мѣстечку, примазаться къ начальству, попасть въ чиновники и вскарабкаться по карьерной лѣстницѣ. Конечно, все это говорится о средне-учебныхъ и высшихъ заведеніяхъ. Въ низшихъ учатъ, чтобы не умереть съ голода. Несомнѣнно, есть лица преданные дѣлу, но при плохихъ матеріальныхъ условіяхъ и недостаткѣ умственной пищи, трудно устоять, и немногіе остаются честными борцами до конца своей жизни. Многіе плывутъ по теченію, другіе спиваются и погибаютъ.

А женщины, развѣ онѣ не требуютъ поддержки общества въ ихъ стремленіи учиться и пользоваться одинаковыми правами съ мужчинами?

1902.

21 января.

Въ послѣднее время въ литературѣ часто встрѣчаются призывы къ страданію, которое даетъ величіе душѣ и покоряетъ властныхъ и грубыхъ людей, заставляя ихъ преклоняться передъ страдающими. Такая идея проведена въ разсказѣ Л. Авиловой *«Нервы»*, помѣщенномъ въ *«Русскихъ Вѣдомостяхъ»* (20 января 1902 г.). Замужняя дочь стараго военнаго, изнывая отъ тоски, капризничая и ищущая чего-то новаго, бѣжитъ за-границу, подъ предлогомъ страданія нервовъ, оставляя мужа и дѣтей. Балованная эгоистка, не знавшая отказа своимъ желаніямъ, она требуетъ все новаго и новаго отъ жизни, и ищетъ развлеченій, не понимая тоски и грусти любящаго ея мужа. Отецъ героини, долго молчавшій по просьбѣ своей жены, разражается наконецъ... Общій смыслъ его рѣчи, обращенной къ дочери: умѣй страдать, умѣй любить, и тогда твоя жизнь освѣтится яркимъ лучемъ солнца, и тогда только будетъ тебѣ ясенъ смыслъ твоей жизни. Дѣйствительно, страданія очищаютъ человѣка, смягчаютъ его душу по отношенію къ другимъ. Но многихъ страданія и ожесточаютъ, и превращаютъ въ жестокихъ людей, желающихъ выместить свои невзгоды на другихъ...

3 апрѣля.

Какъ трудно находиться постоянно въ общеніи съ людьми мало развитыми, но желающими казаться передовыми и первенствовать во всемъ, и даже въ пустякахъ. Какъ это надоѣдаетъ, наконецъ! Давно извѣстныя истины приходится толковать и получать дикія возраженія, которыя потому только и появляются, что люди желаютъ показать себя знающими. Самые невинные предметы могутъ возбудить уже споры, глупые, ничѣмъ не обоснованные... И сколько такихъ людей! Имя ихъ—легіонъ.

5 мая.

...Въ концѣ-концовъ, можно даже дойти до того, что или разучишься совершенно выражать свои мысли, такъ какъ говорить о пустякахъ не есть обмѣнъ мыслей, или же говорить одной въ пустой комнатѣ, что я иногда и дѣлаю, когда устаю читать или писать. Скучно и грустно такъ жить, но ничего не сдѣлаешь; вѣрно такъ и придется кончить свое существованіе. Впрочемъ, вѣдь всѣ люди одиноки. О чемъ же я тоскую? «Такъ надо, такъ надо!»

27 октября, Алушта.

Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я здѣсь живу на покоѣ, послѣ тяжкой болѣзни. Сегодня прочла стихи въ «*Новомъ Времени*» Ф. Черниговца. Какъ много думъ и мыслей вызвали эти стихи, тѣмъ болѣе, что картина вѣчно бушующаго моря раскинулась широко передъ моими окнами.

(Выписано стих. «*Море*», Ф. Черниговца).

30 октября, Алушта.

Вотъ уже скоро будетъ 4 мѣсяца, какъ я была больна уремiей или отекомъ мозга. До сихъ поръ я еще не приступала къ занятiямъ, по совѣту доктора. Читаю, пишу письма и смотрю на море, которое всегда привлекаетъ мое вниманiе такъ же, какъ и горы. Тишина, спокойствiе вокругъ сегодня. Море тихо, спокойно. Парусныя лодки, барказы рыболововъ скользятъ по поверхности моря въ разныхъ направленiяхъ. Муэдзинъ кричитъ въ мечети и сзываетъ правовѣрныхъ на молитву. Эхо разноситъ взываніе муэдзина далеко за предѣлы Алушты. Съ горъ подулъ вѣтерокъ и закачались стройные кипарисы, наклоняя свои вершины по направленiю моря. По склону пригорка кипарисы растутъ одинъ ниже другого, образуя аллею, которая почти одновременно наклоняется своими верхушками впередъ. Вдали надъ горизонтомъ появились облака, которыя быстро соединяются между собой образуя причудливыя формы съ разнообразной окраской. Хорошо сидѣть на балконѣ въ Алуштѣ и днемъ и вечеромъ, и ни о чемъ не думать. Здѣсь все далеко отъ меня; нѣтъ ни заботъ, ни хлопотъ, ни мукъ, ни страданiй. Наступила полная реакцiя послѣ тяжкой болѣзни, и энергiя моя, словно дремлетъ около меня и въ горахъ, или скорѣй, у подножья ихъ, когда сойдешь съ горы, гдѣ я живу. Моментами чувствуешь, что нѣтъ мыслей у меня, нѣтъ и силъ для борьбы. Все промчалось съ годами и парализовалось болѣзнью. Но это только временное затишье; окрѣпнетъ организмъ, возстановятся силы и, снова, закипитъ моя энергiя и потребуетъ дѣятельности, безъ конца.

2-го ноября.

Сегодня день рожденiя Вани, моего сына. Сколько связано воспоминанiй съ этимъ днемъ... Сколько было мечтанiй! И гдѣ же все это? Все прошло! Съ годами ушли мечты и надежды, и осталась лишь пустота въ душѣ.